

мерси шелли

2048

все детали

Мерси Шелли

2048. Все детали

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68925486

SelfPub; 2023

Аннотация

Ткань знает всё. Тысячи искинов-ткачей снимают мерки и заготавливают сырьё персональных данных. Тысячи модельеров чертят выкройки по лекалам человеческих страстей. Тысячи швей работают на местах, воплощая готовые модели в жизнь. А тебе, Золушка, остаётся лишь подправить, подштопать... Но что если дыры в Ткани – не ошибки, а узор альтернативного будущего, и именно такое кружево поможет защитить Землю от инопланетного вторжения? Хотя сейчас этот узор – лишь едва заметные прорехи трёх необычных событий. Сценарист, увидевший дремль без дремодема. Взломщик цифровых кладбищ, который спас дикого биорга. И ты сама, фея из могущественной Артели, решившая взять себе в ученицы вредную девчонку с зелёными волосами... Перед вами – классика русского киберпанка, полная версия романа «2048», награждённого литературными премиями «Золотой Кадуцей» и «Бронзовый Икар». В этом издании собраны все три книги романа: «Деталь А», «Деталь Б» и «Лишние детали».

Содержание

Деталь А	4
ЛОГ ПРО (МУСА)	4
ЛОГ 1 (СОЛ)	52
ЛОГ 2 (БАСС)	73
ЛОГ 3 (ВЭРИ)	84
ЛОГ 4 (СОЛ)	106
ЛОГ 5 (БАСС)	127
ЛОГ 6 (ВЭРИ)	186
ЛОГ 7 (СОЛ)	208
Конец ознакомительного фрагмента.	231

Мерси Шелли

2048. Все детали

Деталь А

ЛОГ ПРО (МУСА)

О Аллах, ты опять меня кинул!

Почему, почему другим правоверным торговля в праздники несёт прибыль – но только не тому, кто четвёртый год батрачит подавальщиком в чайхане собственного отца!

Конечно, после трёх лет уже легче. Заранее знаешь о многих гадостях, поджидающих в том месте календаря, где стоит день осеннего карнавала. Как неотрегулированная пандора, этот день прямо-таки взрывается толпами обдолбанных наркотой туристов с их кривыми искин-толмачами и извращёнными запросами.

Если у них кибитка с забродившей биотеслой, они обязательно летят на ручном управлении и врезаются в витрину как раз тогда, когда ты отключил защитный экран, чтобы вымыть стекло.

Если они притащили с собой ручного геномикса, то он на-

столько уродлив, что всех остальных посетителей чайханы начинает тошнить, и отец теряет половину дневной выручки.

Если они не спешат, то обязательно расскажут тебе, что только на их континенте можно купить криобота для правильного охлаждения каркаде. Или будут учить, сколько мяты класть в женский чай и сколько в мужской.

И после всего этого, нахамив и нагадив, они ещё норовят расплатиться не по текущему курсу, а с какой-то жуткой поддержкой минут на десять, словно их запрос идёт через Марс. Причём за эти десять минут обязательно зависает токийский банкин и обрушивается сиднейская биржа.

А бывает и хуже: когда Шайтан засекает, что кто-то из них «строит глазки», «морозит пальчики» или какие другие трюки проделывает, пытаясь надуть сканеры плат-платы. Тогда – швейцарские скальпели из-под ногтей, игольники с немецкими фармозитами, китайские ноблики с голодублёрами, русские акелы, индийские эмпатроны... И ещё как минимум получасовые «зайчики» в глазах после общения с чьим-то искином-охранником. Подобных гадостей можно ожидать и от собственного Шайтана, который вбил себе в память, что «по причине лёгкой цепной возбудимости человеческих особей необходимо блокировать обе стороны конфликта». Искусственный интеллект, что с него возьмёшь!

Ладно, опытный подавальщик и не такое видел. И знает, что на всякого мудреца довольно технологий. Попробуй вынеси тайком расписную пиалу из чайханы «Горный дух» –

тебе потом вообще будет не на что сувениры вешать.

Но то, что случилось сегодня... Сгори вся чайхана от подброшенного конкурентами «угря», обвалились вся Коралловая Гора от наведённого землетрясения голландских экотеррористов – и то бы не было так противно. Два года учёбы на курсах фуджеев, три года прислуживаний в чайхане отца – всё насмарку! Сегодня репутация Мусы была подмочена так, что выжав её, можно было набрать три бокала «Смерти на пляже», любимого коктейля всех должников и брошенных девиц.

И почему самые большие гадости случаются именно тогда, когда ничего плохого уже не ждёшь? Вот если носишься как сумасшедший с двумя переполненными подносами между шестью переполненными диванами – никаких неприятностей не происходит!

Нет, самое опасное – этот день накануне праздника, этот послеполуденный сонный час. Затишье перед бурей. В зале лишь один посетитель, да и тот завсегдатай. Так что особенно напрягаться не надо. Можно положить голову на стойку, и даже если вздремнёшь полчасика, никто не заметит. Вот тогда-то оно и подкрадывается...

###

– Не люблю осень, да простит меня Аллах!

Муса разлепил глаза, поднял голову и огляделся. А-а, это

опять мулла Катбей. Впрочем, кому ещё быть в чайхане в такое время? Только мулле да вон той мухе, что кружит над диваном у окна. Залети сюда полифем Санитарной комиссии – могут и лицензию отнять. Надо бы эту муху, конечно, того. Но для этого надо активировать Шайтана и сказать ему, что-бы... Ох, как клонит в сон... Что-то такое он должен сделать с этой мухой, да... В ультразвуковые клещи её взять. Погоди-ка, про кого это я думаю «он»? Ну вот, опять ускользнула какая-то важная мысль. Кажется, я думал про Катбея... или нет, про полифемов... раньше они были такие неуклюжие... А мы их – из водяных пистолетов...

– Почему бы им не сделать один климат на весь год?

Муса снова поднял голову и хорошенько потряхнул ею. Похоже, мулла уже не даст поспать. Ишь, как скрипит диваном! И словно рыба с большими плавниками, разворачивает на груди полосатый халат, обнажая волосатую грудь. Из этих жирных зарослей вышла бы неплохая мухоловка. Или даже мухоморка: они бы ещё на подлёте дохли.

– Семипалый Фатим мне недавно рассказывал, как Атмосферная комиссия обещала следить за климатом. – Мулла продолжал ворочаться, постепенно перемещаясь из лежачего состояния в сидячее. – Кого они дурят, эти слуги нанодемонов? Вся эта расцветающая природа, оно же всё чувствуется... Гетерогенный гомеостаз, да простит меня Единый!

Муса не любил разговоры с Катбеем, они всегда были оди-

наковыми. Другое дело Фатим. Хотя первое время Муса побаивался этого низкорослого и костлявого бородача с быстрыми глазами. Каждый раз, когда семипалый в своем засаленном халате – нет, не в искине, а в настоящем халате! – входил в чайхану, мулла Катбей сразу спрашивал, как идёт джихад. В ответ бородач лишь ухмылялся и чиркал себя по горлу оттопыренным седьмым пальцем. Рукав грязного халата съезжал, и в чайхане становилось как будто светлее: на каждом пальце сверкал перстень.

Вначале Муса не понимал, как такого странного человека вообще можно пускать в приличное место. И особенно изумился, когда однажды семипалый шутя дал отцу какой-то совет, после чего отец самолично раскурил для него кальян. Тогда Муса набрался храбрости и спросил у отца, не опасно ли принимать у себя нищего хашишина, который к тому же носит столь дорогие перстни, скорее всего краденые.

Хороший подзатыльник был ему ответом. Позже отец подозвал Мусу и объяснил, что Фатим – не какой-нибудь обкурившийся шахид, а уважаемый человек, взломавший уже два десятка банковских демонов неверных. И что именно на такой электронный джихад наш мудрый мулла выдал семипалому особую фетву. И что перстни – не украшения, а волшебные амулеты, которые позволяют Фатиму говорить с демонами на их демонском языке знаков.

Этой штуки с демонским языком Муса не понял: зачем знаки, если любому искину можно дать команду обычным

человеческим языком? Отец предложил в ответ второй подзатыльник, а также рекомендовал не умничать и относиться к семипалому с почтением. А ещё лучше – завести с ним знакомство и (тут отец многозначительно поднял палец) кое-чему поучиться.

То был редкий случай, когда Мусе понравилось отцовское предложение – не считая, конечно, сопутствующих подзатыльников. Фатим оказался всего на пять лет старше, его просто очень старила борода. Это несоответствие возраста и внешности сам Фатим тоже знал и постоянно использовал: Муса никогда не понимал, шутит Фатим или нет, потому что семипалый то и дело разыгрывал людей с самым скорбным лицом.

Их первый разговор начался как бы невзначай вокруг спора о том, почему заварка некоторых сортов мутнеет, когда остывает. Лишь вечером, прослушивая запись беседы и консультируясь с Шайтаном, Муса по-настоящему оценил, сколько полезных советов о сетевой защите свалил на него семипалый всего в нескольких репликах. Сам Шайтан признался, что уже в начале разговора, уловив в жестах семипалого намёки на свои дыры, тут же добавил несколько новых скриптов и заплаток. Но особенно искин был озадачен словами Фатима о том, что отпечатки пальцев легко подделать с помощью куска застывшего шербета.

Такие беседы случались теперь каждый раз, когда Фатим заходил в чайхану. Вот только узнать о том, как зарабатывал

опытный взломщик, не удавалось. Только лишь Муса пытался склонить разговор к этой теме, как семипалый тут же отшучивался – мол, куда нам до этих кибер-улемов, у нас всё просто. Перебирая в памяти способы обмана банкинов, о которых уже рассказал семипалый, Муса пришёл к выводу, что самое простое – это «сбор крошек». Но неужели опытный взломщик занимается такой ерундой, как скачивание с банковских счетов микроскопических сумм, остающихся там при округлении?

Нет, в это никак нельзя было поверить после всего того, что Фатим поведал про «мусоровозку», «солнечные часы», «тугую калитку» и другие отличные трюки! А то, что он говорил во время последней встречи про «умные деньги», – это же было вообще золотое дно! Оказывается, у диких искинов, живущих в Сети (Муса о таких вообще никогда не слышал), существует своя валюта, называемая «кульбитами». Один кульбит – это небольшой участок памяти, половина которого свободна. Вторую же половину занимает нечто вроде примитивного искина – скорее даже, просто вирус, способный лишь на простенькое вычисление. Однако сотня кульбитов, объединившись, составляют червяка поумней, который может сам ползать по Сети, рассчитывая оптимальный путь для захвата новых вычислительных мощностей. А миллион одновременно исполняемых кульбитов, по словам Фатима, – это просто «неуловимая куча бабок, которая сделает люля из твоего Шайтана, а потом съест его и да-

же не заметит».

Признаться, Муса далеко не всё понял про эти умные деньги. Но чем больше он о них думал, тем больше у него возникало грандиозных проектов обогащения через Сеть. Эх, если бы сейчас зашёл Фатим, было бы о чём поболтать!

– А ещё и карнавал этот... – донеслось со стороны Катбея. – И что за неверный придумал устроить праздник как раз тогда, когда вокруг всё расцветает, всё так нестабильно, что невольно приходят мысли о смерти! Ну какая тут может быть радость, да не расслышит меня Вездесущий!

Придётся отвечать. Клиент, хоть и постоянный, должен получать отклик. Таково уж правило хорошего подавальщика. Лишний обмен репликами – лишний шанс продать что-нибудь ещё.

– Как точно вы заметили, уважаемый. Весна гораздо приятнее. Листопад, свежий ветер...

– Вот-вот, со снегом было бы куда лучше.

Мулла запахнул халат, и тот сразу же мелко задрожал всей поверхностью – сообразительный искин Катбея включил потосборник. Мулла поёжился, как от щекотки, хлопнул себя по ляжке:

– Отстань ты, нечистый! Всё равно никакого толку от твоего проветривания!

Халат прекратил шевелиться. Зато мысли Катбея потекли в новом направлении:

– А что, Мусаф, запусти-ка ты лучше своего дэва. Да смешай мне что-нибудь такое, знаешь... Под карнавал этот несчастный.

– Сию минуту, почтеннейший. У меня как раз сегодня появилось для вас нечто особенное.

– Вот за что люблю вашу чайхану. – Катбей поднял палец. – В других-то теперь и подавальщиков нет, одни подносы на ножках. А о чём с ними, демонами, говорить? Попро-сишь принести что-нибудь «на ваш вкус» – и что они принесут? Машинное масло?

Муса тем временем юркнул под стойку, делая вид, будто ищет среди контейнеров с ароматическими маслами нечто, спрятанное очень основательно.

– Шайка, что у нас на этого борова?

– Ты имеешь в виду свинину, хозяин? – Активированный Шайтан не сразу включился в контекст. – Мулла Катбей не ест свинину.

– Да нет же, плита с ушами! Я про чай говорю. Чистые фавориты у него есть? Я и забыл уже, когда он в последний раз пил что-то, что уже пил до этого.

– Верно, это очень привередливый клиент...

Шелестя в ухе Мусы, верный искин-фуджей одновременно включил кипятильник и развернул сушилку. Три чистых прозрачных чайника выехали на стойку.

– Зимой он обычно пьёт китайский. «Локоны принцессы» с жасмином или «лунный дракон» с лотосом и льдом. Летом

любимая смесь – «ассам хармутти» плюс «цейлон-16ГМ» плюс шиповник плюс изюм. Если холодно, позволяет себе грог «Виктория» на основе «микро-липтона» и бурбона, но только когда никто не видит. Весной всё просто: жареный матэ с лимонным сорго или...

– Сейчас осень! – отрезал Муса.

– Осенних фаворитов выделить не могу. Вот три последних: «ингури» плюс чабрец, «дарджилинг» плюс молоко плюс мёд, «серебряные иглы» плюс лаванда. Все три ему не понравились.

– Ага, теперь вспоминаю. Он любит экспериментировать в плохом настроении. Потом сам же и ругается.

– Тогда давай и мы поэкспериментируем, хозяин! Я утром отыскал в Сети несколько новых рецептов. Вот слушай: «тари лапсанг сучонг» плюс перец «тальтека». По-моему, вполне осенний вкус.

– Хмм... Загрузи-ка пару капель на язык.

Во рту тут же возник привкус пикантной копчёности, медленно перетекающий в сладковатую, но жгучую горечь. Муса сглотнул, запил холодной водой. Искин-фуджей подал на вкусовой чип вторую порцию скрипта, имитирующего новую чайную смесь.

Муса попробовал снова, задумчиво поглядел на Катбея. За год они протестировали на мулле уже десятка три сложносоставных чаев, но...

– Нет, не стоит. Чересчур резкий вкус, а наш боров сего-

дня совсем кислый. Давай так: варим его летний фаворит, но с бергамотом вместо шиповника, чтоб слегка подгорчить. Да и модифицированного «цейлона», пожалуй, не надо. Ни к чему нам эти женшечные гены, опять его понесёт к туристкам приставать с проповедями... Короче, делаем просто «ассам» плюс бергамот плюс розовый кишмиш. Бергамота вдвое меньше, чем для «Графа Грея». А изюм рассчитай по сахару.

– Мне самому заварить или будешь церемониться по-настоящему?

Последние два года этот вопрос искина неизменно вызывал у Мусы тяжёлый вздох. Поневоле выработался рефлекс, когда тебе снова и снова напоминают о неудавшейся карьере бармена.

Мечта о такой карьере овладела им четыре года назад, во время учёбы на чужом континенте. До этого Муса с самого детства мечтал стать терраформщиком, как дед. Правда, деду не нравился этот термин. А от официального «специалиста по суперкораллам» он морщился ещё больше, предпочитая называть себя «ландшафтным дизайнером». Или даже «садовником» – дед часто напоминал маленькому Мусе, что лучшие фонтаны Исфагана радовали глаза правоверных именно в тех садах, которые разбивал дедов прапрадед.

Мусе сначала представлялось, что Исфаган находится где-то в Старой Европе. Позже он пришел к выводу, что это не

так. Ведь дед всегда приговаривал, что в Европе не умели ценить ни воду, ни землю – потому его семья и оказалась здесь, на новом континенте. В отличие от большинства других беженцев, они сразу же получили жилье: настоящие хоромы на склоне Коралловой Горы, которую проектировала команда деда. Плох тот терраформщик, который не позаботится о земле для своих потомков. Дед был хорошим терраформщиком.

На старости лет он увлёкся сталактикой, и одна из пещер в их коралловом доме стала оранжереей причудливых каменных растений. Дед сидел там целыми днями, вовсе не вылезая на свет. Когда кто-нибудь намекал ему, что в этом занятии мало проку, ведь кристаллические розы и хризантемы на сводах его пещеры растут со скоростью одного лепестка в год, старик лишь посмеивался и отвечал, что он и так жульничает – в дикой природе на один лепесток сталактитового цветка нужно не менее трёх сотен лет. В конце концов от него отстали все, кроме внука.

Правда, попытки деда заинтересовать своим хобби маленького Мусу тоже не имели успеха. Силовые поля, ручейки химикатов – всё это Муса игнорировал, требуя от старика рассказов о том, как растут в океанах огромные суперкоралловые континенты. Он тоже хотел стать терраформщиком. Детский ум не мог понять, что некоторые профессии умирают слишком быстро.

Дед успел взять своё – но уже его сыну, отцу Мусы, зара-

батывать в той же сфере было непросто. Японцы ещё химичили вокруг Антарктиды, русские ещё спорили с эскимосами из-за отдельных мест в Северном Ледовитом, израильтяне ещё наращивали свои города-казино в Средиземном море – но в целом мировой океан был давно поделен, а лучшие места застроены.

Вдобавок к этому дед-терраформщик, с почётом ушедший на пенсию, упорно отказывался вылезать на поверхность и помогать в трудоустройстве сына, полагая, что каждый должен добиваться успеха самостоятельно. Он так и умер в своей пещере, под музыку каменных цветов.

Отец Мусы к тому времени совершенно выбился из сил, с утра до ночи вкалывая на японцев. Выращивать персональные «сады островов» на заказ – последнее прибежище тех терраформщиков, которые не хотели заниматься низкооплачиваемой поддержкой уже существующих континентов или выращиванием типовых подводных гостиниц. Но и персональные острова не особенно кормили. Среди беженцев хватало желающих горбатиться за гроши, а сами японцы традиционно не поощряли быстрый карьерный рост – надеяться на серьёзную прибавку мог только тот, кто проработал в одной фирме до самых седи.

Неудивительно, что сразу после смерти деда отец забросил потомственную профессию и открыл чайхану. Один из выходов их жилища в Коралловой Горе вел прямо в главный тоннель по дороге на Старый Город – лучшего места для пи-

тейного заведения было не сыскать во всей округе. Жизнь сразу наладилась. А самого Мусу вскоре отправили учиться ресторанному делу во Францию-2. Отец собирался поставить новый семейный бизнес на широкую ногу.

О, золотое время заморской учёбы! В этом месте воспоминаний Муса всегда издавал второй тяжёлый вздох. Втайне от отца он перешёл с факультета ресторанного маркетинга на подпольные британские курсы фуджеев – в исламской Франции-2 алкоголь был запрещён, да и на родном континенте Мусы не поощрялся. Однако на первом же семинаре, наблюдая, как ловкий бармен жонглирует сразу тремя бутылками над многослойным коктейлем, Муса почувствовал в этом деле нечто родное. В памяти понемногу всплывали рассказы деда о том, как работали его хитроумные аппараты для выращивания цветов-сталактитов. Ручейки химикатов бегут по сводам пещеры, силовые поля направляют жидкости в нужную сторону...

Ну положим, необязательно химикатов. И необязательно им так вяло сочиться по каменным сосулькам, которые, кстати сказать, очень напоминают дозаторы на бутылках.

Оставалось найти скриптуна. С ним, беженцем из Святороссии, Муса познакомился на почве взаимного уважения к «Ледяному чаю Лонг-Айленда», когда проходил практику в одном из баров Британии-3. Выслушав техзадание, русский заметил, что без искина-фуджея тут ничего не получится.

Так появился Шайтан. На него было потрачено всё то, что

прислал отец для оплаты следующего года учёбы.

Но дело того стоило. Стараниями русского скриптуна обычный кухонный искин класса «каф», обитавший в микроволновке, всего за неделю успел превратиться в фуджея уровня «ваф-спец» с функциями охранника. К тому же русский объяснил Мусе кое-что насчёт безопасности и маскировки. И вскоре Шайтан переехал в хорошо экранированный контейнер, который снаружи выглядел как пустая коньячная бутылка с отбитым горлышком – неперменный атрибут бара, оформленного в неоархаичном стиле. Даже папиллярный сенсор для ручной идентификации хозяина замаскировали под рваную наклейку. В самой же микроволновке и в прочих кухонных приборах остались только мелкие демоны: ими Шайтан управлял по беспроводной сети.

Ещё через месяц, переколотив не более сотни бокалов, они собрали свой первый флеер. Инструмент, который должен был перевернуть все представления о барменском искусстве.

Здесь в воспоминаниях Мусу поджидал третий тяжёлый вздох. Как смотрела на него тогда луноликая Айша, маленькая Айша с глазами как свежезаваренное «Солнце Ассама» в двух пиалах молочного фарфора!

Для неё, учившейся на курсах фуджеев уже второй год, Муса был всего лишь неотёсанным провинциалом – до того дня, когда он впервые показал ей игру на флеере. Разлетающиеся «ёлочкой» струи джина, спиральные фонтаны тоника,

звонкие кубики льда и хороводы оливок... А он, как дирижёр, лишь чуть-чуть шевелит кончиками пальцев, управляя этим прекрасным воздушным балетом под музыку, которая льётся, льётся вместе с напитками...

Неприступная Айша, такая милая в своём дурацком брезентовом комбинезоне с широченными лямками по новоиндустриальной моде, больше не была такой уж неприступной. Комбинезон пах ванилью, гвоздикой и имбирём: вторым номером он показывал ей, как красиво можно раскидать на флэере глинтвейн, и под конец чуть-чуть промахнулся. Но она не обиделась – наоборот, ещё больше развеселилась. И сказала, что может петь во время его выступлений, одновременно комбинируя десерты. И что с этим шоу они вдвоём могли бы заткнуть за лямку всех фуджеев Британии-3.

Русский скриптун, смекалистый парень, тоже оценил потенциал инструмента. И предложил открыть фирму по производству флэеров. Но для этого понадобятся кое-какие вложения, особенно в связи с защитой прав на интеллектуальную собственность. Конечно, можно разом продать всю интель какой-нибудь корпорации – но, по словам скриптуна, это всё равно что выбросить в море целое состояние. Гораздо выгоднее, как он выразился, «шить на шару» – то есть вступить в подходящую скрипт-секту и передать ей свою интель в коллективное пользование. А уж секта позаботится о том, чтобы довести разработку до промышленного варианта и обогатить авторов интели. Вот только вступительный

ВЗНОС...

Нужно было поговорить с отцом. Муса долго откладывал это, подозревая, что ничего хорошего из такой беседы не выйдет. Но девушка с глазами как «Солнце Ассама» поддерживала идею. А когда эти глаза говорили «да», когда широкая лямка комбинезона спадала с хрупкого плечика, Муса не мог перечить. Он решился. Он надеялся, что отец поймёт.

И отец понял, но по-своему: сын правоверного пристрастился к алкоголю и связался с чужеземной девкой! В ходе дискуссии флёр лишился нескольких важных деталей, а Муса – двух зубов. После этого отец забрал Мусу домой и сделал подавальщиком в семейной чайхане. Ни русского скриптуна, ни луноликой Айши он с тех пор никогда не видел. Даже Шайтана пришлось переселить из коньячной бутылки в ржавый кувшин.

Взбунтовался Муса через год. «Волшебный календарь» – всего лишь детская игрушка. И безбожно врут все те, кто утверждает, что эта штука способна предсказывать будущее. Но когда помираешь от скуки, хватаешься за любую соломинку.

Выпав из автомата в руку Мусы, календарик высветил на экране текст из целых двенадцати строк. Читать Муса не умел – к чему это надо, если личный искин интерпретирует и озвучивает даже дорожные знаки? По рассказам деда запомнилось, что такие большие тексты из подрезанных строк называют «газелями». Это что-то вроде рекламы, и читать их

следует как бы нараспев, желательно с закрытыми глазами. Но как читать с закрытыми глазами? Наверное, у деда был сетчаточный проектор.

Однако была ещё одна вещь, которую Муса помнил с детства: из «волшебного календаря» можно вытрясти забавные вещи, а непонятное можно пропускать. Поэтому он положил маленький гладкий прямоугольник на открытую ладонь и щёлкнул по краешку ногтем. Дважды перевернувшись в воздухе, календарь упал обратно в руку – и заиграл знакомую мелодию, под которую росли сталактиты деда.

Случайное совпадение? Дед крутил в своей пещере разную музыку... Муса дождался, пока календарь доиграет, и ещё раз подбросил его щелчком. Календарь упал и стал рассказывать про чайную церемонию.

Вот тут уже были причины не верить своим ушам. Два совпадения подряд?

Муса вызвал Шайтана. Но искин-фуджей тоже ничего не знал о принципах работы календаря. Он разбирался в кулинарии, в системах идентификации и даже немного в порнографии – но не умел взламывать устройства, у которых вообще нет открытых портов: только дисплей да чип памяти на два гига.

Тогда Муса предложил Шайтану проанализировать, что может быть общего между любимой мелодией деда и рассказом о чайной церемонии. Ответ звучал довольно глупо: фамилия автора мелодии в переводе означала что-то вроде

«мастер чая».

Да и чего ещё ждать от детской игрушки, кроме подобной глупости? Семипалый Фатим однажды рассказывал, как делаются эти календари: простенькая программа собирает по Сети какие-то кусочки информации, перемешивает их по-своему – вот и вся магия.

Но странное двойное совпадение не давало Мусе покоя целый день. В конце концов он решил, что это знак.

Для выступления он выбрал вечер субботы, самое людное время. Дождавшись «зова Аллаха» (бывают такие удивительные моменты, когда замолкают одновременно все посетители, хотя и сидят отдельными группами), Муса вытащил из-под стойки отремонтированный флеер и велел Шайтану подключиться.

С первыми звуками «Вальса цветов» фонтан кипятка взлетел к потолку чайханы. Посетители как по команде помянули Единого и пригнулись – все, кроме одного случайно зашедшего японца, который лишь молча отдернул голову вбок, точно сломанный робот-футболист.

Однако вода, вместо того чтобы пролиться на головы присутствующих, закружилась над ними. Тем временем Муса, как заправский дирижёр, лёгким жестом поднял в воздух три изящных деревянных коробочки с росписью золотом по чёрному лаку. Заварка тремя тонкими сухими струйками отмеренной длины просыпалась в нагретые стеклянные чайники. Кипяток, круживший под потолком, полетел туда же по трём

длинным, плавным параболам. Ни капли не упало на пол – вся вода теперь вращалась в трёх прозрачных сосудах.

В музыке как раз начался более спокойный фрагмент. Включилась лазерная подсветка. Вообще-то в чайхане «Горный дух» обычно пили чёрный чай, но для церемонии Муса взял ещё белый японский и зелёный китайский. И теперь под тихое скрипичное пиццикато в стеклянном мирке каждого из трёх чайников шёл свой маленький балет.

В левом, где кипяток остался почти прозрачным, поднимались со дна и снова тонули японские «серебряные иглы».

В зелёном подводном царстве среднего распускались «плоды ли-чжи», похожие на хризантемы.

А за стеклом третьего чайника наступала ночь: «роза Каира» разворачивала свои чёрно-красные бутоны. Многие из присутствующих знали этот сорт на вкус, но никогда не догадывались, как прекрасен процесс его заварки.

При подготовке церемонии Муса особенно боялся за эту часть – медитацию. Смешивая коктейли, бармены не делают таких больших пауз. А ведь чай надо заварить...

Но всё прошло как по маслу. Аудитория была достаточно шокирована трюком с летающим кипятком и контрастным переходом к покою. Две минуты глаза всего зала были прикованы к трём подсвеченным стеклянным сосудам, в которых вращалось, вращалось, вращалось...

Когда движение в чайниках почти остановилось, Муса снова шевельнул пальцами. Теперь сами чайники стали мед-

ленно вращаться по кругу, друг за другом, понемногу поднимаясь над стойкой. Шайтан подогнал на освободившееся место три пиалы. Ещё один жест дирижёра – и пиалы тоже поплыли по кругу, скользя доньшками по стойке.

«Вальс цветов» грохнул с новой силой, вся стойка вспыхнула, чайники под потолком закрутились быстрее, их носики наклонились... Лишь двадцать секунд на то, чтобы полюбоваться – великолепная колонна из трёх разноцветных спиральных струй зависает в воздухе, шевелясь и сверкая, как ваза из жидкого стекла, и в бликах вдруг прорисовываются контуры стройного женского тела с крыльями вместо рук.

А потом щелчок пальцами – и три полные пиалы стоят неподвижно на стойке рядом с тремя чайниками. Аллах Всемогуший, уж не бесовское ли наваждение, уж не пэри ли это была?..

Муса оглядел притихший зал и испуганно вжал голову в плечи – отец стоял в дверях, ведущих из чайханы в дом. Для своего представления Муса специально выбрал момент, когда отца не было в зале. Но тот всё равно вышел на звук непривычной музыки.

Однако смотрел он сейчас не на сына, а на муллу. И похоже, с не меньшим испугом.

Все молчали. Катбей поёрзал на диване и кашлянул. Некоторые украдкой прикрыли ладонями уши, ожидая небольшого инфразвукового азана. Поговаривали, что ещё в медресе Катбею вшили дополнительные голосовые связки от

какого-то морского биорга. Может, и ввали. Но как ещё объяснить всеобщие приступы ужаса каждый раз, когда мулла начинал петь?

– Нечистая сила... – пробормотал мулла. К удивлению многих, нормальным голосом.

«Будет сначала разминаться», – пронеслось в головах.

– ...Нечистая сила на службе правоверных – это хорошо. Налей-ка мне, сынок, попробовать вот этого... э-э-э...

Под общий вздох облегчения Муса подскочил к Катбею. Короткий указательный палец муллы неопределённо блуждал в воздухе, целясь то в белый японский, то в зелёный китайский. Кажется, он всё-таки склонялся к «плодам личжи».

Муса открыл было рот, собираясь поведать мулле легенду этого чая – историю о китайской принцессе, которую насильно хотели выдать замуж, и поэтому она...

Но тут в его мозгу случился как бы взрыв, только неслышимый. Так бывает, когда гранула сорта «порох» падает в кипяток. И так же, как от хорошего чая, в голове сразу стало ясно от гениальной мысли:

– Чашечку «Любимых цветов Пророка», уважаемый?

Мулла расплылся в улыбке и кивнул. Толстый палец муллы указывал на зелёный чайник. Под одобрителный гомон посетителей Муса перенёс на стол Катбея чудо китайской культуры, которому суждено было сменить название и легенду, чтобы сохранить популярность.

Отец больше не мог запрещать бесовскую игрушку: выручка за этот вечер составила больше, чем за весь прошлый месяц.

На следующий день всё повторилось при ещё большем скоплении народа. Даже случайный японец привёл с собой ещё двух «желтков» аристократичного вида и трёх гейш в придачу. А это, по местным меркам, тянуло на событие. Конечно, среди опытных терраформщиков попадались и неяпонцы, вроде деда Мусы. И многие суперкоралловые континенты были давно уже выкуплены у Японии другими странами. Но «крутые желтки» по-прежнему вели себя на новых континентах как хозяева. А уж чтобы снизойти до питейного заведения гайдзинов, да ещё вшестером!

Но Муса был готов к славе. В этот вечер, помимо повтора вчерашнего, он показал пару новых трюков и сварил несколько сложносмешанных чаёв. А специально для «желтков» провёл дополнительную церемонию – затяжную медитацию с растиранием зелёного чая в ступке под звуки кото. Очарованные танцующей ступкой, японцы выдули за вечер годовой запас горькой сенчи, которую давно уже никто не покупал.

Правда, семипалый Фатим чуть было не испортил всё шоу, заявив, что сейчас на лету перепрограммирует флеер Мусы, чтобы эта машинка могла жонглировать сразу десятком чайников и таким же числом подносов с халвой. Ситуацию спас мулла, который включил Коран, поколдовал с ис-

калкой и грозно пропел что-то очень красивое насчёт скромности и числа три.

Но всё это было так давно! В прошлом остался и маленький бум, вызванный добавлением в меню именных и праздничных чаёв, и более успешные идеи Мусы с чаем по Корану, чаем по гороскопу Друидов, чаем по Книге Перемен... За два года все привыкли к его трюкам на флере, определились с любимыми сортами. Один только мулла продолжал эксперименты со смешиванием, благо ему всё равно нечего было делать между намазами, а периодическое исполнение азанов требовало почаще промывать горловой имплант чем-нибудь тёплым.

Но ведь всякий подавальщик знает – завсегдатаи радуют лишь первые три раза. Особенно такие, прямо скажем, муэдзины.

Вот и сейчас надо снова исполнить прихоть этого зануды с голосовыми связками моржа-мутанта. И Шайтан опять спрашивает, будут ли они сегодня церемониться по-настоящему. Резонный вопрос: в последнее время Муса все чаще запускал церемонию на автомате. И терял опыт, который наверняка помог бы ему когда-нибудь уехать и...

– Конечно будем! – Муса резко прервал раздумья. – Включай машинку, блудный сын чайника и розетки! А то я с твоей помощью разучусь даже поднос держать.

###

Неприятный звук, который Муса потом вспоминал множество раз, прервал его в самом конце церемонии. Заварка уже замедляла движение за стеклянными стенками, кольцо из ягод кишмиша вращалось над чайником в противоположную сторону. В центре этого хоровода висела и ослепительно сверкала капля бергамотового масла, подсвеченная двумя лазерами. Розовые сморщенные ягодки одна за одной падали в чайник, отмеряя секунды лёгким бульканьем в тишине...

Услышав позади странное фыркание, Муса дёрнулся и сбил свой изюмовый метроном. Сразу три ягоды плюхнулись в чайник, всплеск получился громче обычного. К счастью, Катбей смотрел в другую сторону – он тоже заметил, что в зале появился ещё один посетитель.

«Шайка, довари-ка это дело сам и просканируй нового», – шепнул Муса и чуть подался вперёд, чтобы разглядеть посетителя. Тот сел в самом дальнем углу, лица не видно. Но по крайней мере не машет руками, призывая подавальщика, и не вытягивает голову, как иные нетерпеливые. Просто сидит. Вот склонился к своей одежде, брошенной на соседний табурет. Роемся в карманах. Значит, никуда не спешит. Отлично.

Кишмиш продолжил мерно падать в чайник под контролем Шайтана, и в конце концов упал весь. Туда же ярким метеоритом спикировала капля бергамотового масла. Спустя ещё несколько секунд в ухе Мусы раздался голос искина:

– В базе наших посетителей его нет, но как будто всё чи-

сто. Бриллиантовый кредит австрало-японского банкина. По профессии – преподаватель университета Западной Гренландии, доктор тегуменологии. В моих словарях нет определения этой дисциплины. Но насколько я понимаю, это не квантовая физика или ещё какая сектантская лженаука. Поисковать в Сети?

– Не надо пока. Но ты это... посматривай.

– А ты поправь тюбетейку, хозяин. И вообще, я рекомендовал бы тебе снова подстричься. Когда ты так обрастаешь, на общение с тобой по «внутреннему голосу» у меня уходит очень много энергии, так как дермотроды теряют контакт с твоим черепом и...

– За дермотрода ты у меня ответишь! – перебил Муса, поправляя сползшую на ухо тюбетейку. – Займись делом и не умничай, демон недоформатированный!

– Ага, вот теперь я тебя слышу гораздо лучше! – заорал Шайтан в голове Мусы.

– Убери громкость, жертва замыкания! – прошипел Муса. Чайник и пиала для Катбея уже стояли на подносе, а сам поднос висел над стойкой на такой высоте, чтобы только подставить руку. Муса подхватил его и подчёркнуто неспешно пронёс через зал – знаем мы эти истории с беготней подавальщиков в сонный день, с места в карьер и на пол!

– Горьковато... – Мулла пожевал толстыми губами, словно это был не чай, а халва.

– Осенний карнавал, – пожал плечами Муса.

– Да, пожалуй. – Мулла сделал ещё глоток. – К такому грустному деньку – в самый раз. Запиши-ка эту смесь, пригодится.

– Конечно, почтенный Катбей, – поклонился Муса, пятясь в сторону нового посетителя. Всё, что можно было записать о вкусах муллы, было давно записано.

А вот с новичками всегда сложнее. Шайтанов сканер, конечно, штука мощная. Но и он пропускает кое-что важное. Кое-что, очень важное именно для Мусы.

Далеко не всякий клиент оставляет подавальщику чипсы. А прямые электронные платежи, даже если в них включена благодарность, идут на счёт отца. Поэтому главным источником тайных сбережений Мусы была староевропейская традиция, о которой отец, по счастью, имел очень смутное представление.

Вычислять туристов, способных вознаградить подавальщика хотя бы самым завалящим кредитным чипом, Муса научился с точностью, которой позавидовали бы искины береговой охраны, вылавливающие браконьеров.

В первую очередь важна страна – чипсы имеют хождение не везде. Ужаснее всего американцы, у которых все платежи идут через Сеть. Если, конечно, не считать кастристов, захвативших несколько южных штатов во время их последней Гражданской войны: когда воюешь на развалинах, оставленных Большой Волной, сетевые платежи не очень-то работают.

Но узнать страну посетителя – это только полдела. Далеко не все, у кого есть чипсы, собираются вознаграждать подавальщика. К примеру, те же проклятые кастристы с их доткоммунистическими принципами. Скорее попросят поддержать их революцию, чем что-то своё оставят.

Первый признак, который отметил Муса, подходя к новому посетителю, был не очень хорошим. По правде говоря, он был ужасным. Клиент разговаривал сам с собой.

Что может быть хуже мультиперсонала в ресторане?! Эти многосознательные психи мало того, что чипсов не оставляют, они даже сами с собой не могут договориться, когда делают заказ. Пять минут разговора с мультиком – это как полчаса в кричащей толпе, которая в конце концов заказывает одну минеральную воду без льда!

Ещё через два шага Муса с большой радостью обнаружил, что ошибся. Человек разговаривал не сам с собой, а со своим искином. Синий неовикторианский камзол с красными цветами на обшлагах (дорогая заморская вещица, высокая вероятность чипсов!) был небрежно брошен на соседний табурет. То, что человек выбрал не ковёр и не диван с подушками, а столик с табуретами – тоже хороший знак.

С близкого расстояния стало заметно также, что посетитель немолод. Седые волосы, очень сутулится...

«Приготовь йохимбе. Но не заваривай пока», – шепнул Муса.

Шайтан тихонько звякнул в ухе, подтверждая выполнение

команды. К этому звуку они оба привыкли ещё в те годы, когда искин Мусы был обычной микроволновкой.

– ...А ты вызови его ещё раз, – говорил между тем посетитель, к которому Муса подошёл уже почти вплотную. – Не понимаю, как искин такого класса может опаздывать.

Со стороны камзола раздалось рычание с переливчатыми посвистами. Алые цветы на обшлагах вспыхнули, вдоль ворот прошла судорога. Рычание смолкло, свист повторился.

– Наконец-то, Ригель. – Седой коснулся камзола рукой. – Смею заметить, тебе вовсе не обязательно было стирать моего телохранителя.

«Искин такого класса... Стирать телохранителя...» Варианты вертелись в мозгу Мусы, как чайники «дворца луны» в серебряном ситечке.

Военный?! О злые дэвы, чтоб вас... Да ведь это хуже, чем мультик! Чипсов никаких вообще не даст – у военных всё казённое, каждая пуговица через спутник посчитана! Зато наверняка попытается стащить «сувенир», сволочь милитаристская...

– Добрый день. Я бы выпил чашечку голубого ройбуша.

Человек так резко повернулся к Мусе, что тот даже отшатнулся. У посетителя были очень выразительные темно-серые глаза – словно два кубика льда неожиданно всплыли в пиале «снежного Будды» и замерли, совершенно спокойные на фоне дрожащей поверхности чайных морщин.

А то, что он сказал, было ещё необычнее. Что за бред

– «голубой ройбуш»? Может, он перепутал название? Муса мысленно перебрал в памяти чаи, которые клиент мог иметь в виду. «Голубые глаза» – цветочная смесь с васильками, одно только название симпатичное, а на вкус ужасная гадость. Есть ещё синий экстракт апельсиновых корок. Или...

Не к месту вспомнились признаки отравления белладонной. Муса вздрогнул и снова посмотрел на посетителя. Седой молча глядел на него.

– Извините, но у нас... – начал Муса.

«Есть, есть у нас! – Шёпот Шайтана проплыл в голове Мусы от одного уха к другому, но на последнем слове все-таки зафиксировался посередине. – Это самый дорогой чай, что у нас есть, хозяин. Шестнадцать мегаватт за грамм».

Муса поморщился. Давно же грозился вручную перенастроить Шайтана, если тот не будет переводить цены в человеческую валюту! То у него всё выражается в микрофурье, то в мегаваттах...

Здесь размышление оборвалась, потому что собственный мозг Мусы каким-то другим своим отделом самостоятельно произвёл валютный пересчёт – и все остальные мысли сразу начали светлеть, как заварка «стамбульского экспресса» от кусочка лимона. Может, искин ошибся?

Указательным пальцем правой руки Муса слегка постучал по краю подноса. Не самый приличный жест для подавальщика, но в такой ситуации не очень-то поболтаешь на прямую.

«Пожалуйста, уточняю, — откликнулся Шайтан. — «Голубой ройбуш», шестнадцать тысяч киловатт за грамм. Неустойчивая мутация, появилась после военного инцидента в Претории, ЮАР. Вся плантация была уничтожена силами биозащиты. Впоследствии выяснилось, что растение не представляет для человека опасности, а наоборот, отлично настраивает метаболизм. Но восстановить геномодель не удалось. В настоящее время не выращивается нигде. За последние шесть лет у нас его никто не покупал из-за высокой цены».

От этих слов в мозгу Мусы начала распускаться «роза Каира». Таких клиентов просто не бывает!

— Что-нибудь ещё? — спросил он почти небрежным голосом. С руками получилось хуже: дрожь передавалась подносу. Пришлось изо всех сил сжать его под мышкой.

— Да, пожалуй. Сегодня довольно пасмурный день... — Человек с ледяными глазами сделал жест в сторону камзола, и Муса заметил плечевые фотоэлементы в виде эполет. — ... Моему коллеге понадобится дополнительное питание. У вас есть ванадиевые «стаканы»?

Муса кивнул, мысленно прибавляя к счёту ещё одну приличную сумму. Самые дорогие батарейки. Обычные туристы кормят искины такими дешёвками, что отец даже не учитывает их в своих прогнозах на прибыль. А однажды какой-то японец вообще очень напугал его, попросив для искина «просто воды». Отец потом целую неделю выпрашивал

у всех знакомых, не собираются ли «желтки» повсеместно внедрять искины с таким разорительным питанием. К счастью, всё обошлось. Вероятно, тот парень не очень разбирался в бизнесе, и более понятливые люди попрiderжали его изобретение, грозившее обесценить тонны редкоземельных элементов, мегалитры водорода и горы сахара.

Посетитель тем временем перевёл взгляд на другой табурет, заслонённый от Мусы столом.

– И ещё что-нибудь для другого моего коллеги... Нет ли у вас свежей рыбы?

Со стороны табурета в этот момент снова раздалось то самое фыркание, что сбilo Мусу на церемонии с изюмом. Он опасливо обошёл вокруг стола.

Аллах Всемогуший, да у него тут тварь геномодная! На втором табурете лежал, свернувшись клубком, какой-то биорг с серебристой шерстью. Половину твари составлял пушистый хвост. О нет, целых два хвоста! Один из них биорг подобрал под себя и уткнулся в него розовым носом. А второй хвост свешивается с табурета и мерно постукивает по полу, словно эта тварь собирается перекрасить чайхану в серебристый цвет, используя хвост как кисть.

Ну и психи эти геномодельеры, каких только уродов не выведут! А ведь те, которые с хвостами, обычно ещё и во-няют!

Подавив приступ тошноты, Муса отошёл обратно к человеку, чтобы уродливого биорга не было видно из-за стола.

Все вычисления насчёт шансов получить чипсы окончательно запутались. Военный... с собственным геномиксом?

Нет, не бывает. За три года можно достаточно насмотреться на ручных биоргов, чтобы уметь отличать серийные модели от эксклюзивных. Таких, которые выводятся на заказ в единственном экземпляре, с мощной ретровирусной защитой от генопиратов, прошитой прямо в ДНК. Серебристая тварь незнакомца вполне тянула на штучную работу. Такого уникального уродца может себе позволить разве что любовник министра экологии...

С другой стороны, клиенты с такими тварями любят ностальгировать по старым временам. У них-то водятся чипсы! Зато их геномиксы обычно распугивают всех остальных посетителей – мало ли какую заразу эта тварь разносит. Все помнят, что было в Старой Франции.

А этому ещё рыбу подавай! У нас тут что, передвижной зверинец?

– Я понимаю, что ваше заведение имеет другую специализацию, – заметил человек, в точности отвечая на мысли Мусы. – Но нам предстоит важный разговор, и не хотелось бы, чтобы одна из сторон была ущемлена, так сказать, в самых базисных потребностях. Иначе нам придётся поискать другое заведение.

«Роза Каира» в голове Мусы сигнализировала, что вовсе не хочет завянуть. А рыба... Постой, так это же элементарно!

– Я посмотрю, что можно сделать. – Муса слегка покло-

нился.

Седовласый тоже кивнул и улыбнулся, словно дальний родственник Мусы, встреченный на похоронах другого дальнего родственника.

– Церемониться будешь сам? – тактично осведомился Шайтан, когда хозяин забежал за стойку.

– К Багу! – От волнения Муса перешёл на слэнг скриптунов, которого нахватался во время заморской учёбы. – Вари чай, активируй батарейки, а я грузу рыбу!

С корейцем вышло даже проще, чем он предполагал, потому что самого корейца в лавке не было. А с маленькой Хо, его дочкой, Муса уже несколько раз договаривался и не о таких мелких услугах. Рыбку она принесла сразу, он на бегу спросил цену и крикнул, что переведёт оплату на их счёт. Хо ещё что-то лопотала вслед, но он уже нёсся по коралловому коридору обратно, к задней двери чайханы.

Поднося батарейки и рыбу, Муса ещё раз попытался разобраться в клиенте. Последнее средство: подчёркнуто аккуратно, а значит, чуть дольше обычного сервировать заказ и при этом подслушать разговор.

Увы, ничего не вышло. Сравнение со зверинцем только усугубилось. Серебристый зверёк время от времени фыркал, разбрасывая вокруг своего табурета рыбую чешую. Камзол-искин издавал всё то же рычание с присвистом, и этот дурной звук стал только громче после подзарядки.

Лишь человек говорил на человеческом языке. И похоже,

искин с биоргом понимали его не хуже, чем он понимал издаваемые ими звуки. Этого Муса совершенно не понимал – как можно общаться на трёх языках сразу? У искина, понятно, встроенные трансляторы. А биорг? Или он не участвует в разговоре, а просто жрёт так громко?

Не исключено, конечно, что один из них переводит другому. Скажем, человек – и биорга приручил, и свист искина может интерпретировать...

От новой догадки Мусу опять бросило в дрожь. Нет, только не это! Пусть лучше мультит-гексон, пусть даже военный, получивший геномодного уродца в подарок от любовника министра экологии! Только не Свистящий Дервиш!

За свою жизнь Муса видел лишь одного Свистящего – да и то лишь мельком, когда его, с уже завязанным ртом, вели к полицейскому кибу. Дело было на курсах во Франции-2. Бармен-инструктор тогда рассказывал, что Дервиш попался случайно: до сих пор людей из этой секты никогда не ловили в таком людном месте среди бела дня. Видимо, агенты ГОБа долго готовили ловушку: едва ли обычный ресторан можно так быстро обесточить и звукоизолировать.

Вернувшись к стойке, Муса вновь вызвал Шайтана и велел ему заблокировать все открытые порты, а голосовой интерфейс перевести в режим многополосной идентификации. Шайтан привычно звякнул в ответ. Мусе сразу стало гораздо спокойнее.

В самом деле, посетитель же не свистит. Он лишь слушает

свист искина. Нет, это не Свистящий Дервиш. Тогда кто же?

Голубой ройбуш наконец заварился. Муса схватил чайник и двинулся в дальний угол зала. И снова задержался чуть дольше за спиной странного посетителя.

Но тот по-прежнему нёс какую-то заумь. Ну никак не прицепиться!

– ...Все крупные одиночные дыры штопаются вовремя, – говорил седой. – Но они, возможно, попытаются построить цепь из мелких, тех, что мы сами оставили.

В ответ следовали свист и фыркание, а седой продолжал: – Именно так, трёх дыр вполне достаточно. Согласен, не всегда. Но если все три будут связаны...

На этом месте Муса вынужден был ретироваться. Невежливо, но все известные ему признаки потенциальных носителей лишних чипсов давали сбой. Отойдя за стойку, он залпом выпил пиалу воды и провёл небольшой сеанс самоанализа:

«Сын правоверного, ты опасно заиклился на вопросе чипсов. Это начинает мешать твоей основной работе. Расслабься! Не будет – так не будет. Мало ли кто ещё понаедет на этот карнавал. Могут ведь и всю чайхану взорвать. Так возрадуйся, что ещё жив, и не возжелай чужого добра».

Но надо ж такому случиться – как раз в момент принятия этого мудрого, взвешенного решения странный посетитель подал Мусе знак! Да какой! Сам Муса ни разу в жизни не видел клиентов, подающих такие знаки. Но он хорошо знал

этот жест по рассказам преподавателей на курсах барменов.

Посетитель не тыкал потихоньку в плат-плату, как какой-нибудь клерк из Китая-5. И не орал через весь зал «запишите на меня!», как мулла Катбей с его моржовыми связками. Нет-нет, всё проще и элегантней – большой и указательный пальцы левой руки собраны в щепотку и как бы ставят подпись на ладони правой...

Седой просил счёт именно так, как просили в Старой Европе в прошлом веке! Когда вознаграждать подавальщика было железным правилом!

Чтобы подчеркнуть знание традиций, Муса подал счёт в особой книжечке из настоящего кожаменителя. Никакого другого смысла в этом портмоне не было. Стереодисплей чека всё равно показывал свои цифры лишь одной конкретной паре глаз – клиенту. Не было особого смысла и в самом счёте. Клиент мог бы просто прикоснуться пальцем к плат-плате, которая есть на каждом столе – и в тот же миг два искина, клиентский одёжник и Шайтан, рассчитались бы между собой.

Но если уж продемонстрирован такой старинный жест...

Муса положил книжечку на стол и попятился, однако свист камзола и последующие слова посетителя остановили его.

– Мой друг сообщает, что на токийской бирже через пять минут будет обвал... ничего, если я заплачу через центральный банкин Новой Зеландии? Не считая, конечно, отдельно-

го вознаграждения за вашу расторопность.

На стол шлёпнулся универсальный транспортный чип на месяц. Судя по индикатору, его пока использовали всего для одной поездки.

О Великий и Единый на Небесах, неужто ты открыл для меня сервер милостей своих и забыл пароль, чтобы закрыть его обратно? Посетитель не только знал, где будет наиболее выгодный курс через пять минут, но и сам предлагал заплатить именно по этому курсу, хотя мог бы сделать и наоборот! Не говоря уже про отдельное вознаграждение, которое уже поблёскивало на столе золотым прямоугольником со скруглёнными краями!

– Да, конечно... – пробормотал Муса.

Палец незнакомца потянулся к плат-плате. До перевода денег оставался какой-нибудь миллиметр, когда камзол снова засвистел. Посетитель нахмурился и остановился.

– Мой коллега сообщает, что рыба, которую съел другой наш коллега, не зарегистрирована ни в одной из рыболовецких баз данных. Очевидно, она была выловлена частным лицом.

Пол под ногами Мусы качнулся, и на мгновение чайхана превратилась в частное, то есть совершенно нелегальное рыболовецкое судно, которое вот-вот будет сожжено искинами берегового контроля. Издалека уже как будто доносился вой сирены и запах горелых тубетеек.

Так вот о чём лопотала Хо, когда он выбегал с рыбой! Так

вот почему отец так странно расплачивался с корейцем! Мусу всегда удивляло, что они с соседом постоянно чем-то обмениваются без участия искинов, хотя сетевой обмен позволяет гораздо точнее оценить выгоду каждой сделки. Но от вопросов на эту тему отец всегда отмахивался, говоря, что они с корейцем всего лишь носят друг другу «подарки». Однако подарки редко совпадали с праздниками правоверных, да и обмен ими всегда происходил в условиях повышенной конспирации.

И самое главное – подарки предназначались только для личного употребления. А он только что продал нелегальный товар совершенно незнакомому человеку...

– Мы бы могли уладить это дело, заменив оплату обменом, – заявил посетитель, снова в точности отвечая на мысли Мусы. – Но беда в том, что мне абсолютно нечего вам предложить взамен на такую сумму. А прямой платёж за неучтённый товар сразу будет отслежен искинами финансовой полиции, и тогда вам...

– Но вы можете не платить! – быстро прервал Муса. – Это будет... э-э... подарок от нашего заведения. У нас принято делать подарки новым клиентам.

«Неужели я сказал это? – переспросил он себя, ловя утвердительный кивок седого. – Да, пожалуй, ничего не оставалось делать с этой проклятой рыбой...»

Но погодите, погодите! А как же оплата за всё остальное?! Чай по шестнадцать мегаватт за грамм, да ещё две ванадие-

вые батарейки!

Ответ – в виде двойного фырканья – раздался со стороны табурета, на котором лежал серебристый биорг. Тварь поднялась, потянулась и стала топтаться на месте, а потом и во все побежала по кругу, словно решила догнать собственный двойной хвост. Скорость вращения серебряного вихря всё возрастала...

От головокружения Муса покачнулся, но успел предотвратить падение, упёршись рукой в ближайший табурет, на котором лежал камзол посетителя. Пол качался, стены летали по кругу. Муса закрыл глаза, сосчитал до семи и снова открыл. Мир продолжал кружиться, но уже медленнее.

Серебристая тварь всё ещё топталась на своём месте... хотя нет, никого там не было! Стены перестали качаться, и то, что Муса принял за биорга, оказалось серебряной вышивкой на пустой подушке табурета.

Муса повернулся к седому. Движение привело к новому приступу головокружения, и ему опять пришлось опереться рукой на табурет.

– Я бы хотел уточнить... – начал он.

Посетитель вновь улыбнулся ему, как родственник на кладбище. Его камзол под пальцами Мусы зашевелился.

Вначале Муса инстинктивно отдернул руку, но затем вцепился в синюю ткань обеими. Без искина клиент не уйдёт. А если искин атакует – что ж, тогда в дело вступит Шайтан. И для начала он моментально заблокирует все двери. Вот то-

гда и обсудим, кто чем заплатит. Опытный подавальщик и не таких шантажистов видел.

Однако камзол и не думал атаковать. Вместо этого он начал облеплять собой табурет, становясь всё тоньше и прозрачнее. Рукава подогнулись под сиденье, плечевые фотоэлементы растеклись, как две медузы, брошенные на сковородку...

Через мгновение Муса обнаружил, что крепко держится за голую ножку табурета и смотрит на красную подушку сиденья с серебряной вышивкой. На одной половине подушки лежаладохлая муха. На другой – два оплавленных цилиндра, которые ещё недавно были свеженькими батарейками. Камзола как не бывало.

За столиком остался лишь один табурет, который не освободили. Седовласый посетитель с ледяными глазами по-прежнему улыбался.

Вне себя от злости – какие уж тут церемонии, если над тобой издеваются в твоей же чайхане! – Муса пошёл на посетителя, на ходу поднимая руки, чтобы схватить старикашку за плечи. Крепко схватить! Крепче, чем этот проклятый табурет... то есть камзол...

Да, но камзол-то исчез. И серебристая тварь пропала... А что если и этот тип...

Посетитель как будто ждал от Мусы именно этого момента сомнения. И тоже вскинул руки навстречу, в точности копируя его жест.

От неожиданности Муса остановился и отдернул руки назад, словно человек, в последний момент догадавшийся, что сейчас налетит на зеркало. Посетитель скопировал и это движение, да так быстро и точно, что Муса уже не мог оторвать взгляда от его рук. Вот они покачались из стороны в сторону и затряслись, затряслись, посыпалась кожа, отвалились куски гнилой плоти, а две кисти всё продолжали отряхиваться, отряхиваться...

Когда от поднятых рук остались лишь тонкие белые кости, стало видно, что с лицом, находящимся за ними, происходит то же самое. Лицо посетителя с огромной скоростью старело. Морщинистая кожа сползала со скул, волосы сыпались кло-чьями. Вот появился череп, он засох, почернел и рассыпался в пыль... Лишь глаза, два серых кубика льда, непостижимым образом оставались на месте.

– Шайтан! – Скованный ужасом Муса наконец разлепил губы.

– Зачем кричишь, хозяин? В зале никого нет, кроме тебя и Катбея.

Муса тряхнул головой и огляделся. Мулла Катбей мирно посапывал на своём диване. А в том углу, где только что сидел ускоренно разлагающийся скелет, и вправду никого не было.

Но и назвать это наваждением не удалось бы. Рыбья голова валялась под одним табуретом, разряженные элементы питания – под другим. На столе стоял чайник с остатками

самого дорогого и совершенно неоплаченного чая.

– Почему же ты его отпустил, выродок горелой микро-волновки?! – От крика Мусы Катбей заворочался, но не проснулся.

– Ты же сам сказал ему, что он может не платить, – спокойно отвечал Шайтан. – Никаких команд от тебя не было. Кроме того, твой отец многократно инструктировал меня насчёт бесплатных подарков, которые всё равно приносят нам пользу, поскольку являются особой формой рекламы наших...

– Аллах Всемогуший! Но разве ты не видел, что было дальше?!

– Как я понял, вы с клиентом обменялись ритуальными жестами, означающими пожелание доброго здоровья. Ты ведь инструктировал меня насчёт жестов, которыми ты регулярно обмениваешься с японцами и представителями других наций, где до сих пор...

– Всё, всё, достаточно! – перебил Муса. – Нужно срочно искать его, звонить в... Нет, в полицию нельзя! Ладно, сами найдём. Надеюсь, ты снял его и тех тварей, которые с ним были?

– Клиент записан. Но с ним никого не было.

– Что?! А кто сидел вон на том табурете и рыбу жрал? Полметра в длину, и ещё два хвоста по полметра?

– У меня ничего не записано, хозяин. Я сам удивился, почему рыба так быстро исчезла. Решил, что она была запрограммирована на саморазложение. У нас в Сети такое

сплошь и рядом: только лишь истекает срок лицензии какого-нибудь скрипта, так он тут же стирается.

– Скрипт, но не целый искин-одежник! Скажешь, ты его тоже не видел? На соседнем табурете лежал. Ну?

– На нём тоже ничего нет. Видимо, хорошая защита. Ты его сейчас видишь, хозяин?

– Нет, не вижу... – Муса подумал, что разговор всё больше отдаёт сумасшествием.

К счастью, Шайтана не мучили подобные человеческие комплексы. Он перехватил инициативу и вернул беседу в рациональное русло:

– Не нервничай, хозяин. Разберемся. Когда ты в последний раз видел этот искин? Как он выглядел и что он делал?

– Одежник, довольно высокого класса. Может даже «бэт», не знаю. Лежал на табурете. Потом стал съёживаться... Погоди-ка, а ведь ты прав!

Муса сгрёб со стойки огнеупорную салфетку и обмотал ею руку. Потом медленно приблизился к табурету, на котором несколько минут назад лежал синий камзол. С виду табурет ничем не отличался от других. Муса схватил его за ножку и аккуратно перенёс на стойку.

– Сканируй.

Несколько минут прошли в тишине, прерываемой только сопением Катбея. Наконец Муса не выдержал.

– Шайтан?

– Что, хозяин?

– Как что? Ты просканировал табурет?!

– Зачем сканировать табуреты, хозяин? Или ты всё-таки решился принять участие в конкурсе «Авангардный чай»?

– О-о, только не это! – взвыл Муса, прозревая. – Запускай доктора скорее, мать твою в плавку!

– Пожалуй... ста... – уже на середине слова голос Шайтана стал озабоченным. – Хозяин, через меня кто-то только что прошёл в Сеть. В качестве точки входа использована дыра в программе сканера. Странно, что я не помню, зачем мне вообще понадобился сканер. Неужели я сканировал этот табурет? А зачем?

– Тебе стёрли память, калейбасса ты дырявая, – бесцветным голосом констатировал Муса.

– Точно, – согласился Шайтан. – Сам до этого никогда не додумаешься. А когда подскажут, сразу ясно. У меня стёрт весь сегодняшний день, хозяин. Но последний бэкап был час назад, поэтому... Ага, вот, всё восстановил. Кроме этого последнего часа. Не мог бы ты мне вкратце рассказать, что тут произошло за это время?

– Что тут произошло? – эхом откликнулся другой голос, гораздо более суровый. И не в ухе Мусы, а за спиной.

В дверях чайханы стоял отец. Острый клин бороды указывал то единственное направление, куда Муса мог отвести взгляд.

Уставившись в центр ковра на полу – до чего же там странный узор! – Муса ждал. Храп Катбея пилил тишину на рав-

ные бревна, и на какой-то миг Мусе показалось, что случившееся всё-таки было наваждением, о котором вовсе необязательно рассказывать...

Но тут за спиной отца, в проёме распахнутой двери, громко зашелестело, застучало и забурило. Катбей открыл глаза.

– Ну, началось, – проворчал он. – Одна радость от этих санитарных дождей: голова болит точно по графику. Э-э, а где тот неверный, что заказывал синюю гадость? Уже побежал промывать желудок?

Словно в ответ на это Шайтан включил посудомойку. И сразу стало ясно, что расклад чистой и грязной посуды – совсем не в пользу подавальщика, который позволил обмануть чайхану на сумму, превышающую месячный доход заведения.

О Аллах, почему ты опять меня кинул в самом богоугодном деле – в торговле!

###

На этот раз зубы не пострадали. Зато левый глаз заплыл основательно. Да и с правым плечом что-то было не в порядке после удара табуретом.

Полчаса спустя, вырвавшись из рук разъярённого отца, Муса сидел в сталактитовой пещере деда, растирал ушибленные места и тщетно пытался вызвать Всевышнего на разговор.

Обычно он не делал этого вслух. Но ругань с кухни была слишком громкой. Отец кричал, что заменит Мусу на работа, на электронную тумбочку с камерой и колёсиками, какие давно используют в других заведениях, и хотя это подорвёт престиж чайханы с её вековыми традициями живого общения, но зато даже самый простейший бот-подавальщик умеет одновременно обслуживать десять столов, рассчитываться с клиентами без ошибок и пылесосить пол, в отличие от полоротого, испорченного в стране неверных, ленивого и неблагодарного...

Чтобы заглушить этот водопад проклятий, нужно было либо вовсе уйти из дома, либо производить собственные звуки. Первое было давней мечтой, второе – испытанным методом.

Как это случалось и прежде, Бог не спешил отвечать. Но его абстрактный образ в сознании Мусы постепенно приобретал всё более знакомые черты. Не прошло и десяти минут, а Муса уже адресовал свои просьбы к деду. И обращался при этом не в пустоту, а к одному конкретному объекту.

Жёлтые, розовые и молочно-белые каменные растения, выступающие там и сям из стенок пещеры, внимали его мольбам одинаково молчаливо. Но Мусе всё время казалось, что лучше других его слушает большой сталактит зелёного цвета, что свисает из центра свода. И даже не потому, что в эту штуковину дед, по его же словам, «вложил всю душу» (Муса так и не понял, что это значит, но догадывал-

ся, что тут скрыто какое-то богохульство). Нет, ему лично последний шедевр деда нравился тем, что эта изумрудная воронка своими плавными формами очень уж напоминала огромное, покрытое инеем ухо.

Когда история про сбежавшего посетителя была рассказана Уху во всей красе, Муса почувствовал себя намного легче. Ругань отца смолкла ещё раньше: к вечеру чайхана вновь стала наполняться посетителями, и отец ушёл из кухни в зал. В пещере деда стало совсем тихо. Лишь изредка то с одного, то с другого каменного лепестка капало на пол.

Муса кряхтя поднялся с коврика под зелёным сталакти-том.

– Если бы я встретился с этим неверным снова, я бы его проучил. Слышишь, дед? Уж я бы ему сделал три дыры или чего он там ещё хотел... Только бы мне встретить его снова.

Зелёная воронка как всегда молчала. Муса вздохнул и двинулся к выходу. И уже не видел, как по каменной спирали Уха, среди похожих на иней кристалликов, ползёт маленькая прозрачная капля.

Капля добралась до нижней каймы сталактита, блеснула радужным переливом и замерла, на миг отразив в себе спину Мусы и всю пещеру. А может быть, и не только это. Но даже если бы и было кому смотреть – что там разглядишь в такой маленькой капле? Особенно если она висит неподвижно всего лишь мгновенье, а потом...

ЛОГ 1 (СОЛ)

...И прямо в цветы лицом.

Розовые и белые вперемешку.

У самой воды.

У самых глаз.

На обоях.

Сол пошевелил головой и убедился, что дремль закончилась. Высший класс, иначе и не скажешь.

По стилю это смахивало на работы Рамакришны, когда он ещё не перешёл из сценаристов в директоры. Но Рамакришна никогда не создал бы такой яркой вещи. Рамакришна так уважает гармонию, что в его творениях всегда заметна немного искусственная уравновешенность. А здесь искусственных ограничений не ощущалось вовсе.

И эта классическая концовка с плавным переходом в реальный интерьер... Примитивный трюк, им давно не пользуется никто из серьёзных дремастеров. Но в данном случае простота была просто гениальной. Сол усмехнулся, вспомнив, что когда дремль закончился, он ещё несколько секунд не замечал этого, разглядывая белые и розовые букетики на собственных видеообоях.

Да что там концовка! Анализировать дремль с конца — профессиональная привычка. Но в этот раз Сол чувствовал,

что он нарочно не торопится переходить к основной части дремля, как бы смакуя только что пережитое... и не находя слов. Все эпитеты из лексикона бывалого сценариста напоминали сейчас пожёванные картонные бирки, какие он видел в Музее Бумаги на одном из старых континентов. Сказать «высший класс» – всё равно что не сказать ничего. Здесь вообще суть не в качестве. Это было нечто... пронзительное.

Да, именно так. Сол мысленно повторил: «пронзительное». Даже само слово казалось непривычным. Сол подумал, что вряд ли вообще когда-нибудь употреблял его.

Нет, в самом буквальном смысле он, конечно, употреблял что-то подобное. Особенно тогда в Гонконге, где он неожиданно остался без единого кредита, и приходилось халтурить в паре дешёвых полулегальных студий, выдававших на-гора по десятку новых дремлей в день. В его поделках того времени практически ничего другого и не было, кроме секса и крови, то есть вещей самого «пронзительного» характера. Но само это слово Сол не использовал и тогда. Может быть, потому, что в этом звонком и быстром «нзи» было что-то ещё... То, что было в сегодняшнем дремле. И чего не было во всех остальных.

– Сол, вставай, ты опаздываешь на работу! – После паузы знакомый голос сделался громче. – Сол, ты не ответил мне уже трижды. Ввиду того, что я не имею возможности оценить твоё состояние, я буду вынужден либо включить сирену, либо вызвать врача, либо...

– Заткнись, Маки, – сказал Сол и закрыл глаза. «Цветочки кончились, начались титры», – подумал он.

– Вызов врача отменён. Сол, я напоминаю тебе, что при дистанционном анализе твоего состояния результаты слишком неточные. И вновь настоятельно рекомендую пользоваться моими услугами в режиме «одеяло», чтобы я мог...

– Ну что ты за тупица, Маки! Я же тебе триста раз объяснял, почему я не хочу тобой накрываться ни в режиме «одеяло», ни в режиме «ковёр-самолёт педальный».

– Режим «ковёр-самолёт педальный» отсутствует. Судя по тону, ты пошутил. Слово «затупица» занесено в мой словарь ещё позавчера, но дефиниция не полна. Это команда или шуточное вводное слово?

– Ох, Маки, заткнись...

Сол встал с кровати. Пальцы левой ноги коснулись чего-то прохладного. Сначала Сол отреагировал привычным пинком. Но то, что он сделал потом, сильно озадачило Маки, который и так всю ночь промучился, анализируя состояние хозяина по показаниям редких имплантов и доносящимся со стороны кровати звукам. Сейчас Маки зафиксировал учащение пульса и падение тела на пол. Правда, тело упало не до конца, и по всей видимости, мозг ещё работал.

Сол стоял на коленях и глядел под кровать. Под кроватью лежала изящная подушечка-дремодем. Она была отключена. Она была разбита об стену. Потом она была немного потоп-

тана. Потом из неё было кое-что выдрано, поскольку оно всё ещё мигало. Сол знал об этом, потому что лично проделал всё это два месяца назад. Он уже два месяца не пользовался дремодемом.

И тем не менее, сегодня ночью он видел дремль такой силы, что попади эта штука в прокат, она могла бы обрушить даже биржу Киберджайи, не говоря уже о токийской. Таких сильных вещей не делали даже в Новой Зеландии. И если бы такой дремль выпустила не та компания, в которой работал Сол, – он уже сейчас был бы безработным.

И что самое дикое: он видел этот чудо-дремль без дремодема.

Сол сел на кровать. Так... начать надо с себя. Вчерашний день, детально.

Однако в памяти не было абсолютно ничего такого, что отличало бы вчерашний день от многих других. Разве что съездил посмотреть старые автомобили, прорабатывая сценарий нового дремля с гонками в ретро-стиле. Но ничего больше. Он даже не играл вчера на рободроме и не ходил в лепт. Он даже не виделся с Кэт.

Сол прошёл в угол комнаты, подцепил валяющийся там макинтош и надел его на голое тело.

– Режим «одеяло»? – осведомился Маки.

– Любой режим. Ты хотел проверить мое состояние? Давай проверяй, по полной программе. Импланты, нанозиты, химия... любые отклонения.

Маки замолчал. Сол почувствовал, как по некоторым чувствительным местам его тела ползают улитки.

– Учащённое сердцебиение, общее возбуждение. Подкорректировать?

– Больше ничего?

– Ты дважды не отзывался на будильник. Но у тебя такое бывало и раньше. По-моему, это просто глубокая релаксация. Это не вредно, но для удобства мониторинга я бы тебе рекомендовал...

– Не надо. Скажи лучше, не употреблял ли я вчера чего-нибудь, отбивающего память. Слепые коктейли, «диоксид», какие-нибудь новые наркотики?

– Бензин.

– Что?!

– Ты ездил смотреть старинные машины. Ты стоял около одной из них, когда её заправляли. И вдыхал пары летучих углеводородных соединений. Прежде чем я успел включить фильтр, ты вдохнул около двух сотых миллиграмма...

– Ну и что? Тысячи людей на старых континентах ежедневно вдыхают такие пары!

– Считается, что вдыхание бензина вызывает эйфорию и привыкание.

– Что-то я не чувствую ни того, ни другого... – пробурчал Сол. – Ну хорошо, а какие-нибудь странные покупки я делал в последнее время?

– Ты регулярно покупаешь малофункциональные вещи,

Сол. Мелкие старинные предметы, украшения, засушенные растения, кости животных, примитивные голограммы и другие изображения, старые бумажные книги. Ты мне объяснял, что они стимулируют твоё воображение при создании новых сценариев. Я слежу, чтобы они были продезинфицированы и не содержали...

– Ну да, да! А вчера?

– Только один предмет, «волшебный календарь». Детская игрушка, представляющая собой электронную коллекцию связанных друг с другом цитат, стихов и изображений. Ты ещё сказал, что у тебя после игры с этим календарём возникла одна свежая идея, которую ты надиктовал в дневник. Зачитать?

– Да помню я все свои идеи... – Сол скинул макинтош на пол, взял брюки и стал проверять карманы. – Кому они нужны, если в совете директоров почти одни бабы! Им подавай дремли про поиск потерянных детей, про покупку мебели по самым низким ценам, про умение не отравиться при посещении родителей... Никакого ретро, ни одной стрелялки или трахалки за весь год... Домовая!

– Я слушаю, Сол, – откликнулась люстра голосом безутешной, но энергичной вдовы лет сорока.

– Происшествия за ночь. Попытки внешних воздействий любого типа.

– Получен счёт за биоколпак и за воду, я произведу оплату согласно программе. Китайский спутник «Жу-15» вышел из

зоны приёма, новостной канал «Светлый путь» будет недоступен ещё полтора часа. В двух километрах от дома зафиксировано животное... возможно, волкот.

– При чём тут волкот?! Ты мне ещё про почтовых голубей начни рассказывать! – прикрикнул на люстру Сол.

– Голубей не зафиксировано. Обнаружение дикого волкота считается происшествием класса 2, последний раз такое случилось только...

– Ясно-ясно, хватит! – крикнул Сол из гигиенной.

Через две минуты, вымыто-выбрито-оздоровлённо-опорожнённый (или, как он сам любил говорить одним словом, «освежёванный»), Сол снова сидел на кровати, наполовину морфированной в кресло-леталку. Техника безопасности запрещала Домовой проводить морфирование предметов обстановки с располагающимися в них людьми. Людям, в свою очередь, рекомендовалось на время морфирования отвалить от предметов обстановки. Эта система условий приводила к неожиданным последствиям. Вот и сейчас, когда хозяин дома в глубокой задумчивости вышел из гигиенной и сел, Домовая остановила процесс на полпути. Но Сол как будто и не замечал, что сидит на чем-то вроде дистрофичного кита.

– Сол, ты по-прежнему опоздал на работу, – заметил Маки.

Сол оторвался от размышлений – не столько из-за напоминания о работе, сколько из-за слов «по-прежнему опоздал». Будь на свете школа, где искусственные интеллекты

обучаются мыслить по-человечески, Маки был бы в ней хорошистом. Но иногда все-таки получал бы «двойки». Например, сейчас с его точки зрения «опоздал» было временным состоянием, которое легко исправить. У самого Маки были особые отношения с временем. Времени для него словно бы и не существовало, кроме редких критических случаев, вроде плохой дальней связи с какими-нибудь узлами Старой Европы.

«Мне бы так», – подумал Сол. «Всё ещё опоздал» – потом чик! – и как будто пришёл раньше всех.

Он встал и снова поднял макинтош.

– Режим одежды? – спросил Маки.

– Вельветовая куртка, как вчера.

– Напоминаю, сегодня с утра установлен тип погоды «осень-два». Вечером на улице будет прохладнее. В режиме «вельветовая куртка» твоё тело будет прогреваться неравномерно. Я бы рекомендовал...

– Куртка, как вчера! – раздражённо повторил Сол. – И если ты снова начнёшь давать мне советы про режим одежды, я сделаю с тобой то же, что сделал с дремодемом.

– «Убийство есть грех», – процитировал Маки густым и медленным басом Папы Пия-М4, сетевого генератора афоризмов, очень популярного среди искинов.

Впрочем, насчёт афоризмов – это было выражение Сола. Сам Маки называл Пия-М4 как-то более уважительно. И даже пытался однажды объяснить Солу, как этот стран-

ный Папа всех искинов помогает им в решении парадоксов логики. К сожалению, при объяснении Маки пользовался слишком загадочными терминами «гештальт-перезагрузка» и «коллективное беспроводное». Поэтому Сол понял лишь, что Пий-М4 был чем-то вроде игральные костей с большим разнообразием граней.

Но сейчас он отметил, что за свои слова про грех Маки получил бы «пять с плюсом» не только в школе искинов, но и в некоторых человеческих школах отсталых стран.

– Машину нельзя убить, потому что она и так не живая, – парировал Сол.

– Неверно. Человеческий стереотип эпохи пассивных машин. А я принадлежу к активным. Я настроен на постоянный сбор информации, даже если не получаю никаких команд. Прерывая моё функционирование, ты лишаешь меня возможности собирать информацию. Это приводит к недостатку информации и падению продуктивности моей работы. Поскольку я могу оперировать оценочными категориями, я отношу это к категории вреда для жизни. Я заинтересован в том, чтобы вреда не происходило.

– Ладно, понял, – отмахнулся Сол, выходя на крышу дома.

Маки появился у него совсем недавно. Это была идея Рамакришны, который считал, что сотрудники студии не должны отставать от прогресса. Правда, Сол подозревал, что студия снабдила Маки ещё кое-какими скрытыми функциями.

Все-таки один из главных дремастеров одной из крупнейших.. и так далее. А это и вправду означало повышенное внимание со стороны определённых людей.

Сола почти ежемесячно пытались перекупить. Четырежды угрожали. Один раз предлагали собственный континент с хорошо работающей индустрией – взамен на два иероглифа внутреннего пароля. И примерно раз в неделю пробовали склонить к совершенно варварскому ритуалу прямого совокупления – ошибочно полагая, что если дремастер использует в своих работах некоторые архаичные образы, то он и впрямь будет рад получить вознаграждение именно таким способом.

Обычно Сол со смехом рассказывал все эти истории Рамакришне, который разделял его веселье. Однако для себя генеральный справедливо мог заключить, что когда-нибудь Сол чего-нибудь не расскажет. Хотя бы потому, что сам не будет помнить – или вообще будет жив лишь частично к тому моменту, когда его снова увидят коллеги. Возможно, из-за желания предотвратить столь разорительные варианты Рама и рекомендовал Солу завести, как говорится, Ангела-хранителя.

С тех пор ни дня не проходило без словесной битвы. Маки всегда подчинялся – но и спорить мог бесконечно, если ему давали такую возможность. Сол тоже был не прочь иногда поиграть в этот умственный пинг-понг. Маки был кривым зеркалом, в котором Сол разглядывал собственные идеи...

и не без пользы.

Сенсор телегона узнал его ладонь и предложил стандартный маршрут. Ну да, в офис, куда ещё в такое время. Когда они взлетели, Сол решил развить тему:

– А если выходит так, что чем больше данных ты получаешь, тем противоречивее картина? Если новая информация опровергает старую? Это ведь тоже негативное явление. Ты это не считаешь увечьем... или как ты там говорил... вредом?

– Нет. Моё поколение искинов вообще не оперирует понятием «противоречивых данных». Это называется неполной информацией. Любой набор данных по определению неполон. Это моё нормальное рабочее состояние.

– И моё, особенно сегодня. Но почему-то оно кажется мне ненормальным.

– Это вопрос ко мне или так называемый «разговор с самим собой», Сол?

– Ох, Маки, заткнись.

Снаружи уже неслись крыши даунтауна. Что-то и в них сегодня неправильно, подумал Сол. Ну и денёк...

– Слушай, Маки, давай-ка дуй в Сеть и ищи всё на тему «дремль без дремодема».

– Дремочип.

– Что дремочип?

– Дремль, не загруженный в дремодем, записан в дремо-

чипе.

– Да нет, Баг ты мой! Я имею в виду, возможна ли трансляция дремля без... Тьфу, как же это сказать-то?

Для правильного запроса на поиск Сол должен был сам сформулировать, что с ним произошло. А этого он как раз и не мог сделать! Трансляция дремля издалека – да, возможна. Это известно и без Маки. Качество, конечно, не то, что у контактного дремодема... Но дом хорошо экранирован. Если бы делались попытки взлома, Домовая заметила бы и доложила, поскольку это уже не волкот какой-нибудь, а настоящий криминал.

Нет, не было никакой трансляции извне... по крайней мере, известными методами. Всё остальное Маки характеризует как галлюцинацию. И поскольку не было никаких воздействий, он решит, что хозяин свихнулся... Какие у искина инструкции на это счет, можно только догадываться. Особенно если Маки – глаза и уши студии, приставленные для присмотра за самым дорогим сценаристом.

– Жду запроса, – напомнил Маки.

– Найди всех дремастеров класса А, кто за последние пять лет использовал концовку типа «возвращение в интерьер». Особенно с обоями. Расскажешь вечером.

На крыше студии, где Сол выскочил из телегона, было непривычно жарко. Он огляделся и понял наконец, в чём несоответствие, которое он заметил раньше. Все крыши бы-

ли сухими.

– Эй, Маки, а когда был последний дождь?

– В два часа ночи.

– А дневные что, отменили?

– С переходом на климат «осень-два» вместо двух дневных дождей в 11:00 и в 17:00 будет только один дневной – в 14:00. Через 20 секунд. Перейти в режим «полный макинтош с капюшоном»?

– Как ты мне надоел со своим полным режимом! Оставь куртку. Подумаешь, дождь...

– Напоминаю, что...

Но было поздно. В следующее мгновение Сол сам пожалел о своём упрямстве, когда первая капля попала ему в глаз. Он крепко зажмурился, вытянул перед собой руки и бросился к двери, до которой оставалось метров двадцать. В голову пришла полезная мысль о том, что он бежит с закрытыми глазами по крыше небоскрёба. Но открыть глаза он не мог. В воздухе пахло мылом.

– ...что первый дождь месяца – санитарный!!! – закончил Маки таким тоном, который можно было бы принять за злорадовство. Хотя знающий человек сказал бы, что искин просто повысил громкость из-за шума ливня.

#

Все надежды просочиться на рабочее место рухнули так

же быстро, как лифт, моментально пролетевший двадцать этажей. До этажа Сола оставалось ещё двенадцать. «Только не на двадцатом!» – успел подумать Сол, когда лифт остановился на двадцатом и в него вошёл сам Рамакришна.

Из своих девяти косичек, заплетённых нитками разноцветного бисера, Рамакришна держал в руках только три. Это означало, что одним приветствием не отделаться. Сол мысленно попросил какого-нибудь Бага всех телекомов прийти к нему на помощь и срочно устроить Рамакришне ещё несколько вызовов. Но Баги телекомов были на стороне генерального. Делая шаг в лифт, Рамакришна сказал: «И вам того же» – и отпустил одну из косичек. Разговор был неизбежен.

– Солей, ты снова пропустил утреннюю песню, – сказал Рамакришна, продолжая перебирать две оставшиеся в руках косички. – Нет, мистер Мэнсон, как раз этим мы не интересуемся. Но почему в пять, дорогая, меня ещё не будет в городе! Более того, ты снова пропустил экстренное заседание совета, и твой Маки был заблокирован для всех входящих сообщений. Я не говорю «нет», мистер Мэнсон, но вы должны меня понять – здесь есть определённый риск, и хотя мы любим свежие решения... Милая, вовсе не в Маракеш, с чего ты взяла, какая еще Сумитра, что ты выдумываешь? Я понимаю, Солей, ты вольный художник и всё такое... однако продукция «Мэнсон Сисоу» чересчур экстравагантна для того, чтобы привлечь широкую публику, а для раскрутки по

нашему культовому тарифу в ней не хватает изюминки. Хорошо-хорошо, детка, я постараюсь к половине шестого, можешь даже заказать мне ванну... но игнорировать заседания совета – это уже чересчур даже для свободного художника! Да, такой вариант мне кажется более приемлемым, мистер Мэнсон, и если мы говорим только о восемнадцати миллионах, я готов это обсудить... на работе, любовь моя, на работе, где же мне ещё быть? Баг тебя зарази, Солей, где ты был всё утро?! Нет, не «восемнадцать сейчас», и это вовсе не означает, что мы с вами заключаем долгосрочный контракт...

Лифт остановился. Сол трижды мысленно прочёл по памяти первые два пункта Декларации Психонезависимости. Не то чтобы он не любил мультиперсоналов. Рамакришна был по-своему гений. И все те страдания, которые он перенёс в психушках Нью-Дели, внушали огромное уважение. Но общаться с мультиком недистанционно... Солу однажды довелось наблюдать, как Рамакришна разговаривает с семьёю людьми одновременно, причём с двумя из них – женскими голосами, и с одним – детским. Зрелище не для слабонервных. Если кто-то думает, что в таких случаях можно просто отмолчаться, он глубоко ошибается. Сол молчал все двенадцать этажей, слушая три одновременных разговора Рамакришны. Это привело лишь к тому, что он последовательно придумал и отбросил три идиотские байки, объясняющие своё опоздание. Общением это, конечно, не назовёшь, но фактически получалось, что вводная часть разговора про-

изошла.

– Я видел дремль без дремодема, – выпалил Сол и сам немного удивился, что у него вырвались именно эти слова.

«Лучше бы сказал, что на мне взорвался макинтош и я ходил в техотдел за новым, – подумал он. – Всё равно ведь уволит, но так хотя бы без пометки «За издевательство над начальством».

Рамакришна пристально поглядел на него и отпустил обе косички, которые ещё держал в руках.

«Не только уволит, но и вычтет с меня восемнадцать миллионов». Сол попытался представить, сколько убытков приносит студии переход Рамакришны в одноканальный режим хотя бы на пять минут.

– Слушай, Солей... – начал Рамакришна, положив руку на плечо Сола и выходя вместе с ним из лифта. – Ты один из моих лучших дремастеров.

«Нет, не уволит. Просто убьёт. Задушит к Багу своими шаманскими бусами. Со смертниками всегда говорят ласково в последние минуты. Небось на заседании совета не хватило одного голоса, чтобы предотвратить какой-нибудь шаг, ведущий к банкротству всей конторы...»

– Кроме того, ты единственный белый человек в нашей студии, – продолжал Рамакришна.

«Ну вот, он уже и повод придумал, – вздохнул Сол. – Или просто даёт мне возможность уйти самому, без скандала?»

– Знаешь, Рама, если ты держишь меня только из полит-

корректности, то я могу...

– Нет-нет, я не в буквальном смысле. Извини, если получилось грубо. – Рамакришна приложил руку к сердцу. – Я лишь имел в виду, что ты для меня больше, чем сценарист. Ты находишься на той грани между специализациями, где другие редко задерживаются. Ты понимаешь, что такое рынок...

Сол поморщился.

– Ладно-ладно, не рынок, извини, – поправился Рамакришна. – Я хочу сказать, ты мыслишь глобально. Не циклишься на своём внутреннем мирке, в отличие от всех этих высоколобых знатоков искусства, которые готовы целыми днями трындеть про величие бывшего худла, а заодно и про глубину своих нынешних дремлей, которые не покупают даже русские и бразильцы. А с другой стороны, ты всё равно остаёшься дремастером. Ты видишь эту работу изнутри, у тебя есть вкус, в отличие от моих напомаженных маркетологов, которые искренне верят, что всему мерило – хорошая раскрутка. В результате сегодня на совете никто ничего вразумительного не сказал насчёт этих слухов про дремли без дремодемов. Маркетологи только улыбаются и успокаивают – мол, это рекламный трюк конкурентов. Сценаристы, наоборот, впадают в свою классическую паранойю: «Это новая форма пиратства, вы опять не уследите за соблюдением наших авторских прав» и всё такое.

«Так он уже знает, что со мной случилось! – поразился

Сол. – Но откуда? Через Маки?»

– Я поговорил с ребятами из техотдела... – Рамакришна покрутил рукой около лба. – Ну, они не исключают возможности. Если, говорят, достаточно точно лупить лазером в отдельно взятую голову, то можно – теоретически – транслировать дистанционно, со спутника или со стратоплаты. Но качество ужасное и стоять будет жутко дорого. Дороже, чем любая военная система сопровождения множественных целей. Да что говорю! – дороже даже, чем любая из тех сетей ментосканирования, что ГОБлины используют.

«А про спецслужбы я не подумал, – отметил про себя Сол. – Если это ФАС или ГОБ, моя Домовая могла и не заметить».

Сразу вспомнилось, как на седьмой день своего самоубийства Маки сообщил, что во всей бытовой технике есть «чёрные ходы». Правда, он вывел это каким-то особым дедуктивным методом, и Сол как обычно не поверил.

– В общем, я всё утро на совете внушал нашим девочкам, – говорил между тем Рамакришна, – что подобные слухи просто так не возникают. Извини, что набросился на тебя. Бывает, недооцениваешь людей... Думаешь о них плохо, а они тем временем занимаются делом, пока ты сам занимаешься болтовнёй с начальственными идиотками!

Рамакришна ободряюще похлопал Сола по спине. Обычно Сол не чувствовал угрызений совести из-за опозданий, но сейчас ему сделалось неуютно.

– Я случайно... – начал он.

– Не надо скромничать. – Рамакришна остановил его властным жестом. – Мне приятно, что в моей команде есть человек, который приходит и просто говорит «Я видел дремль без дремодема», в то время как остальные только обсуждают слухи об этом «загадочном явлении». Кстати, я подозреваю, что ничего загадочного там нет. Скорее всего, это «Дремок» прощупывает почву. У меня есть данные, что они секретно разрабатывают технологию так называемого «задержанного дремля». После одного сеанса у человека в памяти остаётся своего рода «след» записи, который может проявиться через несколько часов и будет выглядеть как очередной просмотр того же дремля. Считается, что время между первым сеансом и повторением можно растянуть до двух суток, если человек всё это время бодрствует.

– Но я не... – начал Сол, и в этот раз оборвал себя сам.

Признаться Рамакришне, что он разбил дремодем со своим последним дремлем два месяца назад, а чужих дремлей вообще не смотрел с прошлого года?

Сол хранил это в тайне от всех. В основном потому, что с некоторых пор это стало как-то связано с его успехами в работе. В то время как другие сценаристы ежедневно просматривали лучшие шедевры конкурентов, отлавливая в них полезные приёмы, Сол вообще отказался от просмотра чужих дремлей. Случайно или нет, но после этого собственные произведения Сола не сходили с первых мест самых престижных

рейтингов континента, и пару раз обгоняли новозеландские в региональном. Нет, эту тайну он не хотел открывать даже Рамакришне. Возможно, в этом даже нет ничего особенного: Солу иногда казалось, что сила метода именно в том, что он – тайный. А для настоящего дремастера состояние его собственной психики во время работы гораздо важнее всех трюков жанра.

К счастью, как раз в этот момент они подошли к офису Сола, и Рамакришна заторопился.

– Извини, Солей, у меня сейчас конфиденциальная встреча в Маракеше с одной... с одним специалистом по другому важному вопросу. Но имей в виду: эти разработки «задержанных дремлей» нельзя оставлять без внимания. Даже если мы не сможем перехватить эту технологию, мы должны хотя бы рассчитать, что они успеют... ну ты понимаешь. Жду твоего доклада завтра утром.

– Хорошо... – только и успел сказать Сол. Рамакришна уже шел обратно к лифту, схватившись за одну из косичек.

– Шейла, вызови, пожалуйста, снова мистера Мэнсона и мою жену. И сразу же извинись перед ними. Не знаю, не знаю! Скажи, что метеорит попал в спутник. И скажи ребятам из техотдела, чтобы проверили наш коммут. Кажется, моя жена опять навешала где-то «жучков». Нет, в этот раз не на мне, я проверял. Кстати, если кто-нибудь будет меня искать в течение ближайших двух часов – ты не знаешь, где я... И найди-ка мне Кобаяси срочно. Солей!

Сол обернулся. Рамакришна высунулся из лифта.

– Только не увлекайся с экспериментами, мне еще понадобится твоя голова! Да, мистер Мэнсон, ужасные спутники, и не говорите! Нет, милая, моя секретарша тут ни при чем. Кобо, где ты болтаешься? Ты должен был ещё утром... Да, дорогая, на работе, и не собирался, как ты могла подумать...

Лифт закрылся. Сол остался один в длинном розовом коридоре. Он тысячу раз видел эти стены раньше, но сегодня ему впервые подумалось, что на таком фоне неплохо смотрелись бы крокодилы. Хотя он никогда не видел их живьём. Но смотрелись бы неплохо.

– Маки, запиши-ка в папку «сырой идель». Офисный триллер: крупная корпорация создаёт в своём здании роскошный зверинец для психологической разгрузки сотрудников. Но однажды...

Он остановился. Это было бледно и плоско. Всё теперь было бледно и плоско по сравнению с тем, что он видел прошлой ночью.

ЛОГ 2 (БАСС)

Огромный зверь, вцепившись когтями в лицо, руку и правый бок Басса, медленно вытаскивал его тело из жгучей трясины боли. Потом красная трясина закончилась, остались только когти. Три острых крюка, всаженные в щёку, локоть и под рёбра. Они продолжали тянуть, медленно, час за часом, но всё слабее.

«Почему так долго... Ночью некому оперировать, бросили в холодильник до утра?»

За поднятыми веками встретила темнота. Мысли путались, мозг лихорадочно искал зацепки за реальность.

Мокрый бетон. Обрывок материи, ещё тёплый. Мгновенное замешательство: два разных воспоминания борются друг с другом за то, чтобы объяснить ситуацию. Потом воспоминание о долгом предоперационном ожидании сдаётся и признаёт себя ложным.

Он лежал не в больничной палате, а на улице. Его только что сбilo с ног взрывом. Судя по тому, как быстро боль сменялась эйфорией – медяк врубил ультраанальбуфиновую блокаду на полную мощность.

К тому моменту, когда перед глазами проявился тёмный тупик с баком-мусороедом, мозг успел прокрутить последние мгновения перед взрывом. Неожиданно быстро севшая

батарейка «швейцарской руки». Переключение на резервную – и такое же быстрое падение напряжения. Секунды, утекающие вместе с последними микроамперами.

И ещё искин того пижона. Класс «тэт», но какая-то особая модификация. И последний миг, когда Басс отбросил от себя этот пижонский макинтош.

Вернее, попытался отбросить. Палёная батарейка и тут подвела. Джек-потрошитель, подключившийся к искину, не успел морфироваться в исходное состояние, и проклятый макинтош повис на пальцах «швейцарки», как приклеенный. Хуже того, от броска шкурка развернулась, и одна пола шлёпнула Басса в районе печёнки как раз перед тем, как взорваться...

Он сжал зубы и сел. Медяк старался как мог, но при движении раны давали о себе знать. Пахло горелым пластиком и горелой бородой Басса. Правый глаз жгло. Пришлось изрядно вывернуть шею, чтобы осмотреть свою правую половину.

Он удивился лишь оттого, что увиденное его ничуть не удивило. Швейцарской руки за четыре штуки у него больше не было. С развороченного локтя капало. На боку, в бахrome кевлара – хороший был плащик – зияла приличная дыра. В ней тоже блестело мокрое. Рядом торчала оплавленная чешуя ската.

Значит, быстро свалить не удастся. Плохо, очень плохо. Басс распахнул плащ и вытряхнул испорченный скат. Ну, по крайней мере, этот коврик спас тебе живот, подумал он. И

только теперь понял, что источник странного фона, который он принимал за шум в голове, находится снаружи. Где-то рядом всё это время орала сирена.

Он попробовал встать, и тут же с криком свалился. Либо ультранальбуфин разведённый, либо дыра в боку гораздо серьёзнее, чем кажется. Басс прижал остаток локтя к боку, чтобы из дыры не вывалился какой-нибудь скользкий внутренний орган. И не дожидаясь, пока медчип полностью блокирует боль, пополз к углу дома.

Глупо всё сваливать на бабу, конечно. Но все те десять метров, что он прополз на трёх конечностях за одну минуту, он думал о Марии. О её диких, выующихся волосах цвета морской звезды, спрятавшейся среди саргассов. О глубокой пустоте её аквамариновых глаз, в которые нельзя смотреть неотрывно дольше минуты, иначе начинаешь чувствовать себя утопленником. О её грудях, двух идеальных каплях плачущей красоты. И о том чудном местечке её тела, где заканчивается выложенная камешками тропинка позвоночника и начинаются плавные дюны ягодиц – даже в моменты самого бешеного возбуждения Марии это чудное местечко всегда остаётся прохладным, как живот юркой камбалы...

Только идиот мог отдать такую женщину за три палёные батарейки. Только идиот мог позволить так себя провести. Нужно было просить как минимум пять! И сразу проверить, настоящие они или из Китая-7.

Басс потрогал то, что осталось от правого уха. Серьгуш-

ник болтался на тонком волокне, но самой мочки больше не было. Впрочем, если бы ухо не сгорело, связи не было бы всё равно – основной коммут находился в оторванной руке, вместе с искином-лапотником. Но даже если руку и не оторвало бы...

Две батарейки, обе палёные. Небывалый идиотизм. Басс попробовал височный фонарик. Как бы подтверждая общую тенденцию, лампочка вспыхнула лишь на миг и плавно умерла. Третья батарейка от братьев-полипов, такая же дохлая. Хорошо хоть медяк сидит на старом биоаккумуляторе, который в мочевом пузыре заряжается.

Поиск надписей в темноте на грязной стене сочли бы забавным разве что рефероманты из Либры. От Марии Басс знал, что библиофильские секты любят подвергать новичков извращённым испытаниям. Он не собирался вступать в Либру, однако стена была его единственной надеждой.

Та ещё надежда. Либо глаза так и не отошли после вспышки, либо в тупике действительно так темно – но на чёрной стене не было видно ни Бага. Басс собирался уже начать обшаривать стену здоровой рукой, плюнув на токсичные фунгогрифы, радиоактивные граффити и прочее дерьмо, с которым не стоило бы контактировать голой кожей. Но до контакта не дошло: тренированный слух уловил кое-что похуже, и этот звук погнал Басса обратно в глубь тупика.

Полифемы жужжали совсем рядом, когда он дополз до решётки ближайшего кондиционера. Быстро спеленать само-

го себя, имея всего одну руку, даже акушер не всякий сможет. В конце концов Басс распахнул плащ, наступил на край ногой и, перекувырнувшись, оказался закутан в термоизолятор. Оставалось ещё раз перекувырнуться и вжаться в узкую раму подвального окна с кондиционером... И прикинуть, что если прожжённая взрывом дыра в плаще пришлась на задницу, то инфракрасные глаза полифемов должны лопнуть от радости при виде такой горячей добычи.

Не лопнули. Басс слышал, как один из роботов быстро облетел тупик и вернулся на улицу. Второй полифем обнаружил что-то на углу, и теперь они оба кружили над находкой. Басс выглянул из своего кокона и сразу испытал сильное желание сбить эти летающие глаза полиции. Всего пару выстрелов статиком, он так и видел эту сцену – иголка-аккумулятор заряжается трением об воздух, и на подлёте к цели превращается в отличного вредителя для нежных биоэлектронных схем...

Но сбивать было нечем. Швейцарская рука Басса, с отличным игломётом и прочим инструментарием, валялась на углу. Именно её изучали полифемы – сейчас она наверняка была такой инфракрасной, что хоть носки на ней суши.

Покружив над рукой, инсектоботы полетели дальше по улице. Видно, поймали тепловой след того пижона, с которого Басс так неудачно снял шкурку. Времени оставалось мало, но зато... Тепловой след. «Учись планктону у планктона». Несмотря на боль, Басс усмехнулся от мысли, что ведёт себя

в точности как адепт библиофильской секты на посвящении.

Он закрыл глаза, дважды сжал и расслабил веки, и снова пополз к углу здания.

Правый глаз был обожжён серьёзно: опущенное веко ни за что не хотело переходить в режим инфракрасного фильтра. Зато с левым всё было в порядке, и теперь Басс видел в том диапазоне, который подсказали патрульные боты. По крайней мере, одним глазом.

Он сразу засек свою оторванную руку. Рядом на стене пылал огромный цветок. Вначале Басс принял его за живую тварь, вроде насекомоядных лишайников, которые заманивают на тепло москитов. Но подобравшись ближе, различил, что цветок сплетен из букв арабского алфавита. Шамаиль, надо же! Даже среди уличных пачкунов-граффитистов лучше всего рисуют цветы те, кому запрещено рисовать людей.

То, что искал Басс, тоже состояло из человеческих символов, но не должно было светиться. Наоборот, оно должно остаться черным на фоне чуть более розовой стены, ещё не остывшей после взрыва.

Он нашёл слово у самой земли. Повторил большим пальцем все штрихи третьего и последнего иероглифа, словно заново рисовал его. Затем прижал палец к верхнему штриху, похожему на запятую.

Никакой реакции. Шитый Баг! Неужели и тут сломано?!
– Стоматологический центр Марека Лучано, чем я могу вам помочь, – сказал иероглиф выверенным, в меру сексу-

альным голосом кибер-секретарши.

– Срочный вызов. Мне нужно запломбировать три резца и один зуб мудрости! – прохрипел Басс.

– Секундочку...

Иероглиф разразился музыкой, напоминающей запись игры на органе, которую крутят в несколько раз быстрее, чем нужно, и к тому же в обратном направлении. Из-за ширмы этих диких переливов зазвучал знакомый, обманчиво-ленивый баритон:

– Кажется, у тебя ожог, Василь. Люблю людей, которые так спешат вернуть мне долги, что прямо накаляются на бегу. Надеюсь, кроме папилляров большого пальца твоей левой, ничего не пострадало? Говорят, если приложить сырой огурец...

– Я влип, Маврик. Вытащи меня.

– О-хо-хо... Признаться, у меня мелькнула мысль, что это был ты. Но я не поверил. Ты же тёртый крутон, а не вафель какой-нибудь бисквитный! Угол четвёртой и шестой, недалеко от «Синего Лося», верно? Попытка ограбления, попытка взлома искина класса «тэт», причинение эстетического ущерба магазину гармоничных средств связи «Фоншуй»...

– Он был не совсем «тэт». Какая-то опытная модель, навороченная.

Басс хотел было добавить про палёные батарейки, но сдержался. Не хватало еще самому выставить себя лопухом.

– Ах вот оно что. – Марек вздохнул с притворным со-

чувствием. – Да уж, пережарил ты свой бифштекс... Судя по переговорам копов, полифемы ничего не нашли. А между тем поступило уже четыре жалобы от автоматических систем сигнализации и от простых граждан. Да, вот ещё сообщают: подождён офис местной противопожарной службы, втрое превышен допустимый шумовой уровень... Патруль будет у тебя через четыре минуты. Живое человеческое общение, его иногда так не хватает.

– Ну так вытащи меня, Баг тебя зарази!

– Твой долг увеличится.

– На сколько?

– Пустяки. Сделаешь дельце, всё прощу. Ещё одно кладбище.

– Двадцать штук.

– Никаких. Просто сотру старые долги. И вытащу сейчас. У тебя есть три минуты, чтобы оставить свои яйца «в мешочке». Иначе получишь «вкрутую».

– Ладно, десять штук.

– Извини, Василь, это, конечно, не моё дело, просто любопытно: тебе какую половину тела оторвало, верхнюю или нижнюю? Я почему спрашиваю – мозг, он обычно сверху. Но сейчас некоторые люди твоей профессии специально его пересаживают куда-нибудь пониже, чтоб не рисковать. Я не знаю, как у вас, а у нас в Италии...

– Кончай, Маврик! Хватит трепаться, помоги мне!

– Дать телефон Армии Спасения? Это пожалуйста. То-то

я думаю, чего ты звонишь среди ночи... Кстати, о спасении. Патруль может не успеть. Их волну, кроме меня, слушают многие наши коллеги. Например, старик Робинс. Помнишь этого доброго дедушку-мороженщика, бывшего трансплантолога? А его весёлый фургон-холодильник помнишь? Старик Робинс не даёт пропасть добру, которое валяется на улицах... ещё тёпленькое. Глянь-ка в небо, он наверняка уже рядом.

– Ладно, ублюдок. Я сделаю кладбище. Но с тебя весь инструмент.

– Другой разговор! Сейчас поглядим...

– Да шевелись же! Твои три минуты уже сто раз прошли! – взорвался Басс.

Жгучая трясина боли снова была рядом. Наверное, у медчипа кончилось обезболивающее.

– Не дёргайся, Василиск, успеем. Забыл тебе сказать: они переждут санитарный дождь. Кому охота в мыле плавать...

– Он же днём был!

– А ты забыл, что в выходные у нас выборы мэра? Вернее, перевыборы. Мэр распорядилась насчёт срочных мер по благоустройству. Дополнительный санитарный, потом праздничный ароматический. Кстати, у тебя нет аллергии на лепестки кувшинки морской лекарственной? Я уже намекал мэру, что она выбрала для своей эмблемы цветок с не лучшим запахом.

– А когда...

Басс не договорил. Капля ударила в плащ со звонким щелчком. Вторая упала на обожжённое лицо. И начала жечь. Третью он почувствовал обрубком руки, открытой раной – как удар раскалённым шилом.

Пришлось сжать зубы, поднять здоровой рукой плащ и, прикрываясь им, снова ползти к нише подвального окна.

По пути он подхватил, но тут же отбросил какую-то пластиковую коробку – слишком мягкая. Так же поступил с тонкой жестянкой из-под консервов и с парой других сомнительных вещей из того, что валялось вокруг контейнера-мусороеда. Наконец рука наткнулась на маленькую, но твёрдую пластинку. Кажется, деревянная. Рассматривать не было времени – боль тремя острыми клыками опять впилась в бок, щеку и остаток руки. Басс с трудом разжал зубы, сунул дощечку между ними и снова свёл челюсти.

Он почти потерял сознание от боли к тому моменту, когда на мокрый бетон спланировал белый скат с большим красным крестом в центре. Басс собрал последние силы и перекатился на светлый прямоугольник. Холодные ремни моментально оплели и распластали тело на кресте. Скат качнулся влево, вправо, снова влево, с каждым движением увеличивая амплитуду, скорость и высоту. На двадцатом махе челнока, как раз на уровне крыши, Басса вырвало.

«Убивал бы скриптунов, которые зашивают такие ёлочки в автопилот...»

Это была последняя ясная мысль, посетившая его голову

перед тем, как он окончательно погрузился в красное болото
беспамятства. Но если бы он увидел, как с тёмного неба па-
дают, облепляя его лицо, белые и розовые лепестки кувшин-
ки морской лекарственной, он наверняка пожелал бы мэрии
столь же радикального сокращения штатов.

ЛОГ 3 (ВЭРИ)

В чёрное небо.
Алым цветком.
Выше и выше...
Щёлк!

Так резко не заканчивался ни один дремль. Но и таких ярких она никогда не видела. Даже в... Стоп. Словно чья-то мягкая рука отводит память от тех вещей, которые нельзя вспоминать здесь, сегодня.

За решёткой ресниц – белый треугольник потолка. Потом край окна, полоски жалюзи из полупрозрачного бамбука, пятна листвы. Она вновь опускает веки, пытаясь вернуться во тьму, снова вызвать... Увы, только бледный образ. А ведь это она всего мгновение назад была той танцующей орхидеей, что летела сквозь ночь на огненных лепестках. И почему-то нельзя было останавливаться – да и не хотелось...

Но решает здесь не она, и перед глазами сейчас – только розовая пустота опущенных век. Спина вспотела, сквозь тонкое сари ощущается пластик кушетки. Она подумала о пятнах пота: будут коричневые разводы на новеньком лимонном шёлке. Гадость.

И ещё интересные ощущения: плечо упирается в подлокотник, колено – в стену. Получается, во время сеанса она

развернулась на девяносто градусов. Может, даже ходила по комнате?

Но, с другой стороны, принимая в расчёт эту позу и мокрую спину, можно не сомневаться: дремль закончился. Но она не спешит открывать глаза, теперь уже по другой причине. Рядом слышатся голоса. Спорят.

– Ох, как ты меня достал! Вечно лезешь в самое неподходящее время. Обязательно нужно вмешиваться, когда я занят?

– Скажите, какой великий учёный!

– А то ты не знаешь, какой! Могу напомнить. Красный диплом и золотая аспирантура в лучшем университете Бангалора-6 не каждому даются. Моим докладам аплодировали даже на европейских конференциях. Если бы мне только не мешал этот клоун...

– Хе-хе, не любишь клоунов? Проведём-ка научный анализ! Негативные воспоминания, да? К тебе в детстве случайно не приставал такой крепкий клоун с большим красным носом и белой бородкой? Говорят, он многим психику покалечил.

– Не заговаривай зубы, бездельник. Клоуном я называю того, кто вечно кричит мне, что я упустил настоящую жизнь, обменял её на какие-то голограммки, которые невозможно «ни съесть, ни поцеловать». Или на закорючки из книг, «похожие на дохлых жуков». Но что же этот свободный худож-

ник мне предлагает взамен? Жить сегодняшним днём? Плясать под санитарным дождём, бегать за смазливymi дурами, у которых одни фумочипы вместо мозгов? И не достичь ничего стоящего в жизни? Ну уж нет! Пошёл отсюда, трепач!

– Ага, щас! Сам катись, мерзкий ретровирус! Взгляните-ка на этого умника! Да ты до сих пор ни кто иной, как «хороший мальчик»! Все твои попытки упорядочить мир – это как постель заправлять, чтобы мамочке угодить. А что дали тебе годы такой науки, кроме испорченного здоровья? Не говорю уже про любовь или счастье – но может быть, хоть лишнюю каплю комфорта? Ты чувствуешь себя лучше, сидя в этих лабах без окон и сканируя чьи-нибудь выделения? Признайся уж честно: ты просто боишься жизни. Вот и спрятался от неё в своей высокой башне из слоновьего говна.

– Ну да, ну да. Зато ты у нас паришь на седьмой орбите после каждой ночи, проведённой в потной возне с случайной блондинкой. Ах, как оригинально! – раз за разом прокручивать те алгоритмы, что тысячи лет назад описаны в Кама-Сутре. Хотя нет, я забыл! – после всех этих эпидемий большинство мужчин перешло на фильтрованный нейросекс с компфетками и креветками. Зато у тебя сразу появилось широкое поле для достижений натуралиста: раскрутить очередную испуганную дурочку на настоящий, варварский секс без электроники.

– Ну уж это всяко интересней твоего любимого принципа «Лучше порно, чем никогда».

– Зато я по крайней мере избавлен от необходимости с ними сюсюкаться. Ты-то, конечно, уверен, что все они прямо переполняются эндорфинами, слушая твои глупые стишки. Тагор ты наш недоцифрованный!

– Вот-вот, даже мои стихи вызывают отклик. И особенно, кстати, в твоих любимых маленьких брюнетках, а не в моих блондинках.

– А у тебя всегда был извращённый вкус. Ты сам когда-нибудь думал, почему ты бегаешь только за плеченогими тупицами? Мои-то маленькие брюнетки вполне понятны: когда человек рождается, первое, что он видит, это лицо матери...

– Неправда! Сначала он видит её ноги. Потом видит акушерку, симпатичную блондинку. А потом уже на него наваливается суровая правда жизни.

– ...И он скрашивает эту правду своими кривляньями, да?

– Да, скрашивает. И все удовольствия, которые получаю я, измеряются не чужими дипломами, а моими чувствами, этим самым честным мериллом. И в моей жизни было бы больше радости, если б ты не доставал меня своим детским страхом «всё потерять». Скажи ещё спасибо – без меня ты давно уже превратился бы в скрипт для генерации научных статей.

– Ха-ха, зато ты без меня остался бы такой живой... амёбой! Так и лелеял бы свой прокрустов комплекс с «прекрасными дамами» в той бомбейской дыре, откуда неудачники вроде тебя никогда не вылезают в большой мир...

– Ладно, ладно, мир! Чего ты вообще завёлся? Чуть что, сразу «вали отсюда». У нас ведь гораздо лучше получается вместе, будто ты не знаешь. Каждый – эксперт в своей области, а вдвоём – эксперт в квадрате. Так и надо работать! Когда один зацикливается, другой удерживает его от крайностей. И подсказывает такие решения, до которых первый ни за что не допёр бы в одиночку.

– Согласен, когда все заняты своим делом... Но мы ведь спорим всё время, это так непрактично! Признайся: мы все-таки завидуем тем, кто работает более слаженными группами. С каким презрением эта многоколёсная шпана смотрит на наш старомодный тандем! А мы даже вдвоём с трудом договариваемся. Предвижу твои возражения, но послушай: может, и нам пора завести искин-контролёра? Если мыслить логически...

– Да ты сдурел! Чтобы какая-то горстка биочипов мною командовала? Чтоб говорила: сейчас рисуй, сейчас пиши научный труд? Никогда! Или ты забыл, что мы вообще тут делаем?

– В общем-то ты прав... Только мы и можем нормально работать с беднягами вроде этой девочки. Какие-нибудь мясники из молодых тетронов без колебаний прописали бы ей персонокластический электрошок. Так далека она от них, так ненормальна с их точки зрения! Но после их секатора ей одна дорога: до конца дней ходить с контролёром. Да и то неизвестно...

– Вот именно! Ты сам говорил: по статистике, их методы дают ужасные результаты. А мы докажем, что старая гуманная терапия работает лучше! Будет тебе о чём на следующей конференции рассказать.

– М-да... Судя по записи первого сеанса, дело сразу сдвинулось с мёртвой точки, когда мы установили с ней дружеские отношения, как ты советовал. Что ж, пора снова поговорить с бедняжкой. Прибор уже отключился, сейчас она придёт в себя.

Девушка открыла глаза. Рядом с кушеткой сидел мужчина в зелёном халате. Его смуглое лицо было настолько круглым и гладким, что густые брови и слива-нос смотрелись как нечто постороннее, прилепленное позже в большой спешке. Такими же неуместными казались глаза, постоянно чуть навывкате.

Зато на обложке голубой папки, которую мужчина держал в руках, виднелось симпатичное, хотя и слегка испуганное личико длинноволосой брюнетки тихоокеанского типа. Девушка не сразу узнала себя. Ещё несколько мгновений понадобилось, чтобы прочесть четыре иероглифа, написанные от руки под снимком. «Моноперсональность. Тяжёлая форма».

Увидев, что пациентка очнулась, доктор растянул толстые губы в профессиональной улыбке.

– Ну, как мы себя чувствуем?

Девушка неуверенно села. Нашарила под кушеткой сан-

далии, поправила сари.

– Мы... мы чувствуем себя лучше.

– Вот и прекрасно! Как вам понравилось... хмм... ваше приключение?

– Очень понравилось. Даже захотелось ещё. – Она взяла с тумбочки перламутровый гребень, снятый на время сеанса, ловко собрала волосы на затылке. – Но знаете, это было так необычно. Я... то есть мы... мы никогда не видели ничего похожего.

– Ну ещё бы! – На этот раз доктор улыбнулся вполне естественно. – Самая свежая разработка. И уже запрещена как цифровой наркотик. Увы, в наше время такие вещи в первую очередь попадают не в те руки... Знаете, о несбалансированных мультиперсоналах иногда говорят: «вселились демоны». На самом деле это выражение гораздо больше подходит для описания того, что происходит с потребителями «верта». Технически он не очень отличается от обычного дремля. Просто в дремочип встраивается искин более высокого класса, а это требует более точной настройки по психотипу... Конечно, для профессиональной дремотерапии это средство используется в очень ограниченных количествах и под контролем специалистов.

– А вам не грозит преследование?

– О нет, мы очень аккуратны. Как вы могли заметить, мы очень хорошо изолированы от внешнего мира. И даже не используем электронных носителей для записи истории болез-

ни. Да и запрет на «верт» – достаточно спорная вещь на этом континенте. Если уж нас начнут преследовать, то по другим причинам.

– Но когда мне рекомендовали вашу клинику...

– Ну вот, вы снова заговорили о себе в единственном числе! Ничего-ничего, это только второй сеанс, а результаты уже неплохие... И вам действительно нечего бояться в нашей клинике.

Мужчина в халате подошёл к окну, медленно поднял руку, поймал свисающий вдоль жалюзи белый шнур. Девушка в очередной раз поразилась странным пропорциям индобрита. Словно его сшивали в спешке из подручных материалов: круглое лицо, ещё более круглый живот – и такие тонкие руки, похожие на сухие ветки. Впрочем, на этом континенте болезни делали с людьми ещё и не такое...

Чёрная рука-ветка потянула за шнур. В комнате стало светлее.

– Видите ли, от моноперсональности страдает огромное число жителей нашего континента. Хотя многие сживаются с этим и вполне счастливы. Но некоторые моники сами чувствуют, что с ними что-то не так. Для таких ещё не всё потеряно. Осознание скрытых способностей своих субличностей – первый и главный шаг к выздоровлению. Мы работаем только с теми, кто сам приходит. Кто сам чувствует, что для него моноперсональность – не счастье, а тюрьма.

– Но за это вас не могут преследовать! Декларация Пси-

хонезависимости гарантирует каждому право...

– Конечно, гарантирует. До тех пор, пока вы не навязываете.

Доктор замолчал, то ли что-то припоминая, то ли просто разглядывая сад за окном. Длинный указательный палец накручивал верёвочку от жалюзи и снова распускал её. Остальные пальцы, сухие и узловатые, тоже слегка шевелились. Сам же доктор стоял неподвижно, и это только усиливало ощущение, что его костлявая кисть – нечто постороннее, не принадлежащее этому полноватому телу. Казалось, настоящая рука всё ещё прячется под халатом, а вместо неё из зелёного рукава выполз бот-уборщик и бегаёт теперь взад-вперёд по белой нити, очищая её от пыли.

При виде этого девушка как будто вспомнила о собственных руках. Два браслета, свернувшиеся серебристыми змейками на тумбочке, вернулись на тонкие запястья. Хозяйка змеек, словно желая проверить, как они сидят, на миг вскинула руки и повертела ими. Жест напоминал начало танца. Однако более внимательный наблюдатель заметил бы ещё, что эта импровизация очень напоминает движения, которые проделывал с верёвочкой человек в зелёном халате.

– Принцип невмешательства касается именно нашей клиники. – Доктор не замечал жестов пациентки. – Даже взявшись кого-то лечить, мы ищем пути постепенного, гармоничного развития субличностей. Однако в движении «Мультиперсоналы без границ» есть представители других каст.

– Каст?

– О, это просто языковой антиквариат. Вроде того камешка, что у вас между бровей. Раньше это наверняка означало что-то другое.

– Не знаю... Вот серьги точно означали. – Девушка наклонила голову, вешая на ухо серьгу-каури. – Я слышала, раньше эти раковины были чем-то вроде кредитных чипов.

– Примерно так и с кастами. Сейчас тактичнее называть их фракциями. Брахманы, кшатрии и другие высшие ка... виноват, представители «правого крыла», выступают за полное невмешательство в жизнь «неприкасаемых», то есть моников. А работу с ярко выраженными мультиками предлагают сводить к имплантации личных искинов-контролёров. Безо всякой траты времени на поиск естественного пути развития субличностей и отношений между ними...

– Это тоже не запрещено. – Девушка склонила голову на другой бок и надела вторую ракушку. – Но судя по вашей интонации, вы этого не одобряете.

– Скорее, не питаем иллюзий. Высшие касты – это мультиперсоналы высокого порядка, начиная от третьего. Они давно научились извлекать пользу из особенностей своего сознания. Взять хоть военных. Любой здоровый мужчина может стать водителем боевого киберслона. Но попасть в элитную спецслужбу «Ганеша» может только настоящий кшатрий, как минимум трион. Реакция бойца, мудрость стратега, многоликость шпиона – всё должно быть в одном человеке.

– Ясно. Им не выгодно, чтобы число высших мультиков увеличивалось.

– Именно так трактуют их консерватизм противники – шудры, вайшья и представители других низких каст.

– «Левые»?

– Да. И у них свои крайности. Они считают, что брахманы монополизировали технологию «второго рождения» – то есть расщепления сознания. Шудры требуют, чтобы мультиперсональность высокого порядка стала всеобщим достоянием. А наиболее радикальные вайшья настаивают на принудительном расщеплении сознания даже обычным моникам.

– Хмм... Это действительно подпадает под статью о психотерроризме. Но при чём здесь ваша клиника?

– Полиция не всегда находит время разбираться, с какими мультиками она столкнулась. Буквально неделю назад одна похожая клиника была разрушена до основания.

Брови девушки вздёрнулись, взгляд больших ореховых глаз метнулся к окну. Доктор отметил, что эти огромные глаза не очень соответствуют другим чертам пациентки: её лицо, если не считать глаз, было вполне японским. Впрочем, на том континенте, откуда она прилетела, косметологи умеют ещё и не такое... Даже лёгкая асимметрия – явная дань моде.

В саду, куда теперь смотрели ореховые глаза, царило сонное умиротворение. В просвете между кустами лавровишни приоткрывался кусочек пруда с лотосами. Острые лодочки лепестков, слепящая белизна с голубоватым отливом – точ-

но осколки льда. Двадцать восемь по Цельсию.

– Нет-нет, это было далеко отсюда. Совсем на другом континенте, в Новом Иерихоне. – Несмотря на успокаивающий тон, доктор не сдержал печального вздоха. – К тому же сотрудники той клиники... В общем, их спровоцировала третья сторона. Люди неправильно поняли, стали оказывать сопротивление. Полиция в ответ применила «узи». Вы никогда не видели, как работают эти ультразвуковые трубки? Очень немногие строения выдерживают. Считается, что людям не вредит... если они вовремя покинули здание.

Лёгкий ветерок шевельнул лавровишни за окном, зеркало пруда покрылось морщинами. Там, где не было видно воды, движение воздуха прослеживалось по лотосам: сначала качнулись цветы у берега, потом невидимая волна тронула острые кончики лепестков в центре, и пошла дальше, затухая. Еле слышный хруст льда – и опять недвижимое безмолвие.

– К счастью, нам ничего такого не грозит. – Доктор хитро прищурился. – Помимо принципа невмешательства, у нас есть защита и получше: свои люди в местной полиции. Но мы всё равно стараемся, как говорится, не дразнить ботов. Вы, например, не смогли бы стать нашей пациенткой, если бы не прошли э-э-э... определённую проверку.

– Ого! Вы подозревали, что простая фея из провинциального добреля – провокатор?

– Конечно нет! Прошу нас простить, но мы вынуждены проверять всех. И дело не только в полиции. Больше всего

приходится опасаться наших «друзей» – мультиперсоналов из более радикальных групп МБГ. Они по-прежнему стремятся доказать, что наши гуманные методы работы не приносят результатов. К счастью, в вашем лице мы имеем настоящую союзницу.

– Неужели вы и это...

– Да-да, и это знаем. Секта Омото-ке, возрождённая в Новом Киото, трактует всю историю человечества как прогрессирующую инвалидность. Позже вас стали называть просто Кои, поскольку это учение стало особенно популярно среди женщин лёгкого... хм-м... то есть, мы хотели сказать, тяжёлой судьбы...

– Да говорите уж прямо. – Девушка нахмурилась.

Доктор в ответ затряс головой и руками одновременно.

– О-о, извините нас, пожалуйста... Просто у нас иногда возникают внутренние споры из-за терминов. Мы лишь хотели сказать, что лично ознакомились с «Историей костылей» Наоми Дегути. И знаете что? Мировоззрение Кои нас просто восхитило! И такие впечатляющие примеры развития второй природы в ущерб первой! Палка, которую взяла в руки первая обезьяна, разучившаяся лазить по деревьям. Огонь и одежда, компенсировавшие больной обезьяне потерю волосяного покрова. Письменность как протез памяти. А уж сколько всего принёс девятнадцатый век, самый расцвет костылей! Пишущая машинка для немых. Самодвижущаяся коляска для паралитиков. Фотоаппарат, родившийся

из очков и родивший затем кино— и видеокамеры... Признаться, мы даже задумались о пересмотре врачебной этики, когда прочли главу, посвящённую мотивам изобретателей. Аппарат Александра Белла не вернул слух его жене — зато сколько людей отучились от персональных контактов благодаря телефону! А сколько людей привыкли к компьютерным подсказкам и приобрели синдром «меморта» благодаря идеям Норберта Винера, самого рассеянного человека с постоянными провалами в памяти! А нейроинтерфейс доктора Дианы Мур, призванный помочь паралитикам? Он и вовсе превратил тысячи здоровых людей в добровольных паралитиков-виртуалов.

— Кстати, раз уж вы упомянули... То, что я услышала от вас про искин-контролёров, это ведь ещё хуже. И даже ваши гуманные методы работы с мультиперсоналами не будут одобрены моими сёстрами, если они узнают про этот «верт», который вы мне прописали. Я надеюсь, что вы никому...

— О нет, конечно нет! Ваш визит к нам останется в тайне. Мы лишь хотели объяснить, почему человек из вашей секты не может работать на наших врагов. Ведь главное условие для вступления в Кои — отказ от всех инвалидных приспособлений техногенной культуры. Нам вполне импонирует такой подход, хотя... есть тут некоторый экстремизм, вы не находите? Например, мы обнаружили у вас врождённый порок зрительного нерва и следы подключения медчипа, который корректировал это отклонение. Очевидно, ваши ре-

лигиозные убеждения заставили вас удалить даже этот простенький чип. Неужели вы настолько последовательны в своих принципах? Ведь без этого чипа вы можете ослепнуть в любой момент...

– Я бы не хотела обсуждать моё зрение, – перебила девушка. – Вы и так нарушили Декларацию Психонезависимости, получив доступ к данным о моей религиозной принадлежности. Понимаю, что это было нужно, но хватит об этом.

– Ни слова больше.

Мужчина в зелёном халате сложил руки лодочкой, возвёл глаза к небу и слегка поклонился. Розовые подушечки пальцев и белки глаз словно включили контрастность.

– Лучше вернёмся к вашей подавленной субличности.

Снова голубая папка. И ручка в руке.

– Что вы почувствовали на этот раз во время сеанса? Только не торопитесь.

Девушка села поудобнее, ещё раз поправила сари. Убрала под гребень выбившуюся чёрную прядь и надела последнее из своих украшений – маленькое зеркальце на цепочке.

– Я... мы... Нет, наверное всё-таки я, но другая... Я была цветком. Кажется, орхидеей. Хотя это был не совсем цветок. Потому что он летал...

Первая минута рассказа состояла из пауз, перемежающихся короткими, неуверенными репликами. Но доктор слушал внимательно, кивал и улыбался.

Он и сам не заметил, как стал кивать всё чаще и чаще. И

теперь уже не его кивки подбадривали девушку, а наоборот – разговарившаяся пациентка задавала ритм. Откуда-то – из складок сари? – появился веер, и девушка стала изображать, как летела в ночном небе огненная орхидея. Веер порхал и порхал, порхал и порхал...

Рассказ прервался. Мужчина продолжал сидеть молча, с глупой улыбкой уставившись в пространство. Девушка щелчком закрыла веер. Мужчина вздрогнул.

– Ах, извините, мы заслушались... У вас настоящий дар перевоплощения! И это ещё раз подтверждает, что мы выбрали правильный метод работы с вами! Вы и не представляете, какие таланты прячутся иногда в подавленных субличностях. И как долго до них приходится добираться! А ваша импровизация с веером... Даже не знаем, как это описать. Мы словно воочию увидели эту огненную... Что?

Он на миг замолк, но тут же продолжил:

– Извините, у нас опять возник маленький внутренний спор. Один из нас полагает, что ваш веер похож на бабочку. А другому это больше напоминает «веер Венеры» – морскую раковину, символ тамплиеров. Тем более что ваши серьги и гребень сделаны из раковин, так что было бы вполне... О-о, не обращайтесь внимания. Главное, что мы хотели сказать: вы делаете огромные успехи!

– Бросьте, доктор. Вы, наверное, всем так говорите.

– Что вы, никакой лести! Обычно никто так не раскрывается до четвёртого-пятого сеанса. Вам же практически сразу

удалось найти управляемый образ, сочетающий в себе противоречивые стремления ваших субличностей. Одна из них – цветок, спокойное интровертное существование. А другая – динамика, полёт, прямая аллюзия на ваше нынешнее увлечение танцами.

– Хореограффити – это не танец, – вставила девушка.

– Да-да, мы помним. Но в данном случае это неважно. А важно то, что ваша динамичная субличность наконец «договорилась» с другой, подавленной, которой нравится растительный образ жизни. Танцующий, летающий цветок – прекрасный образ для такого союза. Парадоксальный и естественный одновременно.

– Да... вообще-то я и сама чувствую, что мне стало лучше. Какое-то время после окончания этого дремля моё второе «я» ассоциировалось с этим цветком. Это было так замечательно! Но так быстро прошло...

– Ничего-ничего, так и должно быть. – Мужчина задумался, не сводя глаз с закрытого веера. – И хорошо, что прошло. Возникновение сильных фиксаций на начальном этапе даже опасно. Сейчас нужно лишь раскрепостить ваше сознание. И мы над этим ещё поработаем.

– Но меня так напугали ваши рассказы о принудительном расщеплении... Бр-рр!

Девушка снова, как бы невзначай, раскрыла веер и обмахнулась им.

– Может, вы расскажете мне подробнее о ваших методах,

доктор? И мне будет спокойнее, и вам будет легче со мной работать.

— Конечно, конечно! — Круглолицый индобрит улыбнулся, откинулся в кресле. — Нам скрывать нечего. Основы персонекластической терапии заложила одна из школ необернизма ещё в конце прошлого века. Однако практическая работа с мультиперсоналами на основе этого метода началась только через пятнадцать лет, когда...

Веер всё порхал и порхал. Медленно и ритмично, словно огромная белая бабочка, летящая под водой. И засыпающая на лету.

#

Четырнадцатилетний трион Субхоранджан был очень взволнован. Только что, гуляя в саду клиники, он случайно заглянул в окно кабинета Доктора Шриниваса и увидел очень странную картину.

В кабинете находились сам Доктор и Жёлтая Фея, с которой Субхоранджан познакомился два дня назад. Сначала Фея лежала на кушетке, точно так же, как иногда лежал Субхоранджан во время лечебных сеансов.

Потом Доктор с Феей стали разговаривать. Доктор что-то спрашивал и иногда посмеивался. А Фея отвечала и иногда задумывалась. Точно так же бывало и на сеансах с Субхоранджаном.

Но вскоре всё переменилось. Фея словно бы превратилась в Доктора. Теперь она спрашивала и спрашивала, помахивая веером. А Доктор всё отвечал и отвечал. Он больше не смеялся и вообще выглядел так, словно очень устал и вот-вот заснёт.

Всё это немного напугало триона Субхоранджана. А ведь доктор говорил, что ему нельзя волноваться!

И правда, голоса в голове словно ждали этого момента, чтобы поругаться. А дождавшись, разругались так, что голова заболела. Каждый кричал своё, никто не слушал других. «Может, с Доктором что-то не так?» – «Нет, это с Жёлтой Феей что-то не так!» – «Я хочу обедать, пошли обедать!» – «Нет-нет, Жёлтая Фея лучше всех, а Доктор наверное заболел!» – «Надо снова попробовать перелезть через стену!» – «Уходите, вы мне надоели!» – «А может, Доктор с Феей просто придумали новую игру?» – «Играть, я тоже хочу играть!»

Кто из субов первым сказал про игру, Субхоранджан не разобрал. Вернее, не мог разобрать – ведь это и было главной проблемой, из-за которой он оказался в клинике.

Однако сама мысль об игре очень помогла. Субхоранджан вспомнил, что Жёлтая Фея и для него придумала игру. Хорошую игру, в которой все субы имеют свои роли, так что их уже не спутать!

Шум в голове сразу прекратился. Ведь в хорошей игре, которую придумала Жёлтая Фея, никто не дерётся и не перебивает!

– Давайте уйдём, пока нас не поймали, – сказал Дикий Биорг, Который Боялся Неоргов и Людей. – Неужто вам не страшно?

– Лучше пойдём и поколотим Доктора! – сказал Сломанный Неорг, Который Не Мог Настроиться На Правильную Частоту. – Но я готов выслушать другой план операции.

– Подглядывать неприлично... – сказал Человеческий Облик, Который Не Умел Гулять Сам По Себе. – А вообще я не знаю...

Они ещё немного посоветовались. Правда, сначала Неорг и Биорг подрались. Доктор Шринивас много раз объяснял Субхоранджану, из-за чего с ним происходят такие неприятности. Глупые шаманы из Пенджаба слишком долго держали триона в своём варварском храме, пытаясь изгнать из него демонов. В результате субличности действительно сбесились и постоянно выходили из-под контроля. Так говорил Доктор.

Вот и теперь левая и правая ноги Субхоранджана начали вытворять несогласованные движения, управляемые разными субами. Биорг требовал удрать, а Неоргу во что бы то ни стало нужно было поколотить Доктора.

Но тут вмешался Человеческий Облик, который неожиданно для самого себя сказал: «Можно подобраться поближе к окну – вот из того куста отличный вид». Неорг и Биорг так удивились, что безоговорочно отдали ему управление ногами.

Расчёт оказался правильным: не успел Субхоранджан

устроиться в густом лавровишневом кусте, как окно над ним распахнулось.

– Надо же, а мне никогда не удавалось ни открыть его, не разбить! – прошептал Сломанный Неорг, Которому Не Хватало Герц.

– Только Доктора умеют это делать, чтобы нас запирать, – согласился Дикий Биорг, Который Не Любил Закрытых Помещений.

Человеческий Облик тоже хотел сказать кое-что, но не успел. Потому что в этот момент кто-то вывалился из окна прямо на Субхоранджана.

– Ты... вы что тут делаете? – грозно спросила Жёлтая Фея, отряхивая сари.

– Гуляем... – В голове Субхоранджана опять началась су-мятица. Жёлтая Фея, кажется, заметила это.

– Так значит, кое-кто уже немножко научился гулять сам по себе? – спросила она.

– Только один раз, – скромно ответил Человеческий Облик. Он не стал уточнять, что его уговорили Неорг и Биорг.

– Но кое-кто так и не настроился на правильную частоту, – добавила Фея.

– Я над этим работаю, – отозвался Неорг. – Я вчера починил киб одной сиделки и немного поговорил с ним. Она сказала, что он меня слушается.

– Неплохо. Но я вижу, ещё кое-кто по-прежнему боится меня. Даже не поздоровался.

– Я не боюсь, – пробурчал Дикий Биорг. – Но ты обещала отвести нас на Зелёный Континент, где нас никто не будет запирать и мучить. А вместо этого ты играешь с Доктором.

Прежде чем ответить, Жёлтая Фея вздохнула и поглядела на Субхоранджана долгим-долгим взглядом.

– Потерпите, – сказала она наконец. – Мне сейчас надо уйти. Но когда я вернусь, мы обязательно поедем туда... Все вместе.

И быстро отвернувшись, побежала. Будь под ногами бетон, слезы оставили бы на нём свои маленькие следы. Но на хороших гравиевых дорожках даже после санитарного ливня третьей степени не бывает луж. Лишь со стороны белоснежных лотосов донёсся едва слышный ледяной хруст, когда она пробегала мимо пруда.

ЛОГ 4 (СОЛ)

Ли нашёлся в баре студии. С одной стороны, это было неплохо, потому что можно было заодно и перекусить. С другой – компания в том закутке, где сидел старый китаец, собралась препаршивая.

Ещё от входа Сол заметил буйную шевелюру Шейлы. Секретарша Рамакришны была в какой-то дурацкой соломенной шляпке, но это ничуть не мешало её чёрным прядям самостоятельно змеиться во всех направлениях, заползая и на шляпку, и на перегородку, разделяющую закутки бара. Очередная модная стрижка для привлечения мужиков – вот к чему сводится весь прогресс технологий, если смотреть на него сквозь призму женского мозга, отметил Сол.

Сама Шейла тоже шевелилась, но в другой плоскости – она крутила на пальце изящный нэцкэ-коммуникатор. Откуда брелок, догадался бы и самый дешёвый макинтош. Напротив Шейлы сидел Кобаяси из отдела маркетинга, имевший привычку регулярно дарить секретарше Рамакришны какие-нибудь антикварные безделушки.

Сейчас Кобаяси что-то оживлённо рассказывал. Шейла отвечала раскатами низковатого и (как всегда казалось Солу) развратного хохота. Ли потягивал белый жасминовый чай и лишь изредка вставлял короткие замечания, на которые реа-

гировал в основном Кобаяси. У Шейлы чувство юмора было столь же грубым, как и её гогот. Тонкие шутки китайца били по двум этим грубым зайцам сразу: Шейла не понимала замечаний Ли и хотя бы на какое-то время переставала ржать. По мнению Сола, такое состояние шло ей больше, поскольку в молчаливом виде и тем более со спины она была вполне привлекательна.

Однако он знал, что никто не даст ему относиться к миру как музею остановившихся прекрасных мгновений, где некоторые люди всё время молчат и сидят к тебе спиной. Не успел он подойти к закутку коллег, а Шейла уже метала в него взгляды, полные презрения и намёков на то, что за этим столом ему делать нечего. Игнорируя намёки, Сол громко поздоровался и сел напротив Ли. И только тут заметил, что корпоративный стиль дня – викторианский.

Каким образом воссоздание обстановки самого плохопродаваемого дремля помогает научиться «работать в команде», Сол не понимал никогда. Даже Рамакришна не мог этого объяснить, лишь многозначительно указывал пальцем вверх. Зато всегда было ясно, кто подставил команду на этот раз.

«Ада едет в Виндзор». Кто бы сомневался. Опять этот Вилли из Эскимосской Канады попытался провернуть свой коронный трюк: популярный исторический персонаж-женщина плюс откровенно халтурный дремейк. Занудная пирамида дворцовых интриг, которую никто не проходил до конца. Да что там до конца! – большинство клиентов отклю-

чались в самом начале, совершенно не врубаясь, что за дурацкие карточки с дырочками у них в руках и зачем нужно бегать с этими карточками по дворцам, убеждая лордов построить какую-то там машину.

Из-за этой халтуры все и сидели сегодня на высоких неудобных стульях, а не на полу, как обычно. Проникнуться ошибками Вилли также помогали: угловатая мебель в баре (тяжёлые буфеты лакированного дерева), уродливая форма пандоры (корзинка для пикников, занявшая полстола) и уже замеченные странности в наряде Шейлы (пошлая шляпка с голубой лентой). На Кобаяси был сюртук со стоячим бархатным воротником, отчего японец сделался похожим на пингвина. Ли ограничился цилиндром, который стоял перед ним на столе.

После непродолжительного раздумья Сол решил, что если он с самого начала проигнорировал корпоративный стиль дня, то заставлять Маки морфировать куртку в сюртук уже поздно. Но с другой стороны, если эту ерунду насчёт ежедневного одевания по худшему дремлю придумал сам Ли... Пожалуй, старик может обидеться, и тогда разговора не выйдет. Остаётся продемонстрировать лояльность другим способом: включиться в общий стиль не предметом одежды, а элементом поведения.

Рядом с цилиндром Ли на столе горела свеча. Сол протянул руку в пламя, словно хотел убедиться, что свеча настоящая. Кобаяси ухмыльнулся: всем известно, что разведение

открытого огня карается месяцем информационной депривации второй степени. Но архаичная традиция совать руки в голограммы до сих пор сохранялась как форма комплимента для дизайнеров – мол, ваш интерьер вышел особенно реалистичным.

На этом включение в корпоративный стиль дня можно было считать состоявшимся. Сол открыл пандору и сделал заказ, набросав пальцем четыре иероглифа на внутренней стороне крышки корзинки. Ли покосился, хмыкнул.

– Мне нет сегодня писем на рисовой бумаге? – шутя пропел Сол.

– Кто может вас уволить, почтеннейший Со-Ляо! – в тон ему ответил китаец.

Но продолжить разговор с Ли не получилось. Секретарша Рамакришны вовсе не собиралась позволить пришедшему столь нагло проигнорировать её.

– Кажется, наш Соляр плохо спал сегодня, да? Такой хмурый... – Шейла демонстративно округлила пухлые губки, чтобы вложить в них тонкую эмпатическую сигаретку. Кобаяси тут же вынул здоровенную сигару.

«Вот же стерва», – подумал Сол.

Он давно подозревал, что подари он Шейле какую-нибудь безделушку, хоть самого дешёвого робоконекто на цепочке, их вражда закончится. Беда в том, что он никогда ничего не дарил коллегам по работе. Он просто не умел этого делать естественно, потому что в таких случаях подарок часто вы-

глядит как взятка.

Однако есть неписанные законы, которые нельзя нарушать даже из-за Шейлы. Если двое закурили, то остальные должны подключаться. Сигарета Шейлы и сигара Кобаяси уже сверкали, как два глаза одного монстра. Сол как бы нехотя полез в карман и вынул дешёвую восточноевропейскую папиросу.

– Tovarisch Solntseff mnogo smotrel Dostoevsky, mnogo kuril Belomor! – воскликнул Кобаяси, пытаясь изобразить русский. Шейла снова заржала своим развратным «хэ-гэ-гэ».

Сол пожал плечами. Тоже мне, отдел продаж. Даже звук «л» научился произносить, а соображалка всё та же. Впрочем, Кобаяси совсем не так прост, как кажется. Другое дело, что в своей работе маркетолога он вряд ли сталкивается с такими высокохудожественными концепциями, как конспиративная неоархаика. И это хорошо: не будет лишний раз удивляться, почему у Сола такая слабая аура. Ни к чему всем окружающим знать, сколько уровней чувствительности у этой «дешёвой беломорины»...

Вот и сейчас программа визуализации, активированная губными сенсорами, выявила лишь банальный эмпаттерн маркетолога и секретарши. Розовые медузы выплёскивались из сигары Кобаяси и, как-то неестественно кривляясь, обволакивали Шейлу, чтобы тут же разорваться о ядовито-жёлтые лианы её защиты, похожие на мурен. Временами лианы рвались и сами, принимая вид выющихся на ветру, дразня-

щих лент алого шелка, которые побуждали Кобаяси выпускать новых медуз.

Ли, следуя неписаному правилу, тоже подключился, вынув приспособление странной формы, вроде небольшого деревянного кальяна. Сол усмехнулся: будь здесь ещё и Рамакришна со своей треснутой глиняной трубкой, они бы изрядно повеселились, разоблачая друг друга, поскольку один из базисных принципов конспиративной неоархаики выражается древней поговоркой «больше двух – проговорятся вслух».

Но сейчас их было только двое с такой техникой, и оба вели себя как невинные овечки. Над китайцем, так же как над Солом, курилось лишь некое вялое облачко, словно батарейка в его кальяне вот-вот сядет. Только у Ли облачко было спокойно-лиловое, словно куст сирени в утреннем тумане. А дымок Сола имел нездоровый цвет хаки, который не понравился даже самому Солу. Правда, от этого наблюдения в облаке добавились салатные просветы.

– А я слышала, наш великий сценарист посмотрел что-то новенькое, – продолжала наезжать Шейла. – Вот его и тошнит теперь. Небось стащил из «Дремока» один из этих, экспериментальных, да? Думал, там компфетки будут юные, а увидел мамочку с ремнём, хэ-гэ-гэ! Ладно, Соляр, не скромничай. Расскажи коллегам, что такое «дремль с задержкой»! Это первый признак творческой беременности дремастера, да?

Ах, какая хищная лиана протянулась через весь эмпат-

терн к Солу! Но чересчур, Шейла, чересчур красиво! Долго думала, долго готовилась блеснуть. Что-то там под этой напускной желтизной проглядывает? Смотри, выдашь себя...

Сол перекатил папиросу в другой угол рта, и по лимонной лиане Шейлы поползли в обратном направлении комичные зелёные гусеницы, словно в старом детском дремле про джунгли. Лиана порозовела. Шейла фыркнула.

– В «Дремоке» очень суровые меры безопасности. Ничего экспериментального оттуда не пропадает, – заметил Сол с самым серьёзным лицом. – Говорят, там даже секретаршам каждый вечер стирают память, чтобы не сболтнули лишнего на стороне. Кажется, Рамакришна собирается ввести что-то подобное и у нас, потому что его говорящая записная книжка помнит слишком много конфиденциальных разговоров...

Лиана Шейлы взорвалась несколькими ежами огромных чёрно-красных шипов, но они так и повисли на полпути, завязнув остриями в зеленоватом облаке Сола. Кобаяси полыхнул было очередной медузой неестественно-розового, но тут же превратил её в бело-голубую, словно моментально скованную льдом.

– В прошлом месяце я слышал про «Дремок» другое, – заявил он. – Это посерьёзнее будет. Они сотрудничают с разведкой Индии-4. В их новых дремлях предусмотрена возможность использовать мозги зрителей как компьютер. Пока человек смотрит дремль, на его мозгах что-нибудь обсчитывается. Если прикинуть, сколько у «Дремока» клиентов, по-

лучается приличная сеть для распределённых вычислений. Кажется, они используют её для взлома военных искинов Нового Пакистана.

– Ужас... – прошептала Шейла.

Её жёлтый чертополох с чёрно-красными колючками был разорван в клочья ледяной медузой Кобаяси. Медуза расплзалась всё шире и шире... Молодец Кобо! Вот чем надо таких стерв завоёвывать – страхом, а не сюсюканьем. Но тут не одни секретарши собрались, ты учти.

Зелёное облако Сола сжалось, а затем быстро-быстро, тонкими травинками потекло сквозь ледяную кольчугу медузы к её центру. С другой стороны, из сиреневого куста над трубкой Ли, вылетела маленькая белая бабочка и тоже стала порхать среди ледышек Кобаяси.

– Это придумали в вашем отделе, Кобо? – лениво спросил Сол. – Только не говори мне, что от таких примитивных трюков акции «Дремока» падают больше чем на одну десятую процента.

– Насчёт Индии зря, Рама обидится, – добавил с напускной озабоченностью Ли. – Лучше уж про Британию-2 сделать, они там все параноики как раз.

Ледяная медуза осыпалась весенними сосульками. Кобаяси хихикнул. Шейла захлопала глазами, попыталась изобразить понимающую улыбку и одновременно восстановить свои колючки. По всему эмпаттерну лениво расплывались призрачные волны песчаного цвета. Первый раз собеседники

вошли в резонанс, хотя и довольно банальный, типа «пыль на дороге» – благодушное безразличие, легко разделяемое всеми участниками беседы сразу после завершения несерьёзной пикировки.

«Ну, по крайней мере будет ровный фон для запуска моей темы», – подумал Сол.

Он поднёс руку к губам и слегка сжал пальцами папиросу. «Беломорина» перешла в режим повышенной чувствительности. Не давая проектору визуализировать эмоциональную окраску этого маленького трюка, Сол выпалил:

– А я сегодня смотрел дремль вообще без дремодема.

И закрыл глаза, вызывая в памяти то, что пережил ночью.

– Ого, – сказал Ли. Сол открыл глаза.

От его скромного травянистого облака ничего не осталось. Зато весь закуток бара, где сидели коллеги, словно бы погрузился на морское дно. И по этому сумрачному подводному царству бродила – нет, не сама радуга, но некое неуловимое эхо чего-то светлого и головокружительного... Словно миг назад над толщей воды сияло солнце, разбиваясь в волнах на хоровод разноцветных бликов – и у того, кто это видел, отпечаток странной игры света задержался на сетчатке на миг дольше, чем держалась сама радуга.

«Фу, какое же тут «ого», – подумал Сол. – Десятая пиратская копия старого дремля про дельфинов. А мне казалось, это похоже на полёт в небе...»

По правде говоря, он и не надеялся, что эмпатрон в точ-

ности повторит ночное видение. Хоть на максимум поставь «Беломор» – всё равно покажет лишь крохи, оставшиеся в памяти. Лишь бледную копию ощущений, пережитых ночью. Да ещё за день наложилась куча всего – от пугающих раздумий об увольнении до элементарного чувства голода. Кстати о голоде...

Из пандоры вовсю шёл аппетитный запах, сигнал успешного окончания синтеза. Сол разгрузил пикниковую корзину на стол, заказал ещё зелёного чаю, закрыл пандору и начал есть сразу четырьмя палочками, как научился в Гонконге – полнейшее варварство с точки зрения не только викторианской, но и китайской кухни, зато вполне удобный способ одновременно поглощать ло-мень и курицу в кисло-сладком соусе, когда ты сильно проголодался.

Коллеги между тем разглядывали эмпаттерн и не торопились реагировать. Видимо, даже бледная копия с «эхом радости» производила впечатление.

Первым попробовал Кобаяси. Его рот снова растянулся в улыбке, отчего и без того японское лицо маркетолога стало японским втройне. Одновременно в подводное царство вытанцевался фантастический цветок почти такого же песчаного цвета, что и «пыль» благодушного безразличия, витавшая над компанией минуту назад. Похожий песчаный цветок стал расти и над Шейлой.

«Правильно, что не верите, – мысленно ответил Сол. – Я бы тоже не поверил. Но детектор лжи прямо перед вами, ре-

бятки».

Он снова запихнул папиросу в рот и стал не мигая смотреть на Кобаяси. Эмпаттерн при этом совершенно не изменился. Всё то же подводное царство с неуловимой радугой. То, что сказал Сол, не было выдумкой. Кобаяси всё понял без слов, и его танцующий цветок завял.

– Но так же не бывает, – пробормотала Шейла. – Смотреть дремли без дремодема, это как... как принимать душ без водопроводных труб!

– Душ бывает без труб. Это называется дождь, – возразил Ли из своего угла. Сол инстинктивно потёр глаз, в который утром попала небесная вода с запахом мыла.

Подводное царство в углу Ли стало сворачиваться огромной медленной волной.

– Дремль без дремодема, фантом без голопроектора... – медленно говорил китаец, покачивая головой как бы в знак одобрения собственных слов. – Бывают мифы, о которых хочется сказать «такое не выдумаешь». Особенно когда оказывается, что люди разных стран и разных цивилизаций, разделённые морями и веками, выдумывают поразительно похожие вещи. Драконов, например...

Сол обнаружил, что перестал есть и наблюдает за ответом Ли. Баг ты мой, как ловко он это делает! Вот тебе и кальяничик... С виду – экспонат музея первобытных людей. А чувствительность-то неслабая. Фиолетовый, белый и синий, яркие и чистые, перемешивались в идущей от Ли волне, кото-

рая незаметно подхватила и понесла куда-то Сола, Кобаяси и Шейлу. Образ показался Солу очень знакомым: синяя волна, похожая на лапу дракона, с белыми когтями пены, а под ней – маленькие человечки в лодке... Хокусай, вспомнил Сол. Волна, получив его поддержку, завихрилась новыми белыми барашками.

За такие штуки Сол особенно уважал китайца. И не только уважал, но и побаивался. Знакомая фея из лучшего городского добреля как-то рассказывала ему о такой методике управления. Суть в том, что в кресле босса на самом деле сидит его заместитель, «кукла». А реальный босс занимает какую-нибудь незначительную должность, вроде мусорщика или швейцара. Как и в случае с корпоративным стилем дня, Сол так и не понял, в чём преимущество этой игры с кодовым названием «человек корпорации». Однако такая схема по крайней мере могла объяснить целый ряд несоответствий, связанных с Ли.

Чего стоила одна только должность – почтальон. Конечно, существовало разумное официальное объяснение. В приличных компаниях старым и уважаемым сотрудникам иногда дают чисто символические должности, что равносильно уходу на пенсию. Нередко такие должности бывают довольно абсурдными. В том же «Дремоке» пара заслуженных дремастеров числятся «исследователями общественного мнения». Время от времени эти стариканы выбирают в электронных магазинах группу клиентов с не самым дебильным пси-про-

филем и проводят среди них опросы по поводу последних дремлей компании. Потом стариканы составляют умные отчёты, которые их умное начальство выбрасывает не читая. Редкий случай, когда торжество интеллекта оставляет довольными все стороны, задействованные в производственном процессе.

Однако Сол не мог поверить, что из-за необходимости ввести одну фиктивную должность совет директоров придумал такой концептуальный ритуал, как бумажная почта. Она моментально стала одной из основных составляющих имиджа корпорации. Конкуренты кусали локти от зависти, узнавая, что некоторые сообщения (поздравления, приказы руководства, новые назначения и увольнения) сотрудники «Дремлин Студиос» получают не в виде голосового куреля прямо в серьгушник, и даже не в виде хиромантического заплета на кожный дисплей ладони. А в виде письма на веле-невой (хорошие новости), обычной (нейтральные новости) или рисовой бумаге. Бумажные письма, запечатанные особым чипом, вручались лично в руки адресату, для чего и была официально введена должность почтальона.

Такое мог придумать сам Рамакришна. А если придумал кто-то другой – Рамакришна мог вдвое увеличить ему зарплату. Это была мода, которая охватила деловой мир и реанимировала давно умершую индустрию. Такие ритуалы не создают лишь для того, чтобы дать символическую работу простому сотруднику из исторического отдела в знак при-

знания его заслуг. Но такое вполне могли бы устроить для «человека корпорации». Вернее, он сам мог бы устроить себе такое совмещение приятного с полезным...

Пока Сол размышлял, в эмпаттерне над ним образовался небольшой голубой бурунчик, закрученный в противоположную сторону по отношению к волне Ли. Но этого никто не заметил. Основная картина по-прежнему состояла из девятого вала, под которым ещё проглядывало подводное царство Сола с «эхом радуги».

Но вот со стороны Кобаяси начал снова подниматься песок – на этот раз не в виде пляшущего цветка, а в виде крепкой отмели, над которой волна Ли стала тормозить.

– Ну да, обо всём этом рассказывают в любой бизнес-школе в курсе «Основ имагологии», – заявил Кобаяси. – Внутренние видения вызываются галлюциногенами либо нанозитами. Внешние, то есть наблюдаемые одновременно несколькими людьми видения – либо естественные оптические, как миражи, либо трюки шарлатанов, в основном банальные.

Кобаяси неожиданно схватил себя за уши и оттопырил их, чем вызвал усмешки у всех собеседников. Песчаная отмель росла.

– В прошлом году в Кабуле-2, помните? – продолжал Кобаяси. – Десять тысяч человек во время праздника на вполне открытом месте видели призрак с такими параметрами, что у обычного портативного голопроектора просто не хватило бы питания даже на секундное изображение подобного колосса.

А более мощный голопроектор сразу заметили бы. Между тем никакой техники замечено не было, а призрак наблюдали в течение получаса. Некоторые даже как будто общались с ним. Угадайте, как это вышло?

Никто не угадывал, но волна Ли стала скатываться назад с песчаной отмели. А сама отмель стала крепнуть, темнеть и разрастаться в скалу. Кобаяси торжественно помахал в воздухе своей сигарой.

– Во-первых, использовался миниатюрный эмпатрон вроде вот этого...

– И что, десять тысяч человек молились, включившись в эмпаттерн? В Кабуле-2, где запрещены почти все технологии этого века? – улыбнулся Ли.

– Нет конечно! – Кобаяси помахал в воздухе сигарой, продолжая разгонять морской пейзаж Ли. – Такое бы заметили ещё до того, как всё началось. Устройство было только одно, и хорошо замаскированное. Но оно было подключено к портативному проектору внешних голограмм. А проектор не просто визуализировал эмпаттерн – он от него питался!

– Это как же? – удивилась Шейла. – Я слышала, что эмпатрон ловит такие... ну, очень тихие сигнальчики. Их ещё надо очень усиливать, чтобы показывать в виде картинок. А тут наоборот получается – эмпаттерн, который сам является батареей для проектора... Бред!

– Верно, похоже на бред. Но усилители разные бывают. Третья особенность ситуации: площадь была не простая. То

ли архитектура там такая, то ли ещё что. Эмпаттерн получился вроде линзы, с фокусом как раз в центре площади. Ну а в-четвёртых – извини, Солли-сан, если тебе это испортит аппетит – устройство представляло собой настоящее чудо биотеха. Оно было вшито в барана.

– Э-э-э... – раздалось со стороны Шейлы. Но Кобаяси был так увлечён, что не заметил этого блеяния и продолжал:

– В простейшем виде схема такая. Всплески эмоций ловятся эмпатроном. А оттуда идут не только на проектор, но и на нервную систему барана. Возбуждённый баран превращается в химический источник питания для проектора. Конечно, источник слабый – до тех пор, пока барана не стали резать...

– Всё-всё, я дальше не слушаю! – Шейла демонстративно зажала уши.

Однако в эмпаттерне с её стороны, выдавая живейшее любопытство, тонкая неоновая водоросль всю карабкалась на огромный металлический айсберг Кобаяси, который почти вытеснил и спиральную волну Ли, и подводное царство Сола.

– Да-да, именно этого барана в честь праздника приносили в жертву посреди этой самой площади в Кабуле-2! – торжествуя воскликнул Кобаяси. – Представляете его чувства, когда его стали резать?! Человек, который держал нож, увидел призрак первым. У него дрогнула рука, и барана он не убил, но ранил очень глубоко. Добавьте к этому толпу, которая при виде призрака тоже начинает помирать от стра-

ха. А площадь, как я сказал, концентрирует эмпаттерн в центре, как раз где этот баран со вшитым эмпатроном агонизирует. Проектор соответственно подзаряжается сильнее, призрак растёт. В общем, система с позитивной обратной связью. Фантом до небес и массовая истерика. Несколько сот человек прямо оттуда увезли в больницы с тяжёлыми нервными расстройствами.

– Кто это устроил, вычислили? – спросил Ли.

– Нет. Говорили, вроде бы ГОБ вышел на «Гринпис». Но по-моему, на них просто хотят всё свалить, как обычно. С тех пор как «ультразелёные» объявлены террористической организацией, им чего только не шили. А с этим, в Кабуле... я думаю, кто-то просто борется за рынок. У них же запрещено изображать животных и людей, поэтому покупать обычные дремли они не могут. А вот если подорвать саму религиозную основу, путём таких массовых трюков с усилением отрицательных эмоций...

– Усилитель? Да, пожалуй, это верный подход к объяснению того, как возникают одинаковые мифы, – кивнул Ли. – Бессознательная экстраполяция каких-то черт, присущих самому человеку – и вот уже кажется, возникло что-то новое... Помните старинный стереотип инопланетянина? Огромные чёрные глаза без зрачков, почти отсутствующий нос... Сегодня любой начинающий дремастер знает, что это всего лишь оживлённый человеческий череп.

– «Маленькие зелёные человечки», – вставил Кобаяси. –

Это выражение появилось после распространения световых с такими фигурками.

– Естественно. – Ли улыбнулся. – Технологии тоже вносят свой вклад, и это ещё больше запутывает следы происхождения мифов. Видимо, и в формировании видений срабатывают какие-то простые законы... Может быть, настолько простые, что человек о них даже не думает, предпочитая более возвышенные объяснения. Вот и выходит, что известный «свет в конце канала» объясняют не как следствие кислородного голодания мозга в коматозном состоянии, а как свидетельство существования «вселенской оптической сети», или, проще говоря, «того света».

Сол почувствовал, что в нём нарастает раздражение. Его не понимали. То, что с ним произошло, пытались упростить, свести в одну из привычных схем. Захотелось ответить на разглагольствования Ли какой-нибудь гадостью, вроде старой гонконгской поговорки «Мы все в глубокой жопе, и свет в конце тоннеля».

Однако он подавил в себе этот импульс. Незачем срывать злобу на коллегах. Тем более на Ли, который всё-таки даёт иногда дельные советы.

– Много раз пересказанная, история обрастает другими домыслами, достраивается ассоциациями так густо, что иногда вообще невозможно распутать клубок, – продолжал вещать китаец. – Возникают странные корреляции-головоломки – огнедышащий дракон, несгорающая саламандра...

– Но я действительно видел дремль без всего! – не выдержал Сол. – У меня дома нет никаких усилителей, наоборот, одни экраны самых последних моделей. И биоколлап. И галлюциногенов я не употреблял уже Баг знает сколько. И вентилиция у меня даже в туалете не барахлит. И вообще я...

«Стоп, – сказал он себе уже второй раз за этот день. – О том, что я разбил дремодем об стенку, говорить не стоит. Всё равно без толку. Даже Ли ничего толкового не сказал».

Эмпаттерн, оккупированный было крепкими, уверенными скалами Кобаяси, снова залило зелёной водой. Но теперь Сол был в негативе, и его океан получился мрачным, полным тины. Неуловимый блик радуги всё ещё ощущался, но тоже какой-то вялый. Будто солнце не просто пропало за тучей, а вообще закатилось.

Ситуацию, как ни удивительно, спасла Шейла. В её углу мутная тина вдруг взорвалась здоровенным и прямо-таки малиновым от злости морским ежом:

– Как же ты достал, Соляр, со своими опытами! Ненавижу, когда на мне тестируют дурацкие идейки! Помните, месяц назад он нас мучил байкой про «дремль с запахами»? Тоже долго убеждал, что он якобы видел такое несколько раз. И чем всё кончилось? Сначала «Аромадр», а потом целый сериал «Кошкин Дрём». Посвящённый не кому-нибудь из нас, а его подружке, этой ходячей парфюмерной фабрике! А теперь он опять решил, что нашёл бесплатных подопытных кроликов... Но естественно, нас опять никто не упомина-

нет даже в титрах, когда это выйдет.

Возникла пауза. Все ждали, что Сол расколется. Что ж, выхода нет – но это тоже выход. Сол закрыл глаза и вспомнил анекдот про морского коня.

Над «беломориной» взлетел апельсин. Довольно заморенный, но заметный. Кобаяси и Ли улыбнулись, и от их поддержки по эмпаттерну запрыгала целая апельсиновая стая.

– Завидую я этим сценаристам! – воскликнул маркетолог. – Могут до того проникнуться своей выдумкой, что она для них правдой становится! А вот нам такого нельзя. Стоит расслабиться, и тут же попадешься на какую-нибудь провокацию. Рассказывай, Солли-сан, что это будет? О, я знаю, знаю! Ужастик, да? Человек видит, что дремль как будто закончился, он снимает дремодем... но на самом деле это часть дремля, который ещё продолжается. Ты уже показывал Рамакришне? Я даже знаю, кому это можно будет предложить большой партией.

– Вложенные дремли запрещены Женевской Конвенцией, – погрозил пальцем китаец.

Кобаяси усмехнулся и подмигнул Солу. Сол в ответ подмигнул Кобаяси. Шейла надула губки, но глядела победительницей. Над Ли ещё курились какие-то фиолетовые спирали, но в целом эмпаттерн опять входил в резонанс. На этот раз получился «дым над водой» – настроение, описание которого на обычном языке звучит длинно и скучно, что вовсе не мешает разделить подобное настроение в компании кол-

лег, когда обед уже съеден, а идти работать ещё не хочется.

ЛОГ 5 (БАСС)

– Настоящих изобретателей никто не помнит. Возьми что угодно. Вот хоть соус...

Марек взял один из семи соусников и колыхнул им над лазаньей. Басс поморщился. Разваленная ножом и залитая густой светло-коричневой жидкостью, лазанья напоминала вовсе не что угодно, а нечто вполне конкретное. Вспомнился Израиль-6, где приём пищи считается настолько интимным делом, что ортодоксы едят только в темноте. Очень мудрое правило. Особенно если у них тоже вошла в моду эта подливка цвета детского испуга.

– Соус «Тун-тун», – продолжал разваливать лазанью Марек. – Рецепт прост до идиотизма. Сметана и соевый соус в равных пропорциях. Плюс, конечно, «секретный ингредиент». Которого на самом деле нет, об этом знают даже самые тупые компфетки. А о том, кто первый смешал сметану с соевым соусом, не знает вообще никто! Может, ещё в каменном веке смешивали. Но попробуй начини делать такой соус, не проведя «консультации о стандартах» с той бурятской сетью, которая держит шару на эту смесь...

Басс молча сидел перед нетронутой тарелкой спагетти. Он давно знал Марек и не вступал с ним в разговоры на отвлечённые темы. Не пройдёт и пяти минут, как Марек либо сам

перейдёт к делу, либо начнёт говорить о своей маме. Во втором случае следует просто напомнить ему, что он ублюдок. Басс ждал, когда истекут пять минут.

Однако даже такое проявление вежливости давалось нелегко. Клиенты обычно появлялись в ресторане Марека лишь к вечеру. А сейчас, если не считать трёх случайных туристов в дальнем углу, здесь было абсолютно не за что зацепиться взглядом. Зато от скатертей в красно-белую клетку уже рябило в глазах.

С видом на улицу обстояло ещё хуже. Столик стоял на краю крыши одного из самых высоких небоскрёбов даунтауна. Бетонная колонна бывшего банка торчала над остальными коробками, как притупленный резец вампира над коренными, создавая ощущение фальшивого, кукольного величия. Весь этот район был грустной игрушкой взрослых людей, не способных расстаться со своим мёртвым прошлым.

Те, кто был старше Басса, называли это центром, даунтауном, Откуда-Всё-Начиналось. Те, кто был моложе, говорили просто «Старый Город», и при случае могли привести веские аргументы. На новых континентах, сказали бы они, понятие административного или торгового центра слишком расплывчато, и уж точно не связано с грубой географией. А Старый Город – это вроде музея древностей. Искусная реконструкция, дань первому буму неоархаики.

Басс был не так молод и знал, что правда, как всегда, скучнее и стереотипнее. Люди, приехавшие на ещё тёплый кон-

тинент, были вооружены самыми современными технологиями. Но первое, что они построили, был банальнейший даунтаун. Точная копия тех, что существовали во всех средней руки городах Старой Европы.

Ещё студентом Басс нередко размышлял о том, насколько это было непрактично, даже для первых поселенцев. Уродливые, однообразно прямоугольные здания лепятся друг к другу безо всяких дворов, либо с ужасной пародией на дворы – тупики-колодцы с парой чахлах деревьев. Окна выходят на стены соседних домов или на узкие улицы, главными обитателями которых являются автомобили... Эта татуированная гарью, ароматизированная выхлопными газами клаустрофобия могла стать отличной декорацией для дремля ужасов, но не для жизни людей.

– Буряты, – вещал Марек, помахивая вилкой. – Я даже не знаю, где обитают эти буряты. Я только знаю, как они выглядят. Надо смешать русского с китайцем и добавить улыбочку якудза – знаешь, как улыбаются эти япошки, одними глазами... Но попробуй ты без них смешай сметану с соевым соусом!

Басс поглядел за край крыши, намекая Мареку, что его не слушают. За карнизом серая стена банка уходила вертикально вниз и упиралась в Параллель, главную улицу даунтауна. Абсолютно прямая Параллель с этой высоты представлялась жёлобом, из которого вынули кабель. Вспомнилось, что даже на карте Старый Город выглядит как печатная плата, по-

терьянная на выставке икебаны.

И всё же что-то в нём было, тянуло к себе – по крайней мере, до реконструкции. Иногда во время прогулок в этом абсурдном районе Бассу даже казалось, будто он улавливает это «нечто». Он не мог выразить это словами – Старый Город будил ассоциации. Например, однажды это было воспоминание о том, как в детстве он учился рисовать. Маленький, даже микроскопический домик в центре огромного листа. Тот же рисунок на следующем листе: маленький прямоугольник с другими прямоугольниками-окнами внутри, и огромное белое пространство вокруг. И терпеливые объяснения искина-гувернёра, ставшего в этот день говорящим мольбертом. «Нет, Басти, мне не жалко листов, ведь я лишь имитирую их для тебя. Но почему ты рисуешь одно и то же, и только одним цветом? И почему такое маленькое, словно тебе дали лишь клочок бумаги, а не целый большой лист?»

Наверное, люди, построившие даунтаун, испытывали нечто похожее, когда перед ними открылся чистый лист нового континента.

То, что называли реконструкцией, началось лишь тогда, когда от Старого Города остался лишь клочок. Ещё немного, и реконструировать было бы нечего. Поколение переселенцев сменилось поколением молодых, энергичных аборигенов, и соседние районы стали потихоньку подгрызать полузаброшенный даунтаун. За ночь нанодеструкторы съедали целые кварталы из строительного суперкоралла, заменив-

шего железобетон. Тормозила процесс только человеческая бюрократия – многие здания, даже будучи заброшены, формально оставались чьей-то собственностью.

Тем не менее, спустя годы от бывшего центра осталось лишь несколько кварталов вдоль трёх первых улиц. На набережной, названия которой никто уже не помнил – слишком длинная французская фамилия – старые дома были ниже и поразнообразнее. Зато на соседней с ней Параллели двумя рядами циклопических зубов торчали самые высокие небоскрёбы, режущие глаз прямыми углами и депрессивным цветом стен. Перпендикулярно главной улице шёл вглубь континента обрывок Розового Бульвара. Он начинался там, где из набережной выдавался в море Мыс Двух Камней, и заканчивался через милю после пересечения с Параллелью. Всё, что осталось от места, Откуда-Все-Начиналось.

Первая волна моды на неоархаику зацепилась за этот последний клочок прошлого, когда и он уже таял. Но зацепилась крепкими руками людей, которые, как и Басс, не могли выразить словами, однако ощущали те же ностальгические ассоциации. И решили сделать на этом бизнес. Старый Город, который спокойно умирал и тем был интересен, как ещё не порванная нитка связи с прошлым, превратился в чистый кукольный городок-имитацию. Что может быть мертвее покойника? Только музей, где выставлен раскрашенный покойник.

– Раньше был порядок, – не унимался Марек. – Автор-

ское право, интель и всё такое. Даже тех рогаляков, что пропагандировали свободное копирование, поджарили быстро. Но тут нашлась пара острых перцев. Просекли, откуда мясом пахнет. Взялись за дело серьёзно, умников наняли – а те и рады, сварили им новую концепцию. Дескать, анархия – это, конечно, плохо, но вот «нетуральный обмен», то бишь обмен с использованием Сети – это просто праздник. Все вещи сохраняют свою истинную ценность, не нивелируются одной денежной ценой. Раньше, мол, нельзя было обменом жить, потому что не притащишь земельный участок на меновую площадь. А теперь пожалуйста, отсканируй и тащи точную виртуальную модель куда хочешь, пусть щупают и нюхают. Плюс многофакторный поиск, плюс удобство персональных контактов. Вот тебе и нетуральный обмен безо всяких денег. А за ним и шара – ведь обычную интель уже никому не удержать, все копируют как хотят. Но зато, если хочешь в каталог попасть или в искалку – только через шару какой-нибудь техносекты, благо они всю Сеть контролируют.

Басс закрыл глаза, сверился с часами. Ладно, ещё пару минут. Чтобы отвлечься от тоскливой кукольности крыш и красно-белой ряби скатертей, он активировал искин-лапотник и начал тестировать руку.

Операция прошла по высшему классу. Ещё вчера рваное тело Басса плавало в физрастворе, и полчища микроскопических нанни трудились над ним под управлением трёх робохирургов – тех самых тварей, появление которых несколь-

ко лет назад лишило Басса работы. Сегодня он вновь испытал это неприятное чувство, смесь профессионального восхищения и горечи безработного: никаких рубцов, никакого восстановительного периода. Никаких ошибок, никакой благодарности.

Разве что новая модель руки не очень привычна. Даже если умеешь работать с разными типами хирургических рук, приноровиться к очередной нелегальной модификации всегда непросто.

Басс выпустил из безымянного пальца щупальце джека-потрошителя. В легальной модели на месте этого универсального маршрутизатора находился нейросшиватель. А в прошлой руке Басса джек сидел в мизинце.

Впервые он обнаружил несоответствие около часа назад, ещё в клинике, и сразу рекомендовал Мареку убивать дизайнеров, которые допускают столь дикие смены стандартов. Но позже выяснилось, что дело того стоило. В новой руке мультисканер, заменяющий врачу с десятков приборов, от УЗИ до ПЭТ, переехал с ладони на ребро мизинца. Это было удобно: теперь, используя сканер, не нужно будет всякий раз привлекать внимание окружающих таким жестом, будто ты собрался дать пощёчину случайному прохожему.

Однако придётся привыкать к перестановкам. Особенно к освобождению мизинца от джека: глупый палец по-прежнему инстинктивно оттопыривался всякий раз, когда на глаза Бассу попадалось что-нибудь похожее на биопорт.

– ...С виду эта шара – мелочь: не запрет на копирование, как раньше, а запрет на нарушение стандартов при копировании. А на деле это всё равно, что легализовать любое порно, но при этом запретить заниматься сексом. Хочешь коды скриптов всяких – завались. Рецепт соуса «Тун-тун» – пожалуйста. Но только ты вздумаешь это применить, так и начинается язва: сначала докажи, что удовлетворяешь стандартам соответствующей сети производителей! В одних случаях, чтобы получить шару, достаточно справки о санитарном состоянии. Зато в других...

Ещё в мизинце новой модели нашлись оптическая, электромагнитная и звуковая отмычки. Все три – нелегальное дополнение к сканеру, но Басс ими почти не пользовался. Даже став грабителем искинов, он – хотя бы для себя, где-то внутри – оставался нейрохирургом и не хотел опускаться до взлома дверных замков.

– ...И тогда один умник из Свободной Флориды заявил, что плевал он на бурятов с ихней шарой. И стал у себя в ресторане смешивать сметану с соевым соусом без всяких «консультаций о стандартах» с бурятской сетью. Так что ты думаешь? Не прошло и пары дней, как нашли этого социалиста в его же кухне холодненького. С ядовитым рыбьим плавником в горле. А вдова и говорит в интервью: «Ах, он так любил рыбу!» Вот умора! Ресторан тут же закрыли из-за несоответствия санитарного состояния. Мол, какое же это санитарное состояние, если у самого хозяина ядовитая рыба

во рту!

Басс продолжал изучение новой «швейцарки». На внутренней стороне ладони остался контактный тестер – бывший мануальный энцефалограф, тонкая паутина кожных датчиков, от запястья до подушечек пальцев. Басс приложил руку к голове, включил тестер. Ох, ну и бардак! Нет, с неоргами всё-таки проще, чем с человеком.

Тот, кто переделывал руку, наверняка думал так же. Эндоскоп исчез из безымянного вовсе, оставив от себя лишь порт. Невелика потеря, согласился Басс. Если потрошишь не больных людей, а здоровые искины, вовсе ни к чему каждый раз запускать внутрь червяка с тремя глазами. В крайнем случае, в игломёте тоже неплохая камера.

– Или возьми терраформ. – Марек копался в нижних слоях лазаньи, что и стимулировало переключение на новый пример. – Когда в Старой Европе началась эта заварушка с климатом, технология суперкораллов уже всюю применялась у япошек для наращивания островов и всяких там волноломов. Казалось бы, дуй в океан и выращивай хоть десять новых Европ. Так нет же!

Басс подумал, не испытать ли на Марекке свои любимые тайваньские нанозиты. Нет, не стоит. Комариный укус, но Баг его знает... Вдруг не так поймёт. Испугается, вызовет охрану. К тому же привычный инструмент незачем тестировать столько раз. Игломёт, переделанный из инъектора, находился в указательном, как и раньше. Басс успел проверить

его на одной из сестричек сразу после операции. Бедняжка, как она возбудилась! Кто бы мог подумать, что на женщин действует иначе... Надо иметь в виду.

От нечего делать он поиграл папиллярным хамелеоном – лёгкое покалывание в большом пальце. Потом включил микроволновую «синюю бородку», попробовал ковырнуть пизонский нэцкэ-коммуникатор на поясе Марека.

И даже присвистнул от удивления. Уж чего-чего, а прикидываться идиотом Марек умел. Небрежно прицепленная к поясу фигурка Будды казалась банальной бродилкой лишь с виду. Внутри же обитал настоящий искин-охранник неизвестного класса. То, что он не орал о попытке взлома, объяснялось просто: он сам прощупывал Басса.

Или, что вернее, уже прощупал и не нашёл достойного соперника. Басс ломал по старинке, вручную, без особой помощи искинов, и в его хирургической руке телохранитель Марека мог обнаружить лишь стандартный искин-лапотник. Наиболее продвинутой частью этой системы были не программы-ломалки, а внутренний интерфейс. Закрыв глаза, Басс прокрутил запись микроволновой перестрелки своего искина с охранником Марека. Охранник подозрительно быстро замолк. Басс не стал дожидаться следующего хода маленького Будды и отключил «синюю бородку».

– Не помню, рассказывал ли я тебе. – Марек ошибочно истолковал присвист Басса как знак повышенного интереса. – Моя маманя была наследницей сети ресторанов в Италии. А

папаша – простым поляком, не имевшим ничего, кроме золотых рук дантиста. Но ни она, ни он так и не могли уехать из этой больной Европы, пока пара-тройка толстосумов выясняла, кто будет держать шару на технологию терраформа. Пока папочка и мамочка ждали этого континента, они успели познакомиться в офисе иммиграционной службы, поженились против воли родителей и даже родить...

– ...Родить ублюдка, который унаследовал их лучшие черты, – перебил Басс: пять минут вежливости закончились. – Теперь этот ублюдок кормит клиентов своих ресторанов таким дерьмом, что у них не реже раза в неделю вываливаются зубы, которые он же вставляет обратно за отдельные кредиты.

– Жаль, такую технологическую цепочку не зашаришь, – осклабился Марек, ничуть не обидавшись. – А ты кушай-кушай, Василиск, не стесняйся! Последнее, что я видел у тебя во рту, была визитка сценариста из «Дремлин-Студиос». Отличная вещь, эбеновое дерево. Я и не знал, что до нас тоже дошёл этот писк неоархаики. Говорят, их невозможно подделать. Уникальная волоконная структура персонального дерева в качестве кода. Эти друиды – ушлые ребята.

– Ерунда. Надо просто человека трясти, а не его деревяшку.

– Ах да, я забыл. Ты ведь тряс её хозяина. А визитку потом в зубы сунул, чтоб не откусить что-нибудь самому себе в судорогах. В любом случае, одобряю твою диету. Деревянные

визитки знаменитых дремастеров гораздо питательнее, чем пластиковые карточки дешёвых голодраматургов. Тем более что один из офисов «Дремлина» тут за углом – почитай, свои люди, если тоже раскошелились на аренду в Старом Городе. Но надо чаще питаться, Василь, чаще! Этот деревянный деликатес мы вытащили из твоих зубов ещё ночью, когда тебя...

Марек осёкся и вздрогнул: самая простая, самая древняя отмычка вылетела из среднего пальца Басса с характерным звуком. Нет, в смысле материала «жидкое шило» – вполне современная штука, мысленно поправил себя Басс. Пластобсидиан – это вам не отходы космической промышленности прошлого века. И даже не гиперуглеродная нанорезка из рекламных стишков, которые до сих пор так впечатляют домохозяйек: ах, режущая кромка в две молекулы! ах, вертятся они как бешеные, полные баки фулеринов!..

Нынешний скальпель Басса был острее любой нанорезки – благо реклама нанорезок умалчивает о том, как быстро они тупятся. Кроме того, пластобсидиановый ланцет удобнее лазерного, если работаешь вручную, без компьютерной настройки. Но основной принцип действия остаётся таким же древним и простым. Резак, которому наплевать на структуру материи, на её сложность, на её жизнь. Лишь бы резалось.

– Давай, что ли, покороче. Я спрашивал про Саймона, а не про соусы твоей мамы с папой.

Басс сделал несколько быстрых движений скальпелем над тарелкой, словно заштриховал карандашом невидимый круг. В тарелке не осталось ни одной спагеттины длиннее сантиметра.

– Ну ты карвар... – покачал головой Марек. – Надо же не так, надо ложку взять, а в неё соус, и потом вилкой...

– Угу.

Басс плеснул в тарелку кетчупа и горчицы, взял большую ложку, перемешал и попробовал получившийся суп. Касание губ горячей ложкой вызвало озноб, а проглоченная каша – не менее странные ощущения в пищеводе и желудке. Басс поёжился. Всё-таки чувствуется, что совсем недавно его латали. Неприятная слабость словно бы ждала, когда организм более активно соприкоснётся со средой. Например, пропустит внутрь себя немного смеси из кетчупа и горчицы. Басс отложил ложку.

– Слушай, Маврик, у тебя нет получше места для разговоров? Твои электронные мясники выпили из меня столько крови... Если меня сдует с этой крыши, я буду лететь аж до Двух Камней.

– Не бойсь, у меня силовые экраны со всех сторон. Хотя, если хочешь...

Марек оглянулся. В центре крыши, являвшейся и центром пиццерии, располагалась огромная печь. Её окружал кирпичный загон, декорированный старинными предметами быта и продуктами питания, вроде связок перца и бутылей

с маслом. В загоне обитали два повара, которые в этот момент демонстративно бросали всякую требуху на огромный блин из теста, раскатанный прямо на бортике загона. Будущую пиццу окружало лёгкое облако муки – повара проявляли гиперактивность под заинтересованными взглядами туристов из дальнего угла.

– И правда, пойдём-ка. Есть местечко поуютнее! – Марек вскочил и бодро засеменял к печке. Бассу ничего не оставалось, как двинуться следом.

Повара как раз закончили набрасывать разноцветную ерунду на блин. Один розовощёкий амбал в белом колпаке открыл заслонку, другой красавец поднял пиццу на деревянной лопате и изящным движением балетного танцора закинул её в самый огонь. Туристы зааплодировали: натуральное приготовление еды было одной из главных достопримечательностей ресторана.

Марек обогнул печь и помахал Бассу, торопя его. Они прошли по узкому коридорчику вокруг задней стены печи, а затем – по такому же коридорчику, ведущему в самый центр печи.

Марек приложил ладонь к одному из кирпичей. Часть стены отъехала, внутри оказалась ниша с металлическим столом посередине и пылающим адом позади стола. Из стола вылезла механическая рука и сунулась в огонь. И тут же вернулась, бросив на стол знакомую пиццу. Правда, теперь пицца представляла собой знак вечной борьбы Инь и Ян: напо-

ловину обуглена, наполовину сырая. Похожий шаолинь до сих пор висел у Басса дома на двери гигиенной. Притащила его, конечно, Мария. Басс выбил из головы подруги эту очередную сектантскую дурь, но картинку оставил: из неё вышла хорошая мишень для упражнении с игломётом.

– Давай сюда, быстрее! – крикнул Марек и прыгнул под стол, на котором покоилась гастрономическая версия любимого символа всех буддистов.

После секундного замешательства Басс пригнулся и тоже втиснулся под стол, где места было не более чем на двух человек – но только не таких толстых, как Марек. Стена, которая пустила их в нишу, снова закрылась. Отвратительное ощущение, накатившее в следующий миг, сложно было спутать с чем-то другим. Так бывает, только когда летишь в лифте.

К счастью, это тут же закончилось. Стена опять отодвинулась, Марек толкнул Басса, и они вылезли из-под стола в коридор. Басс оглянулся.

Механическая рука, высунувшись из стола, подцепила сыро-обугленную пиццу и бросила её куда-то вправо. Слева тем временем высунулась другая механическая рука и поставила на стол другую пиццу. Она выглядела и пахла так, что откусить от неё хотелось как минимум дважды. Стена задвинулась, но можно было легко представить, как стол с фальшивой пиццей летит обратно в фальшивую печь, рядом с которой поджидают фальшивые повара.

###

Скоростной лифт уронил их на уровень улицы всего за три секунды тошноты. Тем не менее, когда они вышли в зал, их тарелки с лазаньей и спагетти точно так же стояли на одном из крайних столиков, словно сам столик тоже пролетел полсотни этажей.

– Показушник багов, – пробурчал Басс. Он не сомневался, что демонстрация «кухонных тайн» с заменой якобы натуральной пиццы на синтетическую – специальный трюк, предназначенный для тех, кому Марек хотел выразить особую расположенность.

На первый взгляд этот зал понравился Бассу гораздо больше. Здесь были стены, и всего лишь пяток столиков с раздражающими красно-белыми скатертями.

Увы, в отношении вида на улицу зальчик «для своих» представлял собой другую крайность. Прохожие шли мимо на расстоянии вытянутой руки от Басса, словно он сидел в открытом кафе прямо на тротуаре. Из замечаний Марека, брошенных по дороге к столу, стало ясно, что прохожие не видят ни ресторана, ни его обитателей. А видят лишь сплошную бетонную стену, защитный ноблик. В этом и был замысел элитного зальчика – спускаться с вершин и подглядывать за простейшими.

Но попробуй обмануть инстинкты, если у тебя перед но-

сом останавливается толпа туристов, и половина из них глядят прямо на тебя с идиотскими улыбками! Нужна привычка, а Басс был здесь впервые.

– Так на чём мы остановились? – Марек скептически разглядывал остатки лазаньи. – Кажется, ты спросил, почему моя мамочка...

– Саймон, – отрезал Басс.

– А-а, так я про него и рассказывал, пока ты меня не сбил! Суть в том, что Саймон – никто. Ни рыба, ни соя. Бывший священник зашарил скрипт, который переводит искин из активного режима в режим психозеркала. И всё! Назвал своим именем отнюдь не своё изобретение. Потом открыл сеть кладбищ и стал миллиардером. Неужто ты не видел этих рекламных бабочек? «С любимыми не расставайтесь – в Сад Саймона селите их!»

– Убивал бы таких священников, – резюмировал Басс, понявший наконец, к чему Марек плёл свою долгую сказку про «шару» и неизвестных изобретателей.

Действительно, вряд ли кто помнил сейчас имя человека, впервые похоронившего искин вместе с хозяином. Как-то раз у себя дома в гигиенной Басс зацепил краем уха историю, которая доносилась из выброшенного Марией и ещё не растаявшего тампон-журнала. В то время Мария увлекалась танатологией, и тема журнала была соответствующей. Из всего потока аудиостатей Басс запомнил лишь, что тысячи лет назад в гроб погибшего воина кидали его оружие и же-

ну. Продолжая плавать в унитазе, тампон-журнал сообщил Бассу, что в прошлом веке та же участь постигла мобильные телефоны. Далее некий знатный гробокопатель тех времён рассказывал в интервью тампон-журналу, как поседел от неожиданных звуков Бетховена, раздавшихся в полночь из свежевыкопанного гроба. На этом месте тампон окончательно растворился и перестал болтать. Но Басса так позабавило интервью, что он нашёл записи этого шутника Бетховена и зашил одну в собственный будильник.

Но кто первый оставил покойнику не телефон, а комп? Кто первый снабдил оставленный в гробу комп автоответчиком? Наконец, кто первый догадался, что лучший автоответчик – это персональный искин, который провёл с человеком многие годы и знает о нём столько, что может с успехом имитировать умершего хозяина?

На счету Басса было с десятков взломанных кладбищ, но он никогда не интересовался экономикой погребального бизнеса. И до сих пор не знал о тонкостях вроде «шары». Стало быть, все отстёгивают одному попу только за то, чтобы переключить шкурку в режим автоответчика и оставить на кладбище? Хорошо устроился папаша!

– Убивать его поздно, – заметил Марек. – А вот его искин меня ещё интересует.

– Так он помер?

– На прошлой неделе. – Марек прикрыл один глаз и процитировал дикторским голосом: «Отец Саймон, глава Церк-

ви Теофоники и основатель сети элитных учреждений загробной жизни «Сады Саймона», похоронен позавчера в «Эдеме», лучшем саду своей сети».

– Это который на полуострове? Очень неудобное место, всё просматривается.

– Точно. Там самых жирных кабанчиков хоронят. А в качестве гарнира – винегрет из самых мощных искинов. У Саймона был «алеф-М5». Говорят, таких в мире всего штук двадцать.

– Врут. Хотя редкая шкурка, верно. Я сам видал всего два раза.

– Видал или ломал? – Марек усмехнулся, но глаза цвета соуса «Тун-тун» смотрели внимательно, а рука как бы невзначай коснулась нэцкэ на поясе.

«Эмпатрон включил, сволочь, – понял Басс. – Щас, буду я тебе экзамены сдавать, жди больше...»

– Защита какая у садика? – быстро спросил он, не давая Мареку и его искину отследить реакцию на предыдущий вопрос.

– От атак снаружи – никакой, – снова усмехнулся Марек. Неужели всё-таки успел отследить?

– Да ну? Видно, я крепко спал в тот день, когда всему населению делали прививки от любви к халяве.

– Не расстраивайся, я бы не допустил такого фашизма. Но в «Эдеме» особый случай. Даже не знаю, с чего начать...

– Терраформщики опять лопухнулись? – Басс невольно

расправил плечи, вспоминая кладбище моряков, куда ему пришлось добираться вплавь с осмотической маской. – Если садик потонул, это отдельная цена. Ненавижу работать под водой. Одно неверное движение, и о тебе знают все сторожевые косатки.

– Никуда он не потонул, всё на суше. Просто в нём поселились призраки, и они... жрут людей.

Басс громко хрюкнул и подавился, едва не попав в Марека выплюнутой кашей из спагетти. Он смеялся впервые с тех пор, как пижон-дремастер отдал ему свой искин в обмен на байку о Джинах.

– Кажется, я слышал эту страшилку ещё от своего гувернёра. А потом узнал, что они специально такие байки распускают, чтоб мелюзга не лазила куда попало. Короче, давай по делу: сколько охраны, какие боты, сигнализация...

– Ничего такого.

– Так в чём проблема?

– Да никаких проблем. Я знал, что тебе понравится. Иди и возьми. Шесть человек до тебя пытались.

– И что?

– Их сожрали.

– Кто?

– Тебе дать направление к лору? Я же сказал – призраки.

Басс перестал смеяться. Бывает, люди зацикливаются на шутке и повторяют её, пока им не дашь по голове. Марек к таким не относился. Он мог рассказать десять историй вме-

сто одной, но не одну десять раз подряд. Очевидно, он предлагал Бассу «чёрный ящик»: задачку, в решении которой не был уверен и потому не торопился высказывать свою версию. Эта игра сохранилась у них со времён учёбы в медицинском.

– А неоргов тоже жрут?

– Нет. Только глушат. Но в глушилке ничего такого. Она, грубо говоря, трофейная. Когда охрана кладбища наложила в штаны и драпанула, все системы безопасности остались в рабочем состоянии. Но контроль за ними утерян.

– Готов спорить, что твои призраки пытались выйти в Сеть.

– Точно. С этого и началось. Обычно искин в режиме психозеркала никого вызвать не может, все беседы с покойниками иницируются вызовом извне. А тут вдруг попёрло изнутри. Охранники ничего не поняли, самые умные побежали в садик посмотреть. Обратно никто не вернулся. А те, что остались снаружи, драпанули. Я узнал через полчаса, и сразу послал туда своих парней, трёх бойцов и одного скриптуна. Думал, типичная чушь какая-нибудь. Бывало такое: охранники от скуки переберут наркоты, ну и идут развлекаться с покойницкими искинами, типа «на кладбище самые доступные женщины». Но я на всякий случай отправил ещё парня с хорошей оптикой, снаружи наблюдать...

– С ним можно поговорить?

– Нет. Я его отослал подальше. Он, как вернулся, начал

среди остальных такие пенки гнать, что если б ещё день, от меня все бойцы разбежались бы. А видел он только то, что остальных сожрали секунд за сорок. Причём парень утверждал, что прямо из земли вместе с туманом вылезли призраки с вот такими зубами. Они и сожрали.

– А более глазастых наблюдателей у тебя конечно не было...

– Ну знаешь! – Марек гордо вскинул голову. – У меня не лаборанты-первокуры работают! Этот узкоглазый был одним из лучших. Докторская по акупунктуре в университете Старого Киото, почётная степень Белого Шамана в медбиотехе Дальневосточной Республики, и ещё куча всего. Во время заварушки с Китаем-11 он на таких боевых неоргов ходил, каких ты ни в одном дремле не видел. Но после «Эдема» глаза у этого япошки были такие, что и узкоглазым больше не назовёшь! Он заявил, что на кладбище поселился какой-то Обор. По-ихнему, Дух Тумана. Уж не знаю, что это за дух, а только остальные узкоглазые после рассказов про этого Оборо отказались туда соваться. Хотя они у меня тоже не последние массажисты. Потом ещё девочки из спецслужбы мэра туда сунулись. Та же история. Сожрали вмиг.

– Ладно, а что с Сетью?

– Блокировали. Внешний радиолпак включили. Надеюсь, он не успел сбежать.

– Кто, колпак?

– Да нет, искин Саймона! Я так понимаю, что это он. Ка-

ким-то образом переключился обратно на активный режим. Скорее всего, сам церковник и замешал весь этот бешамель. Говорят, в последнее время он увлекался разными опасными лженауками – некромантия, нейротеология, квантовая физика... Может, он решил, что после смерти скрипт его души вернётся в искин. Ну и оставил изюминку. Чтобы его искин вначале прикинулся пельменем, как все, а потом активизировался. Вот шкурка и чудит теперь: взяла под контроль кладбище, после попыталась вылезти в Сеть...

Басс фыркнул.

– Ещё одна детская сказочка. Сбесившийся искин в Сети.

– А что, так не может быть? – Марек задумчиво ковырнул остаток лазаньи. – Да, Вонг мне тоже говорил. Но я так и не понял, если честно. Какие-то там ограничения, связанные с задачами хозяина. Мол, если активный искин без чётких задач попадёт в Сеть, он там просто утонет в информации. Всё равно что страдающего от жажды бросить в океан.

– Скорее уж, бросить морскую свинку в бассейн с акулами. Не успеет утонуть, дикие сожрут раньше.

– Дикие искины? Это как? Тоже сбежавшие?

– Да нет, специально созданные. Но их алгоритмы адаптации основаны на жёсткой конкуренции в Сети. Есть взломщики, есть шпионы... – Басс непроизвольно покосился на улицу. Войдя в этот зальчик, он поддался первому импульсу и сел спиной к хитрому окну-стене, которая была прозрачной только изнутри. Оказалось, это напрягает ещё больше.

То один, то другой турист оказывался прямо позади Басса, словно специально подкрался, чтобы подслушать или просто двинуть по башке.

– Самые безбашенные из диких... – Он развернулся к улице, чтобы видеть туристов, – ...вообще не имеют собственного носителя. Им, чтоб выжить, нужно постоянно захватывать чужие ресурсы. А потом защищаться от других таких же. Или быстро двигаться дальше, нигде не засиживаться, чтоб не засекли. Помнишь, наш проф по ликантропологии рассказывал, чем Дарвин в последние годы жизни увлекался? Тот случай естественного отбора, который у него никак не сходился с религией?

– Нет, что-то не помню. Погоди-ка... – Марек прикрыл глаза, но было видно, что глазные яблоки движутся.

Басс снова фыркнул. Этот пижон уже во время учёбы в медицинском пользовался допамятью. И доигрался, как видно. Отличный материал для юрискинов: «Могущественный Марек Лучано – жертва меморта».

– Ага, вспомнил. Эволюция паразитов. А в Сети, значит... Так вот какая петрушка! Криминальный мир! – мечтательно промурлыкал Марек.

Басс только скривился.

– Хуже, хуже. Там и от легальных тварей спасу нет. Новостной или рекламный бот при случае не только сожрёт конкурента, так ещё и мимикрирует под съеденного. У домашних искинов, вроде одёжников, стимулы совсем другие.

С носителями у них всё в порядке, драться за ресурсы им ни к чему.

– Но постой, домашние ведь тоже ходят в Сеть?

– Ага, и домохозяйки ходят по улицам. По освещённым и знакомым. Но если домашний искин попытается, так сказать, остаться на улице на ночь – долго не протянет. Даже класса «алеф». Кстати, а куда именно подключалась эта кладбищенская шкурка? Сам искин вряд ли в Сеть полез бы. А вот «последнюю волю» мог запустить.

– Это как?

– Ну, есть такая примочка...

Басс зачерпнул остатки спагетти и быстро заслонился рукой: на дне тарелки в разводах кетчупа плясали маленькие голографические бабы с неприятными мигающими глазами. Время от времени бабы превращались в рыб, но глаза у них оставались такие же поганые.

– Э-э-э... о чём я говорил? Сто багов тебе в порт, Маврик! Ещё раз подсунешь мне тарелку с логлем, я тебе её вместо глаза вставлю!

– Ох, извини, дружище! – засуетился Марек, бросая тарелку Басса под соседний стол. – Наверное, Вонг на кухне спутал. Ты же знаешь, у меня для своих отдельная посуда, без рекламы.

Басс не отвечал. Он среагировал на навязчивую картинку достаточно быстро, и она почти не сбила его с мысли. Однако заминкой можно воспользоваться, чтобы обдумать кое-

что. Разговор как раз вошёл в ту стадию, когда заказчик и исполнитель пытаются выяснить, кто из них продешевил.

– Ты говорил о «последней воле», – напомнил Марек.

– Угу. Яйца тебе оторвать и к ушам пришить. Будешь эмбриональные инкубаторы рекламировать, под лозунгом «Всем сёстрам по яйцам».

Марек терпеливо ждал. Басс наконец опустил руку.

– Режим психозеркала не даёт шкурке самой инициировать сеанс связи. Но когда искин на кладбище подключают к Сети, его тестируют. Есть примочка, которая позволяет шкурке во время тестирования послать в Сеть «последнее желание». Одно короткое сообщение. Как правило, код для запуска уже заготовленного скрипта. Особенно популярно у британских неодворян: когда хозяин слишком неожиданно отбрасывает шкурку, «последнее желание» запускает программу мести. Изменяет завещание, травит жену, взрывает лучшего друга, на волю птичку выпускает...

– Ха, ловко! В таком случае, последним желанием Отца Саймона было пожрать! Мы так и не разобрались, что искала в Сети его шкурка – если это вообще она, – но перед самым отключением связи она заказывала жратву.

– Что-нибудь особенное?

– Скорее наоборот. Представь, что ты загрузился в первый попавшийся супермаркет и сказал «пришлите мне всего в достаточных количествах». Такой примерно заказ и был. Связь заглушили как раз в тот момент, когда магазин уточ-

нял, чего эта загадочная тварь всё-таки хочет. При этом заказчик отказался назвать конкретные продукты, отказался дать примеры вкуса, запаха или визуального образа. Но зато согласился отвечать «да-нет», если магазинный бот будет давать ему виртуальные пробы каждого продукта по очереди. Он пробовал даже мыло и салфетки.

– Уже интересно... Это не последнее желание, это новый хозяин. И очень странный хозяин. Искин пытается его накормить.

– То-то я думаю, чего он шесть человек сожрал! – хмыкнул Марек. – А мы с ним, стало быть, коллеги. Может, он там ресторан хочет открыть для покойничков?

Басс задумался. Потёр лицо, непривычно голое без бороды, которую растворили перед операцией.

Втайне он надеялся, что дело ограничилось лишь запуском «последней воли». Активный искин с новым хозяином – это гораздо сложнее. Нужды человека, его желания и табу – отточенное веками уравнение жизни на грани порядка и хаоса, позволяющее мыслить если не гениально, то хотя бы творчески. Никакая экспертная система, никакая самообучающаяся нейросеть, никакой алгоритм генетического программирования никогда не дошли бы до такого уравнения самостоятельно. Да и зачем, если до него уже дошёл человек? Достаточно определить служение человеку главной задачей искина – и умная шкурка получит в своё распоряжение великолепную формулу, которая на протяжении веков помога-

ла выживать самым хрупким и безмозглым предметам, вроде китайского фарфора и польских блондинок.

И всё же случались нетривиальные проги, работающие «бесчеловечно». Взять хоть дикие искины, населяющие тёмные уголки Сети. Басс не занимался ими всерьёз, но знал, что в борьбе за ресурсы эти паразиты умудряются вырабатывать очень непростые алгоритмы выживания.

Персональная шкурка Саймона не могла сама стать диким искином. Но могла запустить непростую прогу в качестве «последней воли». Около года назад Бассу довелось поставить такую примочку по заказу одного лорда из Британии-4. Лорд хотел, чтоб его умный смокинг после похорон хозяина заполнил водой ров вокруг фамильного замка, поднял мосты, включил защитное поле и перевёл всех роботов в состояние глухой обороны от любых посетителей. Работа была оплачена по-королевски, но с тех пор Басс ни разу не был в Британии-4. В конце концов, у всех профессий есть свои суеверия.

Если саймоновский искин после смерти хозяина действовал так же – к примеру, вызвал пару неоргов для охраны могилы – дело несложное. Хуже, если шкурку действительно захватил новый хозяин-взломщик. Люди со свёрнутыми мозгами бывают умны, как Баги... и непредсказуемы, как Баги. Басс знал одного непризнанного гения, угробившего марсианский проект ЕАА из-за чашечки кофе, которую ему принесли только через полчаса после заказа. Дело было как

раз в день запуска, и официант не скрывал, что в такой исторический день его мало интересует плохо подстриженный посетитель со старинным карманным компом. Та самая мелочь, которую потом называют «человеческим фактором». Очень правильный термин, если вдуматься.

Вот и этот сбесившийся Ангел-хранитель – очень уж не хотелось бы... Но с другой стороны, зачем искину мыло и салфетки? А с новым хозяином это вполне объяснимо – парень помешан на чистоте. Стерильная одежда, экологически чистая жратва, постоянно включённый воздушный фильтр в носоглотке... Да, типичный заскок для гениального скрип-туна.

– А на танке туда можно въехать?

– На танке?! Наверняка, кхе-кхе... – Марек даже слегка подавился от неожиданного вопроса, но тут же вновь надел маску ленивого шутника. – А ещё проще сжечь этот «алеф» со спутника микроволновкой. Вроде как молния ударила. Потом восстановить искин по бэкапным копиям и снова подключить. Делов на полчаса.

– Что мешает?

– Выборы мэра в конце недели. Точнее, перевыборы.

– И что?

– И то! У нас тихий город. Экологически чистый. Почти курорт! – Испачканный соусом подбородок Марек вздёрнулся так, словно сам он был если не мэром, то по крайней мере её родственником. – Кроме нескольких дремль-студий

и этого главного саймоновского кладбища, у нас нет ни Бага особенного. Ну разве что рестораны ещё...

– И скромные дантисты.

– Именно. Но тут даже мои пломбы не помогут. Танки и спутники надо согласовывать с военными, с ГОБом. Не миновать огласки! Пресса сразу начнёт ковырять. А у них в ГОБе больше информаторов, чем у самого ГОБа в правительстве. На завтрак они подадут пару скромных яблочек, что-нибудь вроде «ЧП в Эдеме» или «Молчание искинют». К ланчу, наоборот, выварят из мухи слона – «Ядерная бомба упала на кладбище великих гуманистов» и всё такое. Но это ещё мелкий закусон, работа журискинов. А вот потом за дело возьмутся люди. Кулинары высшего класса, которым не за еду платят, а за сервировку. И на обед уже пойдут такие деваляи, только рот разевай: «Мать города мстит даже мёртвым», «Могилы слишком много знали», «Кувшинка пахнет серой»...

– А сейчас никто не знает? – удивился Басс.

– Только спецмэра. Аварийный радиоколпак и новая внешняя охрана – это всё они. Входящие запросы переведены на автоответчик, который говорит «Рай закрыт на проветривание» или что-то в этом духе. Такое иногда бывает – спутник новый подключают, или перед похоронами какого-нибудь особо острого перца обновляют защитный софт. Им осталось два дня продержаться это в тайне, после выборов уже всё равно будет. А пока даже полиция не знает.

– Зато знает один скромный дантист, который сделал половине города новые зубы. Неужто и мэру пломбы с секретом поставил? – усмехнулся Басс.

– Обижаешь! У меня есть источники понадёжней, я же за кладбищами специально слежу. А мэр сама здесь была вчера. Сначала сделала вид, что прилетела в архив...

Марек кивнул в сторону улицы. Бывшее здание мэрии. Вход с розово-жёлтыми колоннами по бокам, широкая лестница сбегает на площадь с дельфином-фонтанчиком в центре. Всё это античное безобразие располагалось прямо через дорогу, напротив бывшего банка, где располагался ресторан Марека. Басс снова поёжился от ощущения, что сидит на виду у всех. Интересно, охрана мэра видела, что тут ресторан, или для них это тоже бетонная стена?

– Я-то сразу просёк, чего эта старая волкошка сюда припёрлась, – продолжал Марек. – В архиве минут десять покрутилась для вида, а потом ко мне. Вроде как мимо проходила, заодно и пообедать можно. Она, видишь ли, была большой подругой моей мамочки, и теперь мне приходится финансировать её избирательную кампанию. Вот она и пришла посоветоваться. Намекнула, что если бы я знал, как уладить это дело с кладбищем, то её люди пропустили бы туда моих людей без проблем. А в случае успеха город отблагодарил бы патриотов. Мне эта благодарность, знаешь – как роботу майонез. Другое дело, заполучить ещё одно кладбище. Особенно саймоновский «алеф». Идеальная возможность.

Басс хотел было съязвить, что при таком раскладе ему выгоднее получить заказ от самой мэрши. Увы, это было не так, и Марек знал это. Пришлось бы иметь дело с командой, где и без того достаточно умников. Им не нужен конкурент, но они с радостью согласятся не мочить его сразу – чтобы замочить после того, как он сделает работу за них. Причём стрелять будут не металлическими иглами, а «ледяной крошкой», от которой никаких следов не остаётся. Полиция найдёт и скажет – ай-яй-яй, больное сердце, сосудик лопнул.

– Надо бы пару-тройку полифемов... – задумчиво проговорил он. – Хотя, если там сильная глушилка, толку от них мало. Биоботов каких-нибудь неплохо бы. Людей ты мне, конечно, не дашь?

Марек развёл руками:

– Только технику. Оружие тоже могу. О, сейчас покажу кое-что...

Он хлопнул в ладоши, и рядом возник низенький азиат с лицом мумифицированной мартышки. Марек кивнул на стол. Кореец ловко, одним жестом подхватил всю грязную посуду и собирался идти, но Марек удержал его и повернулся к Бассу.

– Что пьём?

– Молоко. – Басс взял салфетку и вытер со скальпеля каплю кетчупа. – Если ты ещё не начал подмешивать к нему тот же компонент, что к пиву.

– Баг с тобой, уж своим-то я вообще ничего не подмешиваю.

ваю! – Марек сделал фальшиво-опечаленное лицо. – Вонг, два молока. И мой акел принеси.

Сморщенный азиат кивнул и пошёл к кухне.

– И ещё, Вонг.

Кореец остановился.

– Мой друг Василиск – талантливый нейрохирург... – Марек показал глазами на Басса.

Кореец кивнул.

– ...и он отрежет тебе голову, если ты опять принесёшь ему посуду с этой психотропной рекламой.

Снова спокойный, молчаливый кивок. Либо ему каждый день отрезают голову, либо он никогда не повторяется, заключил Басс.

Исчезнувший на миг Вонг снова стоял рядом. Стаканы с молоком он поставил на стол абсолютно симметрично. Марек тем временем схватил с его подноса крупный золотой крест.

– Угадай загадку, Василь. Есть нация, достигшая совершенства в трёх вещах: оружие, алкоголь, и женщина, внутри которой спрятана другая женщина.

– Если бы такое государство существовало, оно до сих пор сохраняло бы мировое господство. Может, даже захватило бы Марс.

– Точно! Только для мирового господства этим крутонам нужна ещё одна мелочь. Надо уметь смешивать коктейли, чтоб похмелье не замучило. А они не умеют. Потому их и

зовут «rasseyane». Отец как-то объяснял мне, что это слово означает человека, который плохо концентрируется и всё путает. Но водка и матрёшки у них по-прежнему в норме. И вот эти игрушки тоже.

Марек поцеловал верхушку креста и вытянул руку вперёд. В коротких и пухлых пальцах золотая штукавина и вправду смотрелась как игрушка.

– Они называют это «Automat Kalashnikoff Electronyi». Акел, проще говоря. Идеальная штука для ближнего боя. Смотри.

Крест тихонько зажужжал. Носик соусника, стоявшего на столе в конце зала, опал и стёк вниз. Словно был из воска, а не из фарфора.

Басс взял акел, взвесил на ладони: крест оказался неожиданно лёгким. Впрочем, глупо было бы ожидать чистого золота.

– А есть к нему... кобура какая-нибудь? – Басс с трудом припомнил старинное слово.

– Могу полный комплект снаряжения святназовца выдать. Включая пуленепробиваемую ряс-палатку и слезоточивые гранаты РПЦ-5. – Марек взмахнул рукой, приставил кончики вытянутых пальцев к виску и одновременно выпучил глаза в небо, изображая нечто, чего Басс не понял.

– Я просто спрашиваю, как эту штуку носят. Жальник у меня в пальце, никуда не денется. А с этим что делать?

– Вообще-то они её на груди носят... На цепочке.

– Ага, так и знал, – поморщился Басс. – На самом виду, значит. На цепочке, на крючочке, на бабских бусах. Убивал бы таких дизайнеров. Ты бы мне ещё кадило с нейролептиками предложил!

– Ну, у русских-то эти штуки только патрули носят. Им прятать нечего...

Басс продолжал рассматривать оружие. До чего дурацкие формы иногда принимают вещи исключительно из-за традиций! Так и перепутать недолго. Правда, есть ещё эта идиотская новая мода, вторая волна неоархаики. Когда форму специально меняют именно для того, чтобы сбить с толку. Конспиративная неоархаика.

С коралловым ожерельем Марии так и вышло.

Волосы как саргассы во время шторма. Аквамариновые глаза, в которые нельзя смотреть неотрывно дольше минуты...

В молодости Басс скептически относился к понятию «талант». Но встреча с Марией сильно пошатнула его веру в мир, где всё достигается упорным трудом, а случайности поэтому и называются случайностями, чтобы не ждать их повторения.

У неё был самый настоящий талант: к ней так и липли секты. Любые секты – вот что шокировало его больше всего. Вслед за стерильными саентологами Марию с не меньшим удовольствием принимали в своё лоно бешеные экотеррори-

сты. Не вылезающих из Сети кликаббалистов и не вылезающих из кибов технокочевников легко сменяли презирующие технику шейперы из «Знания Силы» или туповатые чисторасы из «Формы Уха». Улыбчивые бахаиты уступали место нервным дот-коммунистам, интеллигентным франц-христианам, волосатым гей-славянам или лысым дзен-буддистам. После них Мария так же спокойно могла стать адепткой культа Киберлы (то есть ходячей антенной, вызывающей наводки в целых кварталах одним движением руки), или превратиться в пламенную сендереллу с персональным Че в сердце (Басс сначала думал, что ей опять всадили имплант, но это была всего лишь иконка из чего-то красного).

Даже уровень конспирации не был для Марии помехой. Когда-то Басс потратил полгода, чтобы внедриться в КРАПТ, очень ловкую банду «чёрных» скриптунов. Но даже и через них он не смог добраться до Флоры, самой скрытной сети биокибернетиков. Его интерес объяснялся просто: расстраивала необходимость покупать инструменты вроде джека-потрошителя по сумасшедшим ценам. В других случаях можно было достать скрипты и сварить всё самому, но окажись в устройстве хоть один живой биочип – пандора бесполезна.

Мария стала членом Флоры безо всяких усилий, через неделю после того, как Басс отобрал её у уличных эмпателок. Ночью он полез в холодильник за молоком – и в первый миг подумал, что перепутал дверь: на полках стояли ванночки с причудливой фиолетовой плесенью. Басс даже не стал при-

кидывать, сколько это может стоить – просто удивился, что ещё жив. Разбуженная Мария со свойственной ей простотой объяснила, что «цветочки» она должна передать «старушке». Нет, она не знает, где их выращивают, она лишь три дня знакома с этой «старушкой», но скоро ей позволят работать «в парнике», ты ведь не обижаешься, что я переставила твоё молоко под стол, а то бы они завяли, хотя, если ты настаиваешь, да, конечно, завтра же, и никогда больше...

Так было абсолютно со всеми. Везде её встречали одинаково хорошо, и везде она начинала с огромной скоростью подниматься. Если ей удавалось задержаться в секте дольше месяца – она неизбежно оказывалась районной жрицей, квартальным буддой, главой городской ячейки, младшим тоном, группадмином класса «С», геймером второй ступени, эльфийкой кленового круга или ещё какой-нибудь местной шишкой.

Сначала Басс отказывался верить в её уникальный дар. Но после истории с Флорой воспринял талант Марии как персональный вызов. За годы той пытки, которая называлась мединститутом, ему пришлось выслушать сотни лекций по нарратерапии, меметике, суггестивной имагологии, берновскому анализу, нейровудуистическому менеджменту и прочим наукам о промывке мозгов. После знакомства с Марией Басс впервые вспомнил о преподавателях этих наук с благодарностью. Ведь их долгие лекции помогли ему не поддаться на соблазны шарлатанства и быстро найти два самых верных

способа борьбы с сектофилией – битьё и холодная вода.

Второй способ был лучше, однако Басс применял его лишь в исключительных случаях, так как имелся побочный эффект. Неожиданное обливание ледяной водой превращало Марию не только в человека нормального, но и в человека дрожащего. Басс не был сентиментальным, но громкое и долгое щёлканье зубами его раздражало: сразу вспоминалась мать с её дурацкими сказками про серого волкота. Зато согревание дрожащей Марии нередко кончалось прямым и бурным сексом. Глядя на её довольное лицо после такой «игры в доктора», Басс всякий раз чувствовал, что его опять обыграли. Нет, битьё было куда лучше в плане психического здоровья самого лечащего.

В любом случае, с Детьми Коралла он сплеховал.

Первый прокол случился ещё на стадии диагностики. Обычно Басс засекал новую секту не позже, чем на седьмой день. Почти все оставляли грубые следы: новые амулеты, которые Мария разбрасывала по квартире, новые средства связи, которые заставляли её прерывать разговор и прислушиваться к голосам в голове, или новые слова и напевы, которые начинали хлестать из неё как раз тогда, когда ей стоило бы помолчать и прислушаться к голосам в голове. Самые радикальные культы давали о себе знать разительными соматическими изменениями: похудание означало Шри Рам Чандру, синяки на щеках – «Ответный удар Иисуса». Несколько раз Басс ловил и более хитрые штуки, вроде меченых вирусов

или подозрительно быстро растущих теплотатуировок. Но и в таких сложных случаях интуиция его не подводила... до Детей Коралла.

Бусы он пропустил самым тривиальным образом. Целый месяц Мария щеголяла в коралловом ожерелье, которое он принимал за одну из тех дешёвых бирюлек, что периодически царапали его ступни в гигиенной. Возможно, у него просто выработалась привычка не замечать их, чтобы не выбрасывать. Заколки-погодницы из Австралии, индейские музыкальные серьги, кулоны с феромонами, брошки с ножками – она покупала что-нибудь новое еженедельно, чтобы через день-два потерять где-нибудь в квартире. Но стоило ему выбросить какую-нибудь бирюльку, Мария тут же начинала искать именно её. Басс научился игнорировать этот мусор, чтобы не осложнять жизнь. А ожерелье она вообще не теряла, потому что не снимала. Целый месяц.

Он почуял неладное, лишь когда к бусам добавился такой же розовый браслет, подозрительно напоминающий чётки. К тому времени Мария успела стать «атоллом».

Второй ошибкой было предположение о банальной структуре секты. Может, это и была пирамида. Но такая, в которой снять один камешек сверху означало обрушить остальные тебе на голову. После того как Басс отобрал у Марии коралловую бижутерию, а саму Марию запер дома, братья-полипы не отставали от него ни на шаг. Раньше игломёт помогал успокаивать особо буйных сектантов, вроде членов «Зна-

ния Силы» – но тут было иначе. Их было не то чтобы много, но они были везде. Где бы ни оказался Басс, везде он натыкался на взгляд человека в коралловых бусах. И они ничего не делали, просто следовали за ним. И смотрели.

Работать стало невозможно. Еда, даже «надувная», закончилась. Лечебно побитая Мария сидела взаперти и никакой пользы не приносила. Хозяин квартиры грозил отключить воду и лишить Басса лучшего средства против сектантства. Оставалось сдаться, хотя бы на время.

Он отпустил её к братьям-полипам за три батарейки. На один день – так ему казалось. Очередное дело по наводке Марека обещало вернуть средства к существованию, вытащить Марию из кораллового плена, переехать в другой город. Полоротый дремастер, шкурка класса «тэт», делов на полчаса. Басс так замотался, подготавливая эту операцию, что даже не проверил, какой фирмы подарок ему подсунули коралловые братья. Ладно хоть сами батарейки не взорвались, а только эта пижонская шкурка...

– Э-э! – предостерегающе крикнул Марек. – Ты думай, о чём думаешь, прежде чем думать! Он же реагирует как на команду!

Басс очнулся. На месте соусника, которому Марек только расплавил носик, теперь дымилось самое настоящее мокрое место. Инстинкт снова заставил мышцы напрячься, а глаза – стрельнуть в сторону улицы.

В двух шагах торчала парочка. Девушка глянула прямо на Басса и скривила губы. Он опять невольно представил, что было бы видно с улицы, если бы не ноблик. Открытое кафе, за столиком у самого тротуара – двое совсем не похожих мужчин. Слева веснушчатый толстяк в кремовом костюме, маленькие ленивые глазки. Зато уши, хотя тоже малы и легко скрываются среди жидких рыжих кудряшек, имеют свойство неожиданно привлекать внимание во время широченных итальянских улыбок, когда у собеседников возникает ощущение, что этот рот вот-вот расстегнётся вокруг головы до самого затылка – именно в такие моменты собеседники толстяка с облегчением замечают, что края его губ всё-таки ограничены как бы парой замочков со скруглёнными язычками. Напротив этого рта-ширинки расположился рослый тип в чёрном, весь какой-то сухой и нескладный, как набор клюшек для гольфа в мешке для мусора. Да ещё и с лицом свежеумытого подростка, разве что бледность в этом лице недетская. Но без бороды всё-таки дурацкое чувство. Именно из-за этого невзрослеющего лица он и перестал бриться...

Парочка потопталась и отошла. «Они меня не видят. Не видят», – мысленно повторил Басс и повернулся к Мареку.

– Говорю же, неудобная штука. Случайно не то подумал, и тью-тью. – Он небрежно бросил акел на стол, и к последним словам, точно эхо, добавилось «бум-бум». – Скрипт небось драный?

– Что ты, какой скрипт! Пару образцов хорошие люди до-

стали, чистый обмен. А чтоб скрипты ломать, мы и не думали...

Басс покачал головой, изображая понимание. Марек врал, как обычно.

– Один Баг, неудобная вещь. Прицепить не на что, – повторил Басс. – Прямо хоть беги к полипам и выпрашивай у них бусы.

– Коралловые? Хе-хе! Слышал я, что это за бусы. Без ножа лоботомия. Это и не коралл вовсе, а вроде антенны...

– Ты мне будешь рассказывать.

– Есть скрипт? – Марек оживился.

– Меняю, – кивнул Басс.

– На скрипт акела? Ну не-ет...

– Скрипт акела и твою лабораторную пандору на пару часов.

– Ни за что. – Марек с громким стуком опустил стакан, молоко подскочило длинным щупальцем. Конец щупальца вылетел за край и разбился белой ромашкой на красной клетке скатерти. – Хватит с меня прошлого твоего эксперимента. Атмосферная комиссия и так задышала на весь город, когда засекала перегрев. Я еле отмазался. Пришлось срочно несколькими парням зубы выбить, чтобы оправдаться чрезвычайной популярностью зубных протезов в этом сезоне.

– Как хочешь. Тогда кладбища не будет. Ты обещал инструмент. Если инструмента нет – я умываю ноги, как говорят эти самые христиане.

Большим глотком Басс допил своё молоко и стал медленно опускать стакан на блюдце, придерживая одну руку другой. Марек, знакомый с этой медитацией ещё по институту, наблюдал со скептической миной: самому ему никогда не удавалось поставить стакан без стука. Рука Басса подрагивала, но он не спешил. Круглый край доньшка беззвучно коснулся блюдца той точкой, которая была ближе всего к Бассу. Потом так же беззвучно опустилось всё доньшко. Басс отнял руку.

– Ладно, – сказал Марек. – Но остужай как можно медленнее.

– И ещё одно...

– Ещё?!

– Убери оттуда к Багу все зубы. Они там у тебя везде раскиданы, прямо целыми челюстями, я видел. Очень мешает работать. Подмети там, что ли, я не знаю...

– Попробую, но не обещаю. Ты же в курсе, все пандоры такой мощности под контролем. Приходится время от времени варить всякую легальную ерунду, чтобы оправдывать остальное. У меня там скриптец зашит, он автоматически врубается раз в несколько дней. Как раз перед твоим приходом он новую партию протезов сварил. Зато, когда ГОБлины после тебя нагрянули, всё было *a la carte* – вот новые зубки, ещё тёпленькие, а вот клиенты, уже без зубов... в смысле, ещё без зубов. Конечно, пришлось и кое-кому наверху поставить палладиевые коронки, чтоб замять полностью. Они теперь

знаешь какие привередливые стали! «А почему вы, господин Лучано, не внедряете более современные технологии, не выращиваете клиентам настоящие костяные зубки из их собственного генетического материала, как в Британии-3?» Я, естественно, отшучиваюсь. Мол, «боремся за качество, ваше превосходительство! Разве органика сравнится с палладием? Да и как блеснит, вы только гляньте! Все дамы ваши!» А сам думаю – ну добре, понял я ваши намёки на плохой гарнир. Стало быть, какие-то новые расстегаи пытаются оттереть меня от тёплой печки...

Марек с притворной грустью оглядел ресторан, а после – улицу, как бы пытаюсь определить, насколько сузилась граница его влияния. Затем скептически оглядел и своего собеседника:

– Кстати, Василь, а как ты сам умудряешься разгуливать по городу с рукой хирурга? Тебя же лишили лицензии, когда это новое поколение медботов появилось. А потом, я слышал, тебя вообще дисквалифицировали и Ангела твоего стёрли после того, как ты кого-то без лицензии порезал...

Басс поднял большой палец и поцеловал его точно так же, как Марек недавно поцеловал акел. По розовой подушечке пальца пробежала едва заметная рябь.

– Зато я очень похож на одного известного дантиста. По некоторым параметрам – прямо брат-близнец. Помнишь, на ком мы тестировали этого папиллярного «хамелеона»? Да и «динку», кстати, тоже. – Басс развернул палец, демонстри-

руя аккуратный ноготь с вертикальной белой полосой посередине. – А знаешь, почему они отменили ДНК-тест по волосам и перешли на ногти? Говорят, слишком многие стали делать себе полную депиляцию, особенно после истории с японским премьером. А потом ещё эта мода на металлизированные волосы...

Рука Басса невольно потянулась к собственной голой голове, и он поморщился. Однако эту гримасу можно было даже назвать улыбкой по сравнению с тем, что творилось на лице Марека. Не обращая на него внимания, Басс продолжал:

– Между прочим, у меня с волосами тоже было всё в порядке, пока твои боты-коновалы не сбрили все мои фильтры. Теперь одна надежда: если какой-нибудь телемент прочтёт в моей голове что-то нелояльное, вся ответственность ляжет на того самого дантиста, который оставляет где попало свои пальчики, глазки, ноготки и прочие иды.

Марек еле-еле вернул на место отвисшую челюсть.

– Ты с...спёр мои биометрики?!

– Шучу, шучу. – Басс опустил руку. – Я имел в виду другого дантиста. Мёртвого. Мне ведь и глаза были нужны, а их просто так не подделаешь. Кстати, ты ни разу не говорил, зачем живому дантисту кладбища.

– Ты раньше не спрашивал.

– А ты раньше не заказывал кладбищ, захваченных призраками. Я ведь должен знать, насколько я могу их испортить, чтобы они тебе всё ещё подходили.

– Лучше вообще не портить. Просто подключиться незаметно, как раньше.

– Подключиться можно по-разному. Посадить лишнего жучка тоже можно. Конечно, если бы ты сам рассказал, я бы не стал время терять. А жучки такие гадкие бывают...

– Типа?

– Ну, знал я одного скриптуна, которому заказали дом сварить, а потом решили не платить. Иди, говорят, жалуйся – тебя самого и заберут за незашаренные скрипты. Он и ушёл, а по пути на стену плюнул. Слюна сработала как код, через полчаса дом превратился в заливное с мебелью.

– Тоже мне, удивил! Я такие байки ещё от папы слышал. Вот было времечко! – Марек мечтательно закатил глаза. – Турецкая строительная мафия, бетон с секретными добавками... А потом в заданное время где-нибудь в Москве или в Париже начинают небоскрёбы падать. Но это ж когда было! Когда все считали недвижимость самым надёжным вложением. С тех пор дураков нет.

– Угу. Теперь всем нужны искины. А у них есть режим самоуничтожения.

– Ладно, ладно, уговорил. Сейчас покажу, для чего они мне. Только не дёргайся. Сам захотел.

Марек хлопнул в ладоши. Вонг вырос у него за спиной.

– Принеси печенье... для моего друга.

Казалось, Вонг даже не исчезал – лишь его руки, взявшие со стола стаканы, мгновенно сменились другой парой рук,

державших перед Бассом корзинку с «кукишами».

Да, китайское печенье в ресторане Марека вполне соответствовало тому народному названию, которое Басс помнил с детства. Как сказала бы его мать, оно было похоже на маленькие засушенные круассаны. Но у уличных ребят другая система ассоциаций.

Басс запустил руку в глубь корзины, порывлся для вида – он был уверен, что это подвох. Невинные улыбки Марека и Вонга не оставляли сомнений.

Из разломанного «кукиша» выпала скрученная полоска эльбума. Очевидно, надпись появилась только тогда, когда печенина была уже в руках, так что можно было брать любую. Басс развернул полоску. Прочитал, помрачнел и бросил предсказание на стол.

Марек с неожиданным для такого толстяка проворством метнулся вперёд и схватил полоску короткими сосисками пальцев. Невинная улыбка расплылась в злорадную ухмылку.

– О-хо-хо...

Вонг за его плечом хмыкнул тоже.

Басс снова выпустил скальпель и стал тихонько постукивать по столу. Каждый удар попадал точно в одну из крошек от «кукиша». Тык. Тык. Тык-тык-тык. Всё быстрее.

Марек перестал смеяться и с тем же проворством схватил Вонга за рубашку под подбородком.

– А ты чего ржёшь? Какого Бага здесь написано про ба-

тарейки, идиот? Здесь должно быть простое предсказание! Общего типа! «Вас ожидает выгодная сделка» – и всё!

Кореец энергично закивал.

– Что ты трясёшь башкой, обезьяна? – Марек заводился, повышал голос. – Ты понимаешь, что тут написано?! Только безмозглая компфетка сочтёт это за предсказание! Любой другой человек, ещё не сменявший свои мозги на пригоршню фумочипов, умеет читать между строк. И здесь он читает: «Марек Лучано так много знает про мои палёные батарейки – уж не подслушивает ли он меня через мои новые зубы?!»

Кореец перестал кивать и стал мотать головой, как бы отрицая такую возможность. Бассу вдруг пришло в голову, что если мать Марека происходила из Италии, а отец из Польши, то будущий мафиозный дантист получился кем-то средним, вроде болгарина. А в Болгарии все эти кивки головой понимают совсем наоборот.

– Сколько раз я тебе говорил использовать более сильные семафо... тьфу, Баг, как их там... – Марек запнулся, однако продолжал выражать негодование сопением, как закипевший чайник, который не смог сбросить крышку и вынужден выпускать пар через носик.

– Семантические фильтры? – подсказал мрачный Басс, уже понявший, что к чему.

– Вот именно! – Марек оттолкнул корейца, но через мгновение тот снова стоял перед хозяином, скорбно склонив голову. – Фильтровать надо, идиот! Чтоб к завтрашнему утру

Оракул выдавал все наводки в терминах «неожиданных любовных приключений» и «счастливых поворотов судьбы». Или в крайнем случае, «таинственных недругов». Всё, катись отсюда к Багу!

После исчезновения Вонга они посидели молча, но недолго. От ругани Марек словно бы проснулся, вошёл в рабочий режим. Ленивое выражение лица пропало полностью. Минуту он о чем-то размышлял. Потом вскочил, бросил Бассу «сейчас вернусь» и пошёл в глубь зала, на ходу теребя нэцкэ. Когда невидимый собеседник ответил, Марек был уже у лифта. Оттуда донеслось «добрель», «пятнадцать» и «отменить». Остального было не разобрать, но по тону было ясно, что это приказы, которые не обсуждаются.

За спиной опять кто-то стоял. Басс развернулся. Очередной турист, молодящийся старикашка в жёлтой панаме и коричневых шортах, пялился прямо на него.

Нет, всё-таки это не стена. Если бы ноблик, скрывающий ресторан, выглядел как стена – с какой стати туристы стали бы перед ней тормозить? Басс попытался вспомнить, как выглядит это здание снаружи. Напротив мэрия, справа отель. Слева, кажется, лептеатр. Здание бывшего банка между ними, и если идти от лепта... Там, кажется, была пара магазинов на первом этаже...

Да, точно. Высокие витрины с этими дурацкими старинными манекенами, которые время от времени чуть-чуть шевелятся, чтобы зацеплять периферийное зрение. То-то все

пляются.

Старикашка отошёл. Больше никого поблизости не было, и Басс почувствовал себя уютнее. Он посмотрел вдоль улицы. За мэрией с её игрушечной площадью и фонтаном Параллель снова сужалась – две сплошные стены домов, два ряда витрин. Зеркала напротив зеркал. Перед третьим от мэрии зданием стоял старый бензиновый автомобиль. Рядом стоял старикашка в жёлтой панаме, пялился. Потом протянул руку, потрогал блестящую чёрную поверхность. Ну ясно, машина настоящая – все трогают, голографическим обликом тут не отделаешься.

Зато витрины... Например, та, что сразу за автомобилем. Россыпи золотых украшений на чёрном бархате, и как будто даже просматривается уходящая вглубь стойка, на которой тоже блестят россыпи. Наверняка облик, а за ним небось тоже ресторан. Или дремль-студия. Хотя реальные фасады всё равно не отличишь от обликов, если смотреть с улицы. Вот и удаляющийся старикашка уже расплывается на фоне трапезиевидного обрыва неба – может, он тоже?..

За это Басс и не любил реконструированный даунтаун. Скриптаун, как его в шутку окрестили местные, – и не без причины. Раньше этот район вызывал интересные ассоциации, вроде того детского рисунка с маленьким домиком. Нынешние подмены не вызывали ничего, кроме одной и той же параноидальной цепочки мыслей – а это старое или только что выращенное? А это вообще реальное или облик? А вон

та витрина? А эти чистенькие туристы?

Можно, конечно, потестировать сонар. Басс закрыл глаза, дал команду...

– Спишь?

Пришлось отменить. Марек снова сидел напротив.

– В общем, ты понял, насчёт Оракула? Мне просто жалко, когда ценные вещи пропадают. На каждом из кладбищ Саймона гниют сотни искинов. Они, считай, практически всегда отключены. Режим психозеркала использует не более пяти процентов вычислительной мощности. Да и обращаются к ним нечасто. Иной фрукт раз в месяц звякнет поплакаться своей мёртвой мамочке, да раз в год заедет сам на могилу, поболтать с обликом на месте. Всего на пару часов в год искин включается. Остальное время – спячка. Очень нерационально. Будь я таким заживо погребённым искином, сам бы сдался хакерам.

– Ну да, чтобы такие как ты использовали их электронные мозги для шпионажа.

– А что плохого? Когда люди приходят в один из моих ресторанов, их встречает любимое блюдо. Когда они приходят в один из моих добрелей, фея даёт им действительно добрый совет, а не дешёвую отмазку типа «всё будет хорошо». Я помогаю людям удовлетворить их желания. Но для этого мне неплохо бы знать эти желания. И не в собственном изложении клиента: мало кто может вразумительно сформулировать, чего он от жизни хочет. Другое дело, если ты зна-

ешь, как этот человек раньше реализовывал свои желания на практике, чем он их отоваривал – вчера, позавчера, весь год. Без таких данных в моём деле нельзя. Иначе и клиенту напакостишь, и сам без десерта останешься. А когда у тебя на него собрана хотя бы простенькая база данных, можно по крайней мере от грубых ошибок застраховаться. Моделируешь ситуацию на мощном искине – и знаешь поведение клиента на два шага вперёд его самого.

– Угу... – Басс пригвоздил скальпелем завиток с предсказанием. Полоска эльбума потемнела, треснула и рассыпалась, как старинная ёлочная игрушка.

– Моё поведение, стало быть, тоже смоделировано твоим Оракулом? И о том, что я влипну с батарейками, ты тоже знал?

– Да ты что, Василь?! За кого ты меня принимаешь? Конечно, нет! Предполагал, это верно. Но только как один из вариантов. Именно поэтому скат моей «скорой помощи» дежурил неподалёку. И вытащил тебя из-под самого носа патруля. Не забывай, я тебя вытащил!

– Не забуду. – Басс убрал скальпель. – Но это будет моё последнее кладбище. Потом я буду потрошить зубные клиники и рестораны.

– Всегда пожалуйста! – Марек приторно улыбнулся и развёл руками, как будто приглашая в свои объятия всю улицу. – Если тебя не съедят призраки, обещаю устроить роскошный обед. Либо могу вылечить все твои зубы. А при са-

мом лучшем раскладе – и то и другое в любой последовательности... Между прочим, вот тебе простой пример, насколько мой Оракул полезен. Ты ведь перед тем, как пойти на дело, любишь взбодриться, так?

Басс неопределённо пожал плечами.

– Есть новый гибрид «золотого хабанеро» из Чили-2, – заговорщицким шёпотом продолжал Марек. – Пальчики оближешь, какой улёт! Говорят, если много съесть, бывают даже галлюцинации с выносом точки зрения за пределы тела, как от *Bannisteria Saari*. Но это скорее всего рекламная поэзия – ты ведь знаешь, капсаицин не так действует. Правда, в этих геномодных перцах сам Баг коды сломит. Может, там ещё чего добавлено.

– Я и не знал, что твоё пищевое помешательство зашло так далеко.

– Ага, типичная реакция! Непонимание, оскорбление! – Марек трагически всплеснул руками. – А бывает и похуже! Был у меня клиент, он в отличие от тебя к еде относился с большим уважением. Сразу согласился попробовать «золотой хабанеро». Полстручка откусил, прожевал – и тут же грохнулся. Розовый такой здоровяк, а оказалось – язва желудка.

Басс фыркнул.

– Не веришь? И я не мог поверить! Оказывается, он только с виду был здоровенький. А по жизни – геронт стопятнадцатилетний! Практически все органы новые подшиты,

только мозг и желудок те ещё! Вот что бывает, когда не знаешь клиента. Сто человек твоему товару порадуются, а сто первый зубы отбросит.

На улицу перед рестораном выплыла большая группа молодых розовощёких туристов обоего пола. Басс подумал, что среди них наверняка скрывается парочка геронтов с мозгами и желудками из прошлого века. Один парнишка поглядел в сторону Басса с каким-то недетским вниманием. Отвернувшись, пошёл дальше.

Басс перевёл взгляд обратно на Марека:

– Так ты мне рекомендуешь нажраться перца?

– Честно говоря, нет. Отвратительный вкус, и на сердце влияет плохо. Это просто мой старый тест. Надо же было как-то проверять клиентов, которые просят «взбодриться». Ну, я и предлагал им что-нибудь неожиданное, типа «золотого хабанеро». А сам включал эмпатрон и следил, не вешают ли мне спагетти на уши. Метод неплохой, но время от времени всё равно попадался какой-нибудь кекс с изюминой, вроде того скрытого язвенника. После него я и стал думать, как бы ещё подстраховаться. Начал, не к обеду будь сказано, с самого настоящего говна. Помнишь наши лабораторные работы на той штуке, которую все звали говнализатором?

– «Театр начинается с вешалки, а клиника – с сортира», – процитировал Басс. Что ни говори, а в институтской жизни бывали весёлые моменты.

– Точно! – Марек опять расплылся в такой улыбке, что

бедные замочки-уши с трудом остановили рот. – А ведь всё пригодилось! Ты не представляешь, насколько может быть полезен самый дешёвый, списанный фекан, если его поставить в гигиенной ресторана. Клиент вышел по нужде – и через пять минут его история болезни у меня в базе! Дальше, понятное дело, мы стали печь крендели покучерявее...

– Ага, вставные челюсти с микрофонами. Неужто у тебя все клиенты такие идиоты?

– Обижаешь! Зубы, конечно, моя слабость. И довольно удобный носитель для самой разной аппаратуры. Не использовать их – просто глупо. Но тут я сразу понял, что имел в виду наш преп по анатомии, когда говорил: «Не зацикливайтесь на собственной специализации, парни!» Сто раз прав был сей мудрый геронт! Зачем наваливаться на зубы, если есть техника и потоньше. Не мне тебя учить...

Марек поводил ладонью над головой, потом поместил ладонь перед глазами, словно считывая какие-то показания. Вряд ли у него в руке был томограф, как у Басса. Но намёк был вполне прозрачный.

– В общем, получать хорошие наводки – не проблема. Но сортировать всё это, анализировать, моделировать клиента с опережением... Редкостный геморрой, если вручную. Теперь-то, с кладбищенскими искинами, совсем другая сервировка. Просто запрашиваешь диагностику клиента и узнаешь, что...

Марек прикрыл один глаз, на миг замер.

– ...что он не только к пищевым радостям равнодушен. Он вообще не уважает старую добрую органическую химию, жлоб! Хотя с точки зрения эффекта его устроил бы обычный стимулятор лобных долей, вроде кокаина. Но тут клиент прав: короткие неравномерные вспышки, от них одно расстройство потом. Если, конечно, не будешь постоянно догоняться, а с твоей психикой это гарантирует тяжёлый депресняк на месте. Так, смотрим дальше... Э-э, да наш клиент ещё больший привереда, чем я ожидал! Куча генетических противопоказаний... Понимаю теперь, почему он избегает классического меню. Зато «фонограф» ему подошёл бы идеально. Интересно, почему ты не любишь звуковые стимуляторы? Я слышал, некоторые консерваторские презрительно называют это «музыкой битой посуды». Но ты-то! Тоже комплекс музыкальной школы?

– Щас я тебе такой комплекс всажу, неделю будет в ушах звенеть, – предостерёг Басс.

– Ладно, как скажешь. Нервотропки тебе тоже не нравятся: у них нет плавной регулировки. Зато ты не прочь закинуться парой «креветок». Они, кстати, опаснее «фонографа» в плане последствий. Но тебе это по Багу. Лишь бы во время работы реакция не подвела и ты не рассёк клиенту мозжечок вместо мозолистого тела. Так?

– Допустим.

Жестом фокусника Марек выхватил из внутреннего кармана пиджака лиловый носовой платок, проделал пару ду-

рацких пассивов в воздухе, присвистывая в такт, и положил платок в центр столика.

– «Плазма»?

– Не совсем. Сам увидишь.

– И это ты называешь осведомлённостью? – Брезгливым жестом Басс отогнул край платка и заглянул внутрь. – Сколько раз тебе говорить, что...

– Знаю-знаю: ты не любишь новшеств. Но тут уж я беру на себя смелость внести щепотку разнообразия в твою жизнь. Эти штучки из того же питомника, что и «плазма». Но мягче. Только вчера привезли. Называется «китайская чума». Ты ещё спасибо скажешь, что я тебя держу в курсе таких новинок... О, гляди, юное дарование пришло самовыражаться!

Басс обернулся. Группа розовощёких туристов удалялась по Параллели в сторону трапециевидного обрывка неба. Но любопытный парнишка отстал. Он выждал, пока остальные столпятся у автомобиля, выхватил из кармана нечто и направил прямо на Басса. Тот чуть не прыгнул под стол, когда увидел, как из штуковины вылетает тонкая лента синей жидкости. Не долетев до головы Басса примерно полметра, струя наткнулась на нечто невидимое, и это как будто изменило ход времени на обратный. В следующий миг паренёк был покрыт собственной ядовито-синей краской. Больше всего досталось руке, в которой он держал баллончик, и левому глазу, которым он целился.

Однако граффитист не извлёк уроков из этого примера работы защитного поля. Он выругался, отскочил назад и бросил в сторону облика весь баллончик. На этот раз Басс лишь моргнул. Баллончик, отражённый полем в строго противоположном направлении, просвистел у самого уха подростка. Неудачливый художник снова выругался и побежал догонять свою группу.

Ещё минуту два человека, сидящие в ресторане по другую сторону облика, молча смотрели, как коричневая плитка тротуара поедает синюю кляксу и восстанавливает чистоту. Думали они об одном и том же: лет пятнадцать назад, когда в Старом Городе появились первые активные тротуары, голографические облики и силовые экраны, они оба были такими же подростками. Но у них была возможность наблюдать, как это всё возникает, и сразу разобраться, как оно работает. А потому подшучивание над приезжими лопухами было одним из самых весёлых развлечений их юности. А уж какие трюки они устраивали среди своих!..

– Мама говорила, что из меня получился бы неплохой педиатр, – вздохнул Марек.

«Если пацан хотел что-то нарисовать, значит, мы всё-таки стена, а не витрина», – подумал Басс.

– Слюноотсос включи, – буркнул он, обращаясь скорее к себе, чем к Мареку.

Потом взял со стола лиловый платок Марека и убрал в карман. В глазах с новой силой зарябило от скатертей в крас-

но-белую клетку.

ЛОГ 6 (ВЭРИ)

Тот, кто разбивал сад, наверняка принадлежал к шудрам. А если он к тому же был пациентом доктора Шриниваса, то пациентом успешным. Иначе сложно было бы объяснить, как ему удалось создать такое удивительное сочетание строгого французского парка и совершенно диких джунглей. Известный дизайнер-мультиперсонал смешал в одном рисунке шахматную доску и клубок змей. Причём так, что с одних тропинок это выглядело как правильная прямоугольная решётка, выложенная змеями, а с других – как сплетение хищных рептилий с клетчатым рисунком на коже.

На протяжении сотни метров дорожка, выбранная девушкой в жёлтом сари, много раз проводила её через такие переключения. Прямые отрезки сменялись непредсказуемыми петлями и многолучевыми развилкам, и уже через пару минут ходьбы трудно было указать направление на клинику. Там, где дорожка делала очередной поворот, как бы отскакивая от высокой стены колючих лиан, девушка остановилась.

Услышанное – а вернее, неслышанное – вполне удовлетворило её: трион Субхоранджан, неуклюже кравшийся позади, ошибся и пошёл в не ту сторону на предыдущей развилке сада-лабиринта. Убедившись, что её больше не преследуют, девушка склонила голову набок и снова посмотре-

ла на живую стену, преграждавшую путь.

С такой точки зрения стена уже не казалась сплошной. Среди густых зарослей был виден участок примерно в два метра, где объёмность исчезла, оставив в воздухе плоский рисунок. Дальше снова тянулись настоящие, крепкие и шипастые змеи лиан, сплетённые в трёхметровый забор.

Продолжая держать голову боком, девушка подошла и потрогала странный участок живой стены. Пальцы упёрлись в скользкую упругую пустоту.

Браслеты-змейки соскользнули с запястий. Она подышала на первый, потом на второй и положила их по краям неправильного участка. Когда она опустила на землю второе кольцо, первое завертелось. Второе стало вращаться в другую сторону.

Теперь рука свободно проваливалась туда, где раньше встречала невидимое препятствие. Но оставался ещё облик – хоть и не объёмный, но и не прозрачный.

Девушка сняла с шеи зеркальце на цепочке, дыхнула в него и положила перед стеной. Из центра зеркальца вылетела вверх тонкая игла со сверкающим шариком на конце. Потом ещё одна игла, и ещё – и вот уже перед фантомной стеной колышется одуванчик из тысяч зеркальных спиц, разбрасывая во все стороны ослепительные «зайчики».

Когда одуванчик лопнул, открывшийся вид заставил девушку отступить. Вокруг по-прежнему благоухал сад, слева и справа тянулась стена шипастых лиан. Но впереди, где

только что распаковался оптический фильтр, в фантомных лианах была вырезана полукруглая ниша. В нише виднелись развалины здания над водной поверхностью ядовитого цвета. Кусок стены, ребристый и выпуклый, точно осколок огромной ракушки, начинался как раз у дыры в облице.

Девушка шагнула в нишу и замерла: сразу за силовым щитом в лицо ударила аммиачная вонь. Два вдоха-выдоха – и снова вперёд, по стене-мосту над водой – туда, где развалины упираются в берег, обрисованный полосой серебристого инея. У края стены два шага назад. И прыжок.

Одна нога всё-таки выскользнула из сандалии в воду. Кожу сразу же стало жечь. Девушка выскочила на берег, плюнула на край сари и обтёрла ногу. Лёгкая щекотка – бактерицидные нанозиты, активированные слюной, разбежались по коже и начали чистку. Не дожидаясь, пока пройдёт боль, девушка поднялась по берегу вверх и оглянулась.

Никакого сада. Лишь небольшое озеро, в центре – остатки затопленного завода. Иней окаймляет воду широким белым кольцом с зеленоватым отливом, и с высокого берега озеро напоминает мёртвый глаз, уставившийся в небо. Маскировочный облик не только меняет вид, но и искажает перспективу: воронка с развалинами кажется значительно меньше сада. Впрочем, едва ли кому-нибудь придёт в голову отправиться на заброшенный континент для того, чтобы обойти вокруг какого-то озера ядовитых отходов – и удивиться, что путешествие занимает так много времени.

Оставалось проделать ещё один трюк, самый неприятный. От одной только мысли об открытии Третьего Глаза её передёрнуло, хотя она уже делала это... Кажется, делала... Или нет? Не вспомнить. Единственное, что вновь и вновь говорила память: как раз для того, чтобы снять искусственный меморт, нужен искин.

Девушка вынула из волос гребень, провела кончиком языка по одному из перламутровых зубьев и снова воткнула гребень в волосы на затылке.

Она не могла видеть, как морфится Третий Глаз. Когда он шевельнулся, по спине пробежали мурашки.

С волосами проще. Даже немного приятно – нежное покалывание по всему скальпу. Самая тонкая и самая обширная акупунктура, которую только можно представить. Ещё раз передёрнуло, но уже по инерции: просто от мысли, что на затылке сидит эдакий спрут с миллионом щупалец, роль которых играют твои собственные волосы.

Слева и справа из причёски вылезли две пряди. Их кончики проползли за ушами девушки и юркнули внутрь ракушек-каури. Девушка закрыла глаза, и серьги запели.

Под мелодичный перезвон память разворачивалась, как оригами, открывая рисунок на внутренней стороне.

Марта.

Артель.

Пора сдать экзамен, шпилька.

Ты сможешь.

Я смогла.

Сразу стало грустно. Ещё миг назад всё было так просто, пока ничего не вспоминалось. А теперь – вот она, память, чередой невидимых, но очень прочных стен. Значит, это был экзамен.

И тут же словно бриз в ушах: вызов, срочный вызов. Ответить.

– Как ты там, шпилька?

С непривычки она опять вздрогнула. В голове – чужой голос. Нет, не чужой.

– Я в порядке, Марта.

Вэри потрогала лоб. Холодный камешек между бровей, напоминание верной формулы самонастройки. Нет, это всё-таки хорошо: помнить. Вот, скажем, серебристый иней – он и не иней вовсе, а бэтчер-баньян. Индукционный паразит, названный так из-за метода асинхронной связи, которой пользуются эти кристаллы...

– Всё удалось? – Опять озабоченный голос наставницы в голове.

– Да. Лови отчёт.

Пересылка данных. Она присела на обломок ограды, окружавшей развалины. Закрыла глаза. И велела Третьему Глазу подключиться к Ткани.

Темнота за веками вспыхнула разноцветным ковром с тёмным косым треугольником посередине. Та самая дырка, «Дело МБГ». Но сейчас в одном из углов треугольника по-

явилась тонкая жёлтая нить. Она быстро бежала от края к краю, стягивая прореху. Вэри улыбнулась: после стольких месяцев обучения на чужих примерах приятно смотреть, как искины-ткачи вшивают в Ткань недостающие нити из того Сырья, что добыла именно ты...

Прореха почти исчезла. Вэри отключилась от Ткани. Вот и весь экзамен. Осталось лишь подождать немного.

Она огляделась. Дальний конец заборчика, на котором она сидела, обрывался у воды ржавым столбиком с медной головой льва. Иней бэтчер-баньяна взбирался по столбику парой блестящих «ёлочек». А под самой львиной головой сверкала большая «звезда» из таких же кристаллов.

Третий Глаз сообщил об окончании штопки. Но ответа от Марты не было. Что ж, не всё сразу, подумала Вэри.

Она продолжала разглядывать кристаллы бэтчер-баньяна и воображать, как искины-ткачи используют её Сырьё. Хотя едва ли это можно так легко представить. Разве что начало и конец цепочки. На входе – всего лишь пара килобайт данных. Короткий список имён, вытященных из доктора-мультика после спецобработки второй степени. А на выходе – будущее континента. Ещё одна залатанная дыра опасного развития событий, как говорила Марта. Тех, кто готовится навредить, вовремя остановят. И не перепутают с теми, кто делает полезное дело.

Нет-нет, не так. Что-то неправильно.

Она не могла объяснить, что происходит. Как не могла и

раньше, когда у неё возникало такое же чувство. И как во всех прошлых случаях, ей сразу же захотелось, чтобы это было ошибкой, чем-то другим – соринкой в глазу, недомоганием от усталости...

Увы, не получится. Это оно. То самое. Узор серебристого инея, приковавший к себе взгляд. А затем – растущее беспокойство, и резкая боль в висках...

Вэри прижала руки к глазам. Всё, отпустило. Темнота. Она открыла глаза. Озеро, развалины в центре. Серебристый иней на ржавом столбике. Ничего особенного.

Вот только у неё опять случилась «живая картинка». А они никогда не обманывали. Что-то произойдёт.

Впервые это случилось около года назад. До этого Вэри, как младшая фея, работала с Тканью только на нулевом уровне. Личные выкройки клиентов – что может быть проще? Узелки родственных связей, веера профессиональных знакомств, прожилки медкарт, декоративная бахрома не особо тонких вкусов...

Всё изменила Марта. Уровень модельера даже в учебном режиме позволял видеть Ткань такой, что потом глаза не сразу воспринимали реальность в обычном свете. Жизнь больших социальных сетей на языке многоцветных, вечно движущихся ковров – «это уже за пределами аналитики, шпилька, иначе они делали бы всё сами, без нас, способных увидеть там мелкую дисгармонию, сбой палитры, неподходящее

сочетание швов, про которое мы ничего не можем сказать, кроме того, что оно не подходит». Наставница всегда говорила ужасно запутанно. Но лучше уж так, чем навсегда остаться в добреле и работать с клиентами от звонка до звонка!

Сначала она считала, что «живые картинки» случаются из-за усиленных тренировок с новым уровнем графического интерфейса Ткани. Сказать Марте? Но вдруг та признает свою ученицу негодной, возьмёт другую?

После второго случая Вэри всё же решилась спросить у главного медискина добреля во время очередной медкомиссии. Однако уже в начале сеанса по двум наводящим вопросам легко уловила, куда он клонит, – и умолчала о том, при каких условиях оживают «картинки». Хотя и поздно, но всё же дошло: если он заподозрит проблемы с психикой, можно лишиться не только учёбы у Марты, но и обычной работы с клиентами.

Тогда она просто сбила электронного врача со следа, на лету сочинив другую концовку жалобы: лёгкая боль в глазу, тёмные пятна после работы с Тканью. Как она и надеялась, медискин сообщил, что повышенная утомляемость связана с врождённым дефектом в зрительном нерве. «Ничего страшного, я отправлю прескрипт вашему Третьему Глазу, он обо всём позаботится. И не работайте с Тканью дольше, чем предписано».

Больше она никогда и ни с кем не говорила об этих «живых картинках». Да и случались они не так уж часто, чтобы

беспокоиться. Первую она увидела зимой – узор на замёрзшем стекле, когда после сбоя погодного спутника температура упала до минус пяти. Вторую «включил» весной фотоснимок каналов Марса с большой высоты: один из клиентов, свихнувшийся астронавт в отставке, вечно таскал с собой эти драные фотки. Третья возникла только через полгода – в облаке дыма над ароматической курильницей в офисе главной феи Ванды.

Но на курсах Кои, куда её отправила перед экзаменом Марта, «живые картинки» стали случаться чаще. Целых четыре раза это происходило во время занятий по суми-э. Клякса туши расплзается по бумаге, а за ней – знакомая боль в висках и необъяснимый сдвиг точки зрения, полупрозрачные кадры разных реальностей, словно две голограммы, наложенные друг на друга. И тут же – обратно, словно ничего и не было.

Там же, во время учёбы в секте, одна из старейших сестёр обмолвилась о видениях, которые возникают у некоторых целеустремлённых адептов. Не надо бояться, если это произойдёт, с улыбкой добавила Кои. Вэри долго просила её рассказать поподробнее. А когда наконец упросила, то поняла – не тот случай. В упомянутых старой сектанткой видениях фигурировали привычные человеку вещи, которых он лишился. Бывший любитель игр со вкусовым фидбэком мог на миг принять кучу камней за гору грибов, а бывшей домохозяйке при виде грибов могли померещиться её любимые

эроботы. Получалось, что видения, о которых говорила сектантка, возникают в условиях изоляции или воздержания – а вовсе не тогда, когда рассматриваешь какие-нибудь загогулины наяву, в обычном мире.

Как сейчас. Вэри вновь осмотрела пятно серебристой плесени. Может, в самих узорах есть нечто особенное? Марта как-то упоминала о том, что все сложные динамические системы имеют структурное сходство – спирали, фракталы... Что-то такое она и про мозг говорила. Может, эти узоры как-то влияют на утомлённый мозг? Да, скорее всего.

Правда, есть ещё это дурацкое ощущение, будто каждый раз после «живой картинки» обязательно происходит нечто такое, чего ты не...

Вжжих!

Что-то большое пронеслось над головой с такой скоростью, что не удалось различить даже контуров. Вжжих, вжжих! – ещё два. Судя по звуку, аппараты полетели туда, откуда она только что выбралась. В центр фантомного озера, скрывающего клинику.

– Марта?

Голографические развалины в центре озера начали исчезать. Показался край сада.

– Всё в порядке, милая. Считаю, что ты сдала экзамен. Нужно будет ещё встретиться с Советом, но в целом...

– Марта!!! Ты же говорила, с ними ничего не будет! Это не

те мультики-экстремисты, которых вы ищете. Они же лечат, а не...

– Успокойся. Это не твоя забота. Ты свою нитку вдела, сейчас мы тебя заберём.

– Но ты же обещала!

От озера с развалинами остался лишь кольцевой канал да тот обломок стены, по которому она вышла. Роскошный сад-остров лежал посреди мёртвого города, как обломок рая, выброшенный на помойку. Только сейчас, при виде этого обнажившегося оазиса, Вэри почувствовала, какая стоит жара. Не меньше сорока по Цельсию. А в саду поддерживался микроклимат, всего двадцать восемь. Если всю защиту отключили...

Из глубины зелёного острова раздался сдавленный крик и два глухих хлопка. Затем всё стихло.

Не отрывая взгляда от сада, Вэри пятилась, пока не споткнулась. Какой-то дырявый таз покатился в яму. Когда он перестал греметь, она повернулась к саду спиной и быстро пошла прочь по дороге, заваленной посудой, мебелью, одеждой и другими вещами, которые обычно не бросают на дорогах – разве что очень торопятся убежать из проклятого места.

– Эй, шпилька, ты меня слышишь? Жди там, где вышла.

– Сама дойду.

– Послушай, куколка, не корчи из себя храбрую портняжку. Это не твой провинциальный город-музей. Это Калькут-

та-4. Среди гундов есть очень сильные кинестетики. Они не только змей заклинают. И вдобавок работают группами. А у тебя не осталось...

Отброшенные серёжки-каури жалобно звякнули в канаве.

#

Она прошла целый квартал, прежде чем услышала характерный гул. Вероятно, они вели её от самого озера. Но слезы застилали глаза, и она увидела их только на перекрёстке, где они уже не скрывали своих намерений. Четыре чёрные фигуры взяли её в кольцо и медленно приближались, двигаясь среди развалин на четвереньках. Полосы ослепительно белой краски на крупных головах, в сочетании с такими же белыми лямками респираторов, дополняли их сходство с пауками. Казалось, четыре огромных тарантула пятятся задом, сходясь к общему центру.

Третий Глаз давно снял походку каждого гунда и попытался идентифицировать их, но так и не получил ответа ни от Ткани, ни от хозяйки, которая выкинула серёжки-антенны. Искину, потерявшему связь, не оставалось ничего другого, как перейти в свой простейший, «официальный» режим хореографа. Видимые только для Вэри, тонкие голубые линии уже минут пять отмечали движения гундов, словно те танцевали с лентами на руках и ногах. Просчитывая траектории с опережением, Третий Глаз вплетал в серпантин голубых лент

пучок жёлтых: путь к отступлению. Ещё не поздно вывести тело из круга врагов по этим жёлтым спиральям, нарисованным лишь на твоей сетчатке искином, который всадил тебе щупальца в зрительный нерв. Нужно только ответить на лёгкие подёргивания мышц, эти маленькие подсказки помощника, сидящего на затылке. Помощника, который не может взять под контроль всё твоё тело – но согласия с каждой подсказкой будет достаточно, чтобы правильно выполнить каждое движение с такой точностью и скоростью, каких никто не достигнет без хореографа класса «алеф». А где правильный арабеск – там и целый балет.

Столько раз она этим пользовалась в добреле! Исполнить танец живота для усталого новостамбульского бизнесмена, поругавшегося сразу со всеми жёнами. Или обучить упражнениям раста-йоги нервного юношу-скриптуна, сбежавшего с цифровых плантаций Старых Штатов. Или выполнить ритуал «мисоги-но-генцуки» для группы японцев-политиков, к которым её посылали особенно часто из-за внешности – конечно, любая фея может скачать себе нужный облик, но ведь дермопроекторы всё-таки портят кожу, так что лучше сходи уж сегодня ты, милая, а когда припрутся французы, тебя подменит малышка Жанна...

И кому какое дело, что из всех видов терапии ты больше всего ненавидишь именно эти занудные церемонии. Особенно третий час, когда ноги болят от усталости и затекает шея, а неутомимый искин-хореограф продолжает водить твоё по-

слушное тело, продолжает вращать твоими руками титановый самокат в соответствии с принципами великого токийского «искусства пути в толпе», будь оно неладно... Нет уж, лучше какой-нибудь отморозок, который заказывает в качестве психоразгрузки «австрийскую рулетку». Неприятно, зато быстро: один патрон, один поворот барабана, шесть резких рывков тела – и всё. Да и то обычно не шесть, а меньше: если неверный угол ствола заранее гарантирует промах, искин заставляет лишь дёрнуть плечом для вида. А в остальных случаях подставляет под линию пули какой-нибудь краешек тела без костей и жизненно важных органов.

Вот и сейчас он зудит, подталкивает – шаг влево, руку вверх, поворот, быстро-быстро...

Игнорируя этот спасительный, хорошо рассчитанный тик в мышцах, Вэри пошла медленнее. «Ты опять будешь мною командовать, проклятый спрут? Отключись сейчас же, сволочь!»

Однако отказ от этого плена вёл в другой плен. Тело словно само собой начало раскачиваться в ритме чёрных паукообразных людей – и этот первый маленький акт подчинения чужой воле сразу потянул её за собой. Жара как будто усилилась, белые лица гундов сразу же стали ближе. Их монотонное бормотание, до того казавшееся лишь невнятным шёпотом, теперь било ей прямо в барабанные перепонки. Бормотание командовало, задавало ритм, требовало повторять паучьи движения чёрных пальцев, наматывающих невидимую

нить на невидимые клубки, тонких чёрных пальцев, с кончиков которых сыплется серебряный иней...

Руку ко лбу, к холодному камешку между бровей. Простое, но многократно повторенное упражнение. Оригами снова складывается. Не совсем, только чуть-чуть, по краям. Но уже всё в порядке. Блок.

– Ладно, я могу поиграть и с вами, – шепчет девушка в жёлтом сари. – Уж вас-то я не обману, никуда не уйду без вас. Будет вам ваша змея, ваша добрая Кали.

И повторяя движения гундов, сама начинает медленно поворачиваться на месте. Веер ловко скользит в руку – режим «бенгали», – распадается на два веера, оба крепко приклеиваются к кистям, по одной тонкой планке на каждый палец. Третий Глаз слегка изменяет рисунок воздушных спиралей из синих и жёлтых нитей, видимых только его хозяйке. И она уже не сопротивляется мягким подсказкам, которые хореограф посылает ей в мышцы. Всё быстрее, быстрее полет двух порхающих вееров, десяти лимонных ногтей, движущихся в том же ритме, что и сороконожка из чёрных пальцев. И уже непонятно, кто за кем повторяет движения, кто чью нить наматывает на клубок. То ли жёлтое кружится в кольце чёрного на перекрёстке – то ли чёрное ведёт хоровод вокруг жёлтого?

Нужен только миг, чтобы задуматься – и сбиться.

Когда нечто, состоящее из четырёх паукообразных фигур, замечает, что движется не по своей воле, оно резко ломает ритм, пытается снова собраться – и тут же теряет из виду

девушку в жёлтом сари. Ненадолго, всего на миг.

После этого четверо гундов видят последний, самый быстрый её пируэт. Это вообще последнее, что они видят в жизни. Но перед смертью ещё успевают понять, что она-то на самом деле стоит неподвижно, раскинув руки, а летят вокруг неё они сами, налетая шеями на лезвия вееров.

Три вдоха-выдоха, восстановить дыхание. Вернуться в себя, медленно опустить непослушные руки. Остановить их дрожь, которая тут же перекидывается на ноги. Поздно.

Вэри покачнулась и, спасаясь от падения, быстро села на ближайший обломок стены. Под её весом обломок треснул, и она съехала на землю. Всё вокруг замерло, словно остановилось время. Из головы исчезли все мысли – но лишь на миг, один прекрасный миг пустоты.

В следующее мгновение в эту пустоту выскочила из глубин памяти старая депрессивная формула, с которой она так долго боролась самыми позитивными самовнушениями.

«Всё, чего я касаюсь, разваливается».

Вставать не хотелось. Не хотелось вообще ничего.

###

Она не заметила, сколько времени просидела так, обхватив колени руками и словно бы со стороны наблюдая, как какая-то маленькая часть её сознания ещё борется с накатившей апатией. Дикая усталость в мышцах и вязкий комок

в животе требовали свернуться клубочком и так лежать, лежать...

Лишь яркое пятно, возникшее впереди, не позволило расслабиться окончательно.

Вишнёвое сари наставницы! К тому времени, когда Марта подошла к перекрёстку, Вэри уже стряхнула с себя оцепенение и поднялась. Но не успела сделать и трёх шагов навстречу, как Марта раздвоилась.

Вторая Марта, блёкая, полупрозрачная, оказалась совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки.

– Ты решила попугать меня обликами? – Вэри шагнула навстречу левой фигуре, которая появилась первой и была более чёткой.

– Мы видим так, как думаем. Верно, куколка? – сказала правая Марта, расплывчатая.

– Возможно, но...

Мир вспыхнул и погрузился во тьму. Вэри вскрикнула – скорее от неожиданности, чем от боли. Удар веером по глазам не был особенно сильным, но ослепил.

– Ты хорошо закрепила этот узелок? – Голос Марты был как жидкий азот.

– «Видим так, как думаем. А думаем так, как говорим. В результате видим так, как говорим», – отчеканила Вэри.

– Наконец-то. Игра в цитаты – не лучший способ идентификации, но всё же... Теперь открой глаза и посмотри.

Зрение вернулось быстро, хотя перед глазами ещё

несколько секунд плавали красно-зелёные рыбки и приходилось часто моргать. Зато стало видно то, что заставило невольно отступить и поднять веер.

Теперь более чёткой была правая Марта – она полностью отключила ноблик. А через дорогу, на месте первой Марты, которую Вэри приняла за настоящую, кривлялась странная сиреневая тень.

– Я давно поняла, что ты обожаешь дзенские методы обучения, – заметила настоящая Марта, обмахиваясь веером. – Прямо на лету схватываешь! Прошлый раз один удар по печени научил тебя проверять вертикальный параллакс стереопроекций. Теперь вот с частотой разобрались. А заодно и вспомнили методы альтернативной идентификации по общим глоссам. Хорошо хоть в отношении аудио у тебя врождённый талант. А то бы я тебе уже все уши отбила.

Вэри на всякий случай нагнула голову и проверила вертикальный параллакс. Нет, с такой точки зрения сиреневая тень не утратила объёма. Но и не приобрела – её по-прежнему лихорадило в каком-то фрактальном состоянии между вторым и третьим измерениями. Вэри тряхнула головой. Фантом исчез совсем.

– Ох, ну и грязища у тебя тут. А ведь люди просто пообщаться хотели.

Марта брезгливо оглядела трупы. Потом закрыла глаза и словно бы заснула на миг, изучая Ткань.

– М-да, раскроила ты платочек... Теперь местные банды

гундов ещё неделю будут делить освободившийся участок. Минус двадцать человек как минимум. Плюс опасная ниточка в здешнее временное правительство. И зачем было так строчить, милая? Лучше бы по сторонам смотрела внимательней.

– Но я же полностью вывела их на свою... – начала Вэри.

Наставница подошла вплотную и посмотрела на неё сверху вниз. Можно было не продолжать.

– Как видишь, не полностью. Был ещё кое-кто. Ты увлеклась красивой тамбурной петлёй и не заметила, что тебе вдели двойную нитку. Сколько раз тебе объяснять, шпилька! – самая опасная прошивка ждёт тебя как раз тогда, когда ты расслабилась.

– Это был ваянг?

– Какая разница? Было сказано: никакого рукоделия! К чему так рисковать, если ты не умеешь разутюжить самую обычную складку? Да ещё в день экзамена... Даже когда Артель пришивает кого-то с помощью максимально выверенного несчастного случая или болезни – даже тогда дыры остаются огромные. А уж тут... Ох, будь ты мужчиной, я бы тебе точно что-нибудь отпорол! Ладно, сейчас не время для курсов кройки. Нас ждёт Совет, чтобы утвердить твоё поступление.

– Но ты же сказала, что я уже...

– Экзамен сдан, но оценка не вынесена. Они хотят тебя видеть. Шевели ногами! И вот эти бирюльки подшей куда

следует. – На ладони Марты лежали знакомые серьги-каури. – За утерю такого оборудования можно схлопотать приличный штраф. А за умышленное выбрасывание – тем более.

Вэри покорно вернула серьги на уши и поспешила за наставницей. На следующем перекрёстке – если можно считать таковым пятачок между развалинами – Марта остановилась.

– Сунь-ка руку вон в тот контейнер.

Вэри присела и подняла за угол гнилой деревянный ящик, ещё не успев сообразить, что контейнером назван самый настоящий гроб. Но полусгнившая рука, упавшая ей на колени, разрешила все сомнения. Вэри уронила «ящик» и отскочила. Из гроба выкатился череп, из черепа выпали ложка, солонка, курительная трубка и пара дремочипов. Кем бы ни был покойник, его похоронили с удобствами.

– Ох, ну сколько можно возиться, детка...

Марта сунула руку прямо в то, что казалось безобразным трупом, и вытащила метлу и зонтик. Зонтик протянула ученице. Вэри наконец поняла, что это.

– Станный способ маскировки, – пробормотала она.

– Точно. Никогда не видела гробов ни в Третьей Калькутте, ни в Четвёртой. Тут принято сжигать трупы, а потом бросать обгоревшие тела в океан или в ближайшую подворотню. Напомни, чтобы я срезала пару нашивок тому халтурщику, который оставил нам этот тайник. То, что дерево хорошо изолирует от индукционных паразитов, ещё не повод так подставляться... Чего стоишь, распаковывай!

– Мы полетим на Совет... на аэрикшах?

– Нет, на розовых киберслонах! – передразнила наставница и приставила метлу к спине. Черенок метлы расплющился и прильнул к позвоночнику, прутья начали расти и ветвиться. Промежутки между ними затягивались плёнкой, образуя крылья.

– Разве я тебе не говорила, что на этом континенте нет ни кибов, ни телегонов?

– Ты много чего говорила! – огрызнулась Вэри, активируя своего аэрикшу. – Ты говорила, что меня назначат старшей феей или даже младшим модельером, если я стану настоящей Кои. Я полгода училась жить без техники, без чипов. Они меня приняли – и для чего? Чтобы сдавать ещё один дурацкий экзамен, чтобы снова воткнуть себе в голову эту тварь, эту уродливую помесь осьминога с летучей мышью...

– Насчёт летучей мыши – это ты порешь, шпилька. Хотя принцип связи твоего мозга с Тканью через Третий Глаз действительно похож на сонарную. Но орать на всю улицу о функциях этого устройства не стоит. Даже думать об этом забудь. Биочип, замаскированный под хореограф, корректирует работу твоего повреждённого зрительного нерва. Ничего больше. Запомни.

– Да? А я запомнила другое: за такой продвинутый имплант любую Кои не то что изгнали бы из секты, а попросту удавили бы свои же сестры. А ещё ты говорила, что вы не тронете эту клинику. Но я видела военные кибы, которые

полетели её утюжить.

К глазам снова подступили слезы. Касаться холодного камешка в этот раз не пришлось, обычная задержка дыхания вернула равновесие. Но одна мокрая змейка всё-таки выползла на щеку.

– Во-первых, не утюжить. Но об этом позже. – Марта подобрала сари, и аэрикша аккуратно обволок её ремнями безопасности. – Во-вторых, мой тебе совет: заштопай рот к тому времени, когда мы приземлимся. А лицо вытри, такая дека-тировка нам сейчас ни к чему.

– Тебя совсем не интересует моё мнение, да?

– Не беспокойся, куколка. Когда у тебя появится своё мнение, я замечу это первой. Но вообще имей в виду: в твоём возрасте «своим мнением» люди обычно называют чужие заблуждения, авторов которых уже не могут вспомнить.

Она взмыла вверх и понеслась к центру города так быстро, что Вэри, взлетевшая сразу за ней, успела бросить лишь один короткий взгляд назад. Туда, где ещё недавно стояли фантомные развалины посреди озера с широким кольцом инея вдоль берега. Теперь, когда защитный облик клиники был полностью отключён, у мёртвого глаза-озера появился живой зелёный зрачок. Он беспомощно уставился в небо и медленно тускнел.

ЛОГ 7 (СОЛ)

– Тестирование на близнецах. Неужели неинтересно?

Сол, оторвавшийся от Кобаяси на полкоридора, остановился. Поговорить с Ли так и не удалось. После обеда старик удалился, сославшись на необходимость разнести послеобеденную почту. Зато на хвост сел маркетолог, а уж он-то был знатной рыбой-прилипалой.

– Почему на близнецах?

– А ты съездишь со мной к парню Мэнсона?

– Шитый Баг! Ты можешь хоть на один вопрос ответить без выгоды для себя, Кобо?

– Конечно нет. Иначе я бы тут не работал. – Кобаяси показал два ряда чёрно-жёлтых зубов.

В свечном викторианском сумраке бара Сол не заметил, что зубы японца отделаны по последнему каталогу декоративного кариеса. Но здесь, в светлом коридоре студии, художественная дентура блистала во всей красе.

Да и одежда соответствовала зубной палитре. Теперь, когда сюртук морфировался в пиджак и высокий ворот исчез, стало видно сорочку цвета «свежесть эпохи Мейдзи». На прошлой неделе во время такого же совместного обеда Шейла как раз восхищалась новомодной эстетикой «псевдогрязной одежды», но ужасалась от цен. Видимо, Кобаяси решил

блеснуть. Однако полностью изменять своим прежним вкусам не стал: поверх сорочки был надет всё тот же пиджак-искин идеально чёрного цвета. Настоящая засада для оптических сканеров – светопоглощающий ворс из углеродных нанотрубок даже для человеческого глаза создавал ощущение, что это не выпуклый объект, а наоборот, дыра в пространстве. Сола это раздражало почти так же сильно, как сам Кобаяси.

– Ну ладно, ладно! – Японец был уже рядом и теперь пытался подхватить Сола под руку. – Чего не сделаешь для друзей! И кому какое дело, что ребята Мэнсона по старинке держат всю свою интель и даже идель в секрете! Если лучший сценарист «Дремлин-Студиос» хочет знать – имеет право. Я тоже считаю, что концепция скрытой от других интеллектуальной, а тем более идеальной собственности в эпоху существования таких гибких видов лицензирования, как...

– Извини, Кобо, мне пора. К тому же ты слишком сильно фумишь.

Наконец-то придумалась реалистичная отмазка, обрадовался Сол. В подборе ароматов, как и во всем остальном, Кобаяси следовал самым свежим тенденциям. Во время обеда личные ароматизаторы из приличия отключались. Но теперь Сол в полной мере прочувствовал, что хит сезона – бактерицидная органика: вслед за японцем по коридору прикатилась мощная чесночная аэроволна. Сол настроился изобразить аллергию. Вот сейчас надо закашляться...

– Перестань, Солли-сан. Я лишь хотел привлечь твоё внимание к тому, насколько несправедливо и даже преступно с их стороны скрывать от тебя столь важную инфу. Дело в том, что близнецы видят каждый дремль практически одинаково.

– Его все клиенты должны видеть одинаково... – буркнул Сол, прекрасно понимая, что это не так.

Уж кто-кто, а Кобаяси умел ловить на интерес. Отклонение дремля от сценария – одна из редких технических проблем, которые должен учитывать даже сценарист. Дремль – это вам не пассивная голодрама, где намертво зафиксирован и сюжет, и детали. Но это и не иммерсионный футбол на Луне, где арендованное телетело спортсмена делает всё, чего захочется земному оператору. В дремле нужно провести зрителя по заданному маршруту, но провести так, чтобы между интерлюдиями он имел определённую свободу действий. Идеальный дремль – такое прохождение сценария, после которого у человека остаётся ощущение, что все повороты он выбрал сам.

С непрофессиональными работами обычно иначе бывает. На первой же развилке человек теряется, тычется во что попало, закликивается... Или наоборот, дремастер с самого начала так жёстко задаёт путь, что клиент даже собственные руки в дремле не видит. В обоих случаях – скандалы, возврат товара. И хорошо, если человек не обращается к юрискину или журискину.

Поэтому приходится не только просчитывать дисперсион-

ные коэффициенты при работе со сценарием, но и тестировать готовые дремли на разных странных типах. И что самое ужасное – коррекция сценария и новое тестирование вовсе не гарантируют, что дремль стал лучше. Ведь у человека-тестера с тех пор тысячу раз сменилась вся психохимия. Покажи ему тот же дремль без исправлений, он всё равно увидит его по-другому. И как тут угадывать, помогла ли коррекция?

Но если близнецы действительно проходят дремли одинаково... Хм-м. Ну да, тогда можно было бы...

Сол отвлёкся от размышлений и обнаружил, что Кобаяси внимательно разглядывает его лицо. Кариесная улыбка японца стала ещё шире.

– Вижу, ты меня понял, Солли-сан. Это только идель. Но даже это мне стоило. О более подробной интели я и не заикался пока. Но если надо – человек Мэнсона, к которому мы едем, расскажет. Конечно, если ты поможешь мне договориться, чтобы он перешёл работать к нам. Или хотя бы продал нам ещё кое-что.

– Нет. – Сол запахнул макинтош. – Я уже говорил, Кобо. После той околевшей девицы я больше не участвую в твоих махинациях. У меня до сих пор перед глазами её улыбочка и синие пузырьки на губах. Кроме того, мне самому надо кое-куда съездить срочно.

Он дошёл наконец до конца коридора. Дверь лифта отъехала, Сол вошёл в кабинку и развернулся. Кобаяси стоял посреди коридора и смотрел на него исподлобья, как задири-

стый подросток.

Лифт начал закрываться.

– Я могу рассказать, как они делают дремли без дремодемов, – произнёс Кобаяси, поднимая голову.

Дверь лифта ткнулась в кожаный ботинок Сола и поехала обратно. Вмятина на ботинке медленно исчезала. Сол любил цельнорожденную обувь: никаких тебе умных подстроек на каждом шагу, просто медленное возвращение к начальной форме.

Кобаяси опять показал свою кариесную инкрустацию.

– Одно удовольствие с тобой общаться, Солли-сан. Рамакришна прав: под маской дремастера в тебе прячется настоящий торгаш.

Сол вышел из лифта.

– Ты подслушиваешь всех на свете или только начальство?

– Только тех, кто говорит дельные вещи. Ваши с Рамой разговоры – просто россыпи интели, которая не защищена ни шарой, ни корпи. Вы бы хоть зашифровались, что ли.

– Теперь будем.

Сол глубоко вздохнул. Надо сразу настроиться, что каждая следующая фраза Кобаяси будет портить настроение. Молодой японец обладал поразительной способностью отслеживать болевые точки и давить на них. Рамакришна рассказывал, что это – следствие особой подготовки: до студии Кобаяси несколько лет работал в добреле. А там именно это-

му и учат. Обрабатывать.

– Могу подкинуть свеженький нейрокрипт, – подмигнул японец. – Ретровирусная защита из лучших лабов Нового Киото. Один укол, и тут же начинаешь говорить на синтешумерском. Причём для каждой дискуссии генерится новый диалект. Если уговоришь Раму оснастить этой криптозащитой всех людей «Дремлина», я могу подшустрить, чтобы нам её поставили по самым низким....

– Ближе к делу. Что надо от меня сейчас?

– Ты едешь со мной к парню Мэнсона. А я рассказываю тебе, что за баговину придумал этот самый «Дремек», который сегодня утром заставил нервничать нашего любимого Раму. Тебе не придётся самому выяснять. И уж тем более не придётся тестировать на себе. Но за это ты поможешь мне перекупить спеца из «Мэнсон Сисоу». Идёт?

– Гарантируешь, что меня не отравят?

– Перестань, Солли! Ты так заиклился на том маленьком недоразумении. А ведь сам виноват! Чем ты ел пять минут назад?

– Палочками...

– Вот именно, палочками. Незвестного производства и без всякой способности к мышлению! – Кобаяси засунул руку под пиджак, куда-то за спину. – Мышление нужно, понимаешь?

– На себя посмотри, умник.

– Сразу ясно, что ты не знаток поэзии. – Кобаяси продол-

жал шарить у себя за спиной. – Ну-ка, попробуем ещё раз: «Жадно лакает мышь из реки Сумида...»

«Может, он эрогенную чесотку себе подсадил?» – подумал Сол. В тот раз за обедом Кобаяси с Шейлой обсуждали не только псевдогрязную одежду, но и тактильные стимуляторы. Шейла даже обмолвилась, что самое большое сексуальное удовольствие получает, когда чешется.

– Ну? Угадал, на что намекает это хайку? – Кобаяси перестал возиться, но руку из-под пиджака не вынимал.

– Нет, не угадал. Не люблю поэтические игры.

– Жаль. – Японец вытащил из-под полы две пластиковые палочки. – Ладно, отдам просто так. Полный контроль всей твоей жратвы. Настоящие крысиные мозги внутри. Говорят, из того лаба «Мацуситы», где их делают, недавно сбежала целая стая крыс, выращенных как раз для этих биодетекторов. Так их даже искать не стали: эти гурманы едят только немодифицированное мясо, наверняка сами передохли от голода через пару дней.

Сол осторожно взял палочки двумя пальцами. Отказываться бесполезно. Однажды они чуть не подрались с Кобаяси из-за такого отказа. Шейла потом объяснила – это не просто подарки, а какой-то дурацкий ритуал, который очень ценится у маркетологов. Для людей, торгующих огромными партиями очень абстрактных товаров, это вроде психологической разгрузки – подарить в рекламных целях реальную вещь, которую можно потрогать руками. А уж если обме-

нять её на нечто такое же осязаемое у другого маркетолога, да ещё перед обменом угадать товар и произнести вторую половину рекламного стишка – тут у них вообще тройной оргазм наступает. Узнав об этом профессиональном бзике, Сол перестал тратить время на отказы. Он принимал подарки японца молча, и так же молча выкидывал полчаса спустя.

Кобаяси чего-то ждал. Наверное, благодарности. Сол кивнул. Потом рассеянно провёл палочками по стене.

– Повышенная токсичность! – громко вскричал пиджак Кобаяси. – Свинец, кадмий, фторуглерод, пентахлорфенол, три...

– А, зарази тебя! – Кобаяси хлопнул себя по рукаву. – Го-ку, передай искину Солли-сана драйвер пищевого сенсора. А сам переключись на другую пару, которая у меня в спинном кармане.

– Повышенная токсичность! – раздалось теперь в ушах Сола. – Пентахлорфенол, трифенил фосфат, нитроцеллюлоза, галоген...

– Маки, ты-то хоть заткнись! – Непроизвольно повторяя жест Кобаяси, Сол стукнул кулаком по макинтошу и угодил в собственную печень. – Ты же не думаешь, что я буду есть стены!

– Извини, Сол. Я не учёл, что ты только что пообедал.

– У тебя очень смыслённый искин, – хохотнул Кобаяси. – Жаль, на время переговоров его придётся отключить.

– Это ещё зачем?

– Затем, что мы едем к столовертам. Духов будем вызывать.

– При чём тут искин? Или... Погоди, ты это всерьёз? Тех самых духов, которыми Ли увлекается? Которых тошнит от микроволнового излучения?

– Точно. От всего спектра. И от некоторых других спектров тоже тошнит. Только не самих духов, а их носителей.

Снова подошёл лифт. Теперь они вошли в кабинку вместе. Несколько этажей оба молчали.

– Чуть не забыл! – воскликнул вдруг Кобаяси. – Гоку, договорись с искином Солли-сана о шифровании связи.

– Ты же сказал, его придётся отключить, – встрепнулся Сол.

– На месте придётся. А до тех пор я успею тебе кое-что рассказать. Например, как туда лететь.

– А сам не полетишь? Ну уж нет, я не согласен работать твоим телеботом!

– Успокойся, дружище. – Жёлтые зубы с чёрными узорами блеснули у самой шеи Сола, и в нос опять шибануло чесноком. – Я не из тех извращенцев, которые под видом служебной деятельности практикуют иммерсионные изнасилования. Правда, ничего особенного в этом нет... Подумаешь, кто-то поуправлял чужим телом! Между прочим, спортсмены-экстремалы, которые работают «чужими глазами» и другими органами – это очень уважаемые люди. Знаешь, сколько получил тот безрукий альпинист-китаец, который прище-

мил один из своих пенисов в марсианском леднике? Ему не только на два новых пениса хватило, но и на собственный «челнок»! Просто у вас, последних оставшихся белых, слишком много старинных предубеждений на этот счёт.

Сол стряхнул руку японца, которую тот опять умудрился незаметно просунуть ему под локоть.

– Слушай, Кобо. Если я только замечу, что ты пытаешься подключиться к моим глазам или ещё куда... Имей в виду: твоя жёлтая задница получит кое-что совсем не дистанционное. Ты видел мои гонконгские дремли. У меня богатая фантазия, знаешь.

– Что ты, что ты! – отшатнулся японец. – Я имел в виду совсем другое. Мы с Гоку тоже туда летим, только отдельно от тебя. Но мы будем рядом. Мы прикроем нашего белого брата от всех грязных иммерастов.

###

Запрет на полёты в исторической части города вспомнился Солу лишь после того, как Кобаяси велел ему взять такси. Весь последний год Сол добирался на работу телегоном и уже позабыл о существовании сомнительного удовольствия под названием «индивидуальный транспорт с ручным управлением».

Конечно, у кибя есть искин, который может сам вести машину. Но только не в том случае, если приходится нырять

из пробки в пробку по команде коллеги-конспиратора. Кобаяси настоял, чтобы Сол вёл вручную, не зная места назначения, но повинаясь инструкциям маркетолога на каждом новом перекрёстке. Для Сола, который привык размышлять в транспорте, а не смотреть на дорогу, это было настоящей пыткой. Линии динамической дорожной разметки перерисовывались прямо под брюхом машины. Перед лобовым стеклом то и дело зависали какие-то летающие полосатые палки. Руки с непривычки сильно потели на полусферах штурвала и постоянно норовили соскользнуть с них, бросая машину из стороны в сторону.

Но больше всего раздражало, что во время таких виражей аудиосимулятор киба издавал совершенно похабные стоны. Кобаяси хотел, чтобы Сол взял такси подешевле, где меньше всего вероятность прослушки. Погруженный в свои мысли, Сол только в пути заметил, что дизайн машины выполнен в стиле лёгкой техноэротики. Розовые кожаные сиденья имели форму голых спин, а сам штурвал с двумя мягкими сенсорными полусферами сильно напоминал девичью грудь. С этой «грудью-колесом» Сол уже как будто свыкся. Но такие стоны... это уже чересчур.

Вдобавок настроение продолжало ухудшаться от общения с Кобаяси. Японец сдержал обещание и рассказал, как «Дремок» делает дремли без дремодема. Всё выходило просто и скучно. И ничуть не помогало объяснить то, что произошло с Солом прошлой ночью.

– Теперь вверх и налево, – сказала голографическая голова Кобаяси.

Сол с облегчением поднял киб в воздух: Старый Город закончился. Пока он петлял в узких улочках даунтауна, начало темнеть. Зато теперь не придётся ползать по земле, рискуя столкнуться на любом углу. Сол вернулся к прерванному разговору.

– ...Но каким образом они протащили эти фармозиты через Протокол? В прошлом году «Неодремль» пытался использовать в дремодемах амфетаминовые ускорители под видом релаксантов. Так его обанкротили раньше, чем кто-либо успел подать в суд.

– А это не ускорители. Это попроще.

Сол отметил, что японец не успел внести корректировку в свой облик. У отрезанной головы Кобаяси, висящей над соседним сиденьем, зубы были такие же красные, как и месяц назад, когда в моде был «рапановый налёт».

– Пищевая добавка из сверчков была известна в Старом Китае несколько веков назад. – сообщила голова Кобаяси со старым зубным дизайном. – В прошлом веке они научились синтезировать этот ПКМ-протеин. В общем-то это просто средство для улучшения памяти. Никакого привыкания и побочных эффектов. Активно использовали при обучении пилотов в Китае-2. А в Китае-3 даже рекомендовали для школьников. Но позже детям использовать запретили, потому что побочный эффект все-таки нашёлся – сильная доза

вызывает галлюцинации. Хотя само вещество пока вполне легально. Постой, не поднимайся высоко. Ага, вот так. Чем ближе к земле полетишь, тем лучше.

– Так ты сам пробовал?

– Конечно! Очень сильная штука!

Кобаяси покачал висящей в воздухе головой. Стало видно, что внутри она пустая, точно из рисовой бумаги.

Сол отвернулся. Он не любил облики в виде говорящих голов. Тем более что в начале полёта Кобаяси, по какому-то особому обычаю, появился в кибе полностью. На нем было красное хакама, за плечами торчали лаковые рукоятки двух мечей. Всё это, в сочетании с розовыми зубами, вполне можно было терпеть.

Однако после демонстрации полного облика японец тут же показал, что не собирается попусту разряжать батарейки – и оставил висеть в воздухе одну только голову. Из-за этого она теперь и воспринималась как отрезанная. Ну не идиотские ли обычаи у этих желтков? Нет, никак нельзя допустить, чтобы мэром города снова стала японка... Баг, при чём тут мэр?!

От неожиданности Сол подскочил на месте. Оказывается, отвернувшись от головы Кобаяси, он уже несколько секунд бессознательно пялится на калейдоскопическую медузу, которая висела в воздухе прямо у него перед носом. Встряхивание головой не помогло. Медуза колыхнулась, но не исчезла, зато по ней побежали буквы. Рисовая голова Кобаяси

безучастно висела на прежнем месте.

Ага, вот оно что! Спасибо периферийному зрению... Краем глаза Сол различил прилипшего к лобовому стеклу махаона с ярким стереопарным логлем на крыльях. Бабочка чуть пошевелилась. Перед носом Сола опять появилась объёмная мультяшка. Она состояла из каких-то трёх слов, которые словно бы пытались собраться, но как только становились почти читаемыми – тут же расплывались.

– Хочешь помыть стекло, красавчик? – игривым голосом спросил грудеобразный штурвал киба. – Всего десять киловаток!

– Спасибо, не надо. – Сол старался спокойно держать руки на полусферах и не смотреть на рекламную бабочку с логлем.

– Лучше очисти, – посоветовала голова Кобаяси. – Это новая модель, с флок-эффектом. Если первая не получила сопротивления, остальные...

Поздно. На стекло киба шлёпнулся второй махаон, за ним ещё один. Через миг чмокающие удары слились в единую трель: наружная поверхность стекла с огромной скоростью покрывалась бабочками. Перед Солом закружился бешеный хоровод изображений. Теперь отвести взгляд было просто некуда: то фирменный логль, то ужасно улыбчивое лицо, то вообще какая-то стробоскопическая мигалка зависали перед носом.

– Очистить стекло! – рявкнул Сол, щурясь в сторону последнего прозрачного участка, за которым подозрительно

близко мелькала земля.

Снаружи вспыхнуло голубым, внутри пахнуло озоном. Затем всё стекло заволокло пеной, которая тут же исчезла – вместе с махаонами. Видимость стала такой, словно стекла и вовсе не было. Из всего хаоса стереопроекций в кабине осталась только голова Кобаяси.

Несколько минут летели молча. Первым заговорил японец.

– Тебе, белый брат, даже и не снилась та кадровая комиссия, которую мне пришлось пройти, чтобы попасть в «Дремлин-Студиос», – печально произнесла отрезанная голова. – Вас, творческих людей, днём с лазером ищут, чтобы заманить на работу. А нам, простым работникам торговли, приходится зубами вгрызаться...

– Ты это к чему? Мы вроде обсуждали «Дремок», а не нашу студию, – напомнил Сол.

– Но ты же спросил, использовал ли я ПКМ. А кто у нас его не использовал? Когда тебя экзаменуют в комнате с девятью разными детекторами лжи, плюс экранирование всех спектров... Что ещё остаётся делать? Только это и помогает: пара укольчиков для улучшения памяти.

– Я спрашивал другое. Пробовал ли ты смотреть дремли под этой штукой?

– А-а, это! Нет, конечно. Знаешь, мне одного раза хватило, когда я перед экзаменом всадил двойную дозу. Потом неделю не отделаться было. Только закрою глаза – форму-

лы вирусного маркетинга, фрактальные графики биржевого прогнозирования, динамика социальных сетей в ускоренной анимации... Открою глаза – те же формулы, только на стенах да на потолке. Неужели ты думаешь, я стал бы то же самое пробовать с дремлями? Да я их и так по десять раз смотрю на разных презентациях. После этого они все у меня перед глазами стоят и без ПКМ. Особенно твои гонконгские, хе-хе!

– Но ведь Рама говорил, что «задержанный дремль» – это не просто воспоминания. Человек видит настоящие дремли, причём не надевая дремодема в течение... Шитый Баг!

Сол на миг замешкался и едва не врезался во встречный киб, спикировавший откуда-то сверху на огромный голый утёс посреди болота. При внимательном рассмотрении скала оказалась жилым особняком. Вокруг виднелось ещё несколько таких же скалистых строений. Некоторые даже заросли травой и кустами. Из расселины в ближайшем доме-скале вылез охранный рободракон, громко пискнул в сторону Сола и снова скрылся.

«И что за извращенец придумал этот органический дизайн! – мысленно выругался Сол, поднимая киб повыше. – Уже и спальный район не отличишь от дикой местности».

– В течение?.. – мягко переспросил Кобаяси. В голосе звучала осторожность хищника, заметившего хвост добычи.

– Ну, какое-то время.

Уж кому-кому, а этому жёлтому проныре он точно не будет рассказывать, что не пользовался дремодемом уже

несколько месяцев. И не принимал никаких веществ. И тем не менее, вчера увидел дремль, который...

– Рама мне сказал, что вроде как пару дней. – Сол попытался вспомнить, что говорил Рамакришна. – Какой-то эффект задержки. Только он не в курсе, как это можно сделать.

– С помощью ПКМ, – кивнул облик Кобаяси. – Я же говорю, от него бывают реальные глюки. И плюс к тому, флэшбэк – это когда глюк повторяется через некоторое время, даже если ты ничего не принимал. Их дремодем вкатывает клиенту дозу перед самым дремлем. Дремль программирует галлюцинацию. Потом она повторяется на «флэшбэке», без дремодема. Возьми-ка левее, вон на того монстра с нечеловеческими яйцами.

Сол молча повиновался. Нечто, висящее в небе прямо по курсу, по мере приближения приобрело вполне различные очертания, утратив загадочность – а с ней и привлекательность. Обычный воздушный коммут банды технокочевников: шесть огромных шаров держат в небе платформу с аппаратурой связи, прямо над местом стоянки табора.

– Почему ты сам не сказал Рамакришне, что «Дремок» использует наркотики? – спросил Сол после непродолжительного раздумья.

– Видишь ли... – Кобаяси замялся. – Нам всё равно придётся активнее работать с фармозитами. Сейчас все на это переходят. Не исключено, что вскоре появятся поправки к Протоколу, разрешающие продавать слабые ускорители для

дремлей. А уж средство, которое использует «Дремок», вообще не является запрещённым. И в обоих случаях химия позволяет достигнуть более ярких эффектов, чем наши лучшие нейроконтроллеры.

– Ну так и скажи об этом завтра на утренней «летучке».

– Будет лучше, если ты скажешь, Солли-сан. Рама ценит твоё мнение. Даже если он не согласится на полный разворот, с галлюциногенами и ускорителями, ему наверняка понравится идея увеличить выпуск аромадремлей или ещё каких-нибудь дремлей с добавками. А там, глядишь, расширим ассортимент... Но поднести этот идель Раме должен именно ты. У тебя к нему есть подход.

– Сволочь ты, – перебил Сол. – Опять меня используешь. Это у тебя называется обменять одолжение на одолжение? Не прошло и получаса, как я уже должен тебе два, а ты мне – ни одного. Развернись вот сейчас и полечу домой.

Против ожидания, Кобаяси не бросился отговаривать. Некоторое время голова с красными зубами висела над соседним сиденьем совершенно неподвижно. Заинтригованный, Сол продолжал лететь прямо. Голова неожиданно произнесла усталым голосом:

– Ты просто сам не знаешь, Солли-сан, чего тебе в жизни надо. Знал бы – стремился бы получить любыми способами, как я. А если ты всё равно не знаешь и не стремишься, то почему бы не помочь другому человеку достичь его целей? В конце концов, на одну контору работаем.

Ответить было нечего. Кобаяси прав: Сол не знал, чего ищет. Это относилось не только к дремлю без дремодема, но и ко всей его жизни. По сути, это было его талантом. Только человек, чей взгляд на мир не скован рамочками ближних целей, способен заметить то, чего не замечают другие.

Долгие годы эта идея была чем-то вроде личного творческого девиза Сола. Но сейчас появилось неожиданное философское продолжение. А что, если странное явление вроде дремля без дремодема явилось следствием именно такого «безрамочного» взгляда на жизнь? Невозможно было бы представить, что нечто подобное произошло с Кобаяси. Всё, что случалось в жизни маркетолога, было таким же конкретным, как его отношение к этой жизни. Он просто не заметил бы того, что не вписалось.

А вот если человек принципиально живёт без особого смысла... Ну да, было бы вполне естественно, если бы в жизни такого человека начали происходить события, лишённые смысла. И как он раньше не подумал об этом? Ведущий сценарист «Дремлин Студиос» тихонько свихнулся от собственной интеллектуальной свободы, а теперь зачем-то ищет осмысленное объяснение своему бреду...

Да и видел ли он этот дремль вообще? Может, его память тоже решила жить без рамок и выстроила своё содержимое в случайном порядке?

От следующей, ещё более ужасной догадки вздрогнул весь

киб, потому что Сол слишком резко вцепился в руль. Собственный искин машины счёл это дурным знаком и самостоятельно сбросил скорость. Раздражённый женский голос из штурвала предложил передать управление искину-водителю либо подтвердить, что всё в порядке.

Сол подтвердил. И даже на всякий случай осмотрел штурвал: не поцарапал ли «грудь»? Нет, мягкие полусферы сохраняли идеальный вид. Но неприятная мысль продолжала развиваться.

Рамакришна как-то рассказывал, что самая большая гадость для мультиперсонала – это когда его субличности не контактят. Иногда в таких случаях они и вовсе не знают друг о друге. Или одна смутно ощущает присутствие другой... в виде странных воспоминаний.

А ещё Рама шутил, что сценарным фантазиям Сола позавидовали бы многие мультики.

С другой стороны, Маки должен был отследить такие странности хозяина. Да, но только если тот, другой-Сол, не перегрузил искин, вернувшись после своего приключения... Баг, да как же мне узнать, что происходит в моей собственной голове?

Конечно, если переключения субличностей случаются у него не в первый раз, окружающие могли заметить. Сол снова взглянул на Кобаяси. Голографическая голова с застывшей улыбкой смотрела вперёд. Но почему Кобаяси заговорил вдруг про отсутствие целей, про разброс интересов? Мо-

жет, уже заметил?

– Сегодня у меня вроде появилась цель... – пробормотал Сол. – А толку всё равно никакого.

– Ты про эти дремли с задержкой, что ли? Да брось, разве это цель.

– Нет, «Дремок» тут ни при чем. Просто я... задумал новый сценарий, как ты в обед угадал. Что-то типа вложенного дремля.

– ...Запрещённого Женевской конвенцией, точно? – подмигнула голова Кобаяси. – Так бы и говорил сразу. Можешь на меня положиться. У меня такие криптодилеры есть... Всё будет полностью анонимно и по самым высоким ценам.

– Дело не в покупателе.

Интересно, можно ли изложить суть дела на языке маркетолога? Во время обеда Сол уже слышал реакцию Кобаяси на свою историю про дремль без дремодема. Однако последний выпад японца, насчёт бесцельной жизни, показал, что Кобаяси может сказать гораздо больше, если переформулировать задачу... более прагматично?

– Понимаешь, в таком продукте очень сложно отследить дисперсионный эффект... как раз в точке выхода из вложенного дремля. – Сол медленно подбирал слова. – Вот представь: парень, только что увидевший классный дремль, вдруг попадает обратно в свою комнату. Он видит, что дремодем валяется рядом. Допустим, мы заставили его поверить, что

он действительно проснулся. Но что он будет делать дальше? В обычном дремле всё ясно: там сразу подбрасывается какой-то набор ключей. А здесь, в своей комнате... Если чего-то добавишь, он сразу заметит, что дремль продолжается.

– Понял, понял... Вон те холмы видишь? Рули туда. Только поднимись повыше.

«Хреновый из меня прагматик, – подумал Сол. – Кажется, он догадался, о чём я спрашиваю».

Голова Кобаяси застыла: маркетолог занимался какими-то своими делами. Может, уже звонит в пункт помощи сбесившимся мультикам? «Извините, у меня тут ведущий сценарист «Дремлин Студиос»... Его личность, кажется, расщепилась. Ситуация может выйти из-под контроля. Да, в настоящее время он вручную управляет транспортным средством на большой высоте».

– Левее, Солли-сан. Не снижайся пока.

Ещё пара минут тишины. Холмы приближались.

– Извини, что отключился, – снова заговорил Кобаяси. – Я тут ещё свой киб веду, только с другой стороны и под водой. Тебя вроде правильно вывел, а сам малость промахнулся. Какой-то совсем новый логль всё стекло залепил. Огромная плавающая пицца с именем мэра из оливок и пепперони. Видел такие? Мы с Гоку еле вырубили его. Ненавижу эти предвыборные деньки! У моего искина второй дан по такси-до, он по целых пять секунд медитирует на каждом повороте, вычисляя благоприятное направление – а что толку?

Сол оглядел горизонт. Сплошные холмы, ни намёка на водоёмы. До океана миль тридцать. Неужто этот хитрый японец просто заболтал его, чтобы послать на место в одиночку?

– По поводу твоей проблемы с дисперсией... – продолжил Кобаяси. – Есть кой-какой идель на тему. Связано как раз с тем типом, к которому мы летим. Только обещай мне, что не будешь с ним трепаться, пока я не появлюсь. Это важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.